

"История Петербурга в городском анекдоте"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

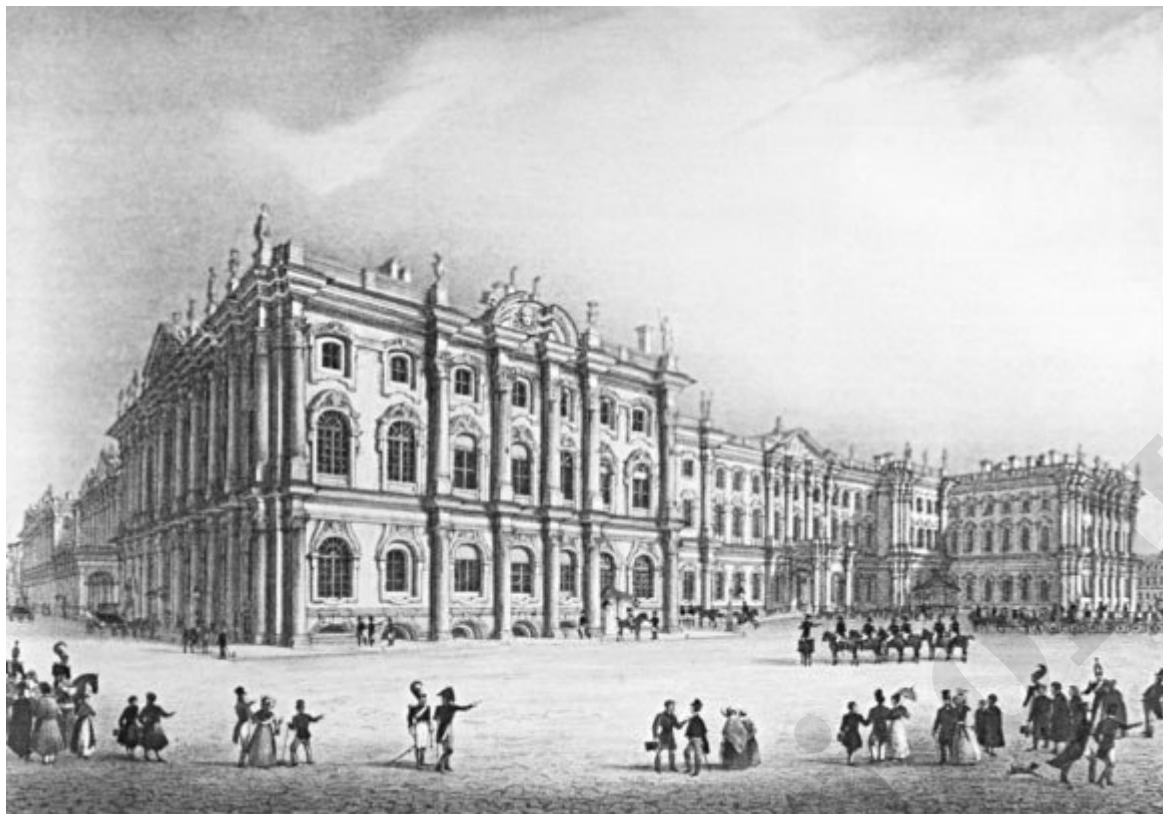

Наум Синдаловский

История Петербурга в городском анекдоте

Глава 1. Императорский дом

Тут надо признаться, что официальная историография страдает тремя неизлечимыми болезнями. Она либо недоговаривает, либо умалчивает, либо вообще лжет. На фоне этих клинических недугов — опасной недоговоренности, стыдливого умолчания или откровенной лжи, и возникает фольклор, который по-своему пытается объяснить события, происходящие вокруг. Роль анекдота в этом смысле трудно переоценить.

Надо признать, что из всех известных нам жанров и видов городского фольклора анекдот — самый обыкновенный, если не сказать тривиальный. Но одновременно он же и самый интригующий. Он — как острая пряная приправа к привычному повседневному обеду или как экзотический ароматный деликатес, неожиданно поданный на десерт. Без него, как без соли, обед становится пресным, разговор скучным, застолье унылым и неинтересным.

К бесспорным достоинствам анекдота, особенно в его современном варианте, надо отнести и то обстоятельство, что он по своей природе исключительно национален, его почти невозможно перевести на другой язык. Попытки перевода приводят к полному обескровливанию анекдота, выводят его из одного жанра в другой, превращают анекдот в скучную и неинтересную информацию.

С известной долей допущения можно сказать, что анекдот — это самый древний жанр фольклора. Может быть, даже древнее мифа. Во всяком случае, в рамках европейской культуры. В самом деле. Чтобы создать миф, человеку нужно было натренировать свой мозг, приучить его к серьезной работе, к умению думать, сопоставлять, размышлять о причинах возникновения тех или иных стихийных явлений природы, чтобы потом в придуманном мифе как-то попытаться объяснить это и себе, и другим. Эпоха первобытного мифа была одновременно и эпохой некой своеобразной первобытной философии, предшествовавшей переходу человечества из естественного, природного существования к цивилизации, к культуре. Авторами древних мифов должны были быть искушенные рассказчики, люди, не лишенные способности аналитически мыслить и рассуждать. Таких было немного. А анекдот — это всего лишь короткий пересказ более или менее любопытного факта из собственной жизни, интересный фрагмент подслушанного разговора или случайно подсмотренного события. Для этого не нужно было обладать никаким особенным опытом. Авторами анекдотов могли быть буквально все, и уже только поэтому анекдот еще в древности стал одним из самых демократичных видов устного народного творчества.

Другое дело, что благодаря именно этим свойствам анекдот слыл самым легким и необязательным элементом этого творчества. Долгое время никто не мог себе даже

представить, что анекдот может являть собой отдельный, самостоятельный жанр того направления человеческой деятельности, которое потом назовут искусством. Достаточно сказать, что в классификации видов и жанров раннего искусства анекдот не имел даже собственного названия. Только в XVIII в. нашей эры анекдот стали называть анекдотом — по названию выходявших тогда в Германии популярных сборников неопубликованных ранее (а значит, новых и интересных) развлекательных юмористических рассказов о тех или иных личностях или событиях истории.

Название не было случайным. Оно возникло из интереса к античности и было заимствовано у выдающегося юриста и историка древности Прокопия из Кесарии, жившего в V в., в эпоху императора Восточной Римской империи Юстиниана. Среди его многочисленных работ был один тайный исторический труд, направленный против политики императора. Он не имел официального авторского названия и при жизни Юстиниана не издавался. Из элементарного страха за собственную жизнь. В этом смысле древнейшие анекдоты, записанные когда-то Прокопием, сродни современным политическим анекдотам тоталитарной советской эпохи. И те и другие могли существовать исключительно в устном варианте, то есть в фольклоре. Только так могла быть обеспечена безопасность подлинного автора.

Но вернемся в V в. Только после смерти Юстиниана работа Прокопия была опубликована под немудрящим названием «Анеkdota», что в переводе с греческого означает не более чем «неопубликованный». В книге содержались подробные описания обычаев и нравов того времени. Многие из них носили остро критический характер и были нелюбимы. С тех пор всякие короткие, неопубликованные, передающиеся из уст в уста новеллы из жизни окружающих стали называть анекдотами.

В 1830 г. один из таких сборников анекдотов, переведенный на русский язык с немецкого и изданный неким К. Зайделем, появился и в России. Здесь он легко прижился. Почва для этого была хорошо подготовлена. В России в то время среди читающей публики пользовались исключительной популярностью французские фавлю — короткие, родственные анекдоту по жанру юмористические рассказы — и старинные итальянские новеллы, в сюжетной основе которых лежали обыкновенные анекдоты из жизни.

Однако тот факт, что возникновение и становление европейского анекдота в России совпало с эпохой Петра Великого, дерзнувшего развернуть неуклюжий корабль русской истории на Запад, нельзя рассматривать как случайность. Это, если можно так выразиться, чисто литературное обстоятельство легко вписывалось в логику титанической работы, одним из эпизодов которой стало основание в устье Невы, под самым боком матушки Европы, новой столицы русского государства — Санкт-Петербурга. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и появление первого русского анекдота, в общеевропейском понимании этого слова, было зафиксировано в Петербурге. Он хорошо известен. Значение его для устной петербургской культуры трудно переоценить. Это не только первый собственно петербургский анекдот. В его сюжетную канву искусно вплетена затейливая грамматическая конструкция, которой суждено было стать первой питерской поговоркой. Таким образом, одновременно родились сразу два жанра петербургского городского фольклора. Вот почему наше повествование мы начинаем именно с него.

Петр спросил однажды у своего шута Балакирева:

— Скажи, шут, что говорят о моем городе петербуржцы?

— А что говорят, — ответил шут, — говорят, что с одной стороны — море, с другой — горе, с третьей — мох, а с четвертой — ох!

Петр вскипел от злости, схватил свою знаменитую дубинку и прошелся ею по спине своего незадачливого шута, приговаривая:

— Вот тебе море, вот тебе горе, вот тебе мох, а вот тебе ох!

Этот анекдот положил начало целой серии передаваемых из уст в уста, из поколения в поколение увлекательных исторических рассказов о Петербурге и персонажах петербургского периода отечественной истории. Яркие, выразительные и остроумные, они, расположенные в хронологическом порядке, дают достаточно полное представление обо всей истории Петербурга с первых лет его существования и вплоть до наших дней. Причем не официальной, описанной в учебниках истории и канонизированной на всех этапах всеобща, а параллельной, такой, как она виделась в народе.

Тут надо признаться, что официальная историография страдает тремя неизлечимыми болезнями. Она либо не договаривает, либо умалчивает, либо вообще лжет. На фоне этих клинических недугов — опасной недоговоренности, стыдливого умолчания или откровенной лжи — и возникает фольклор, который по-своему пытается объяснить события, происходящие вокруг. Роль анекдота в этом смысле трудно переоценить. Он становится не только источником информации, но и ее комментатором. То, что анекдот не только сохраняет информацию, но еще и комментирует ее, только повышает ценность как этой информации, так и самого анекдота. Достаточно напомнить, что многие детали жизни и быта, черты и особенности характеров исторических персонажей, а главное аромат безвозвратно исчезающего времени доносятся до потомков исключительно благодаря анекдоту.

Особенное значение анекдот приобретает в тоталитарном государстве, в котором официальная историография испытывает известные трудности не только с распространением информации, но и со свободным доступом к ней. В этих условиях анекдот выполняет еще и роль клапана, который позволяет выпустить пар и ослабить опасное напряжение идеологического пресса, и роль, некогда возложенную историей на эпос. Современный фольклор, как и доисторический эпос, сохраняет информацию во времени путем неоднократной передачи ее из уст в уста.

Среди многочисленных персонажей петербургской истории первым заслужил внимание городского анекдота основатель Петербурга император Петр Первый. Он всегда был наиболее любимым героем городского фольклора вообще и анекдота в частности. В значительной степени именно в анекдоте создавался тот привлекательный образ деятельного, неутомимого, жесткого, но справедливого руководителя государства и строителя новой столицы, к которому мы все привыкли.

Исторические анекдоты о Петре I составили целый пласт не только устного народного творчества, но и письменной литературы. На всем протяжении жизни и деятельности великого императора они старательно собирались исследователями фольклора и профессиональными историками. Практически все они в разное время были опубликованы. Большинство из них представляет собой подлинные жемчужины жанра, хотя и далеко не все принадлежат Петербургу. Известно, что деятельность Петра распространялась далеко за пределы новой столицы, он много ездил по стране, бывал за границей, и где бы ни приходилось ему находиться, везде он оставлял о себе память в виде фольклора. Анекдот не был в этом смысле исключением.

Понятно, что в контексте нашей книги важны только те анекдоты, которые напрямую связаны с характерными чертами личности Петра I и в особенности с жизнью и историей основанного им города Петербурга. Но и их достаточно. Надо, правда, иметь в виду, что при Петре I анекдот как жанр еще только формировался и многие тексты, известные в литературе как анекдоты о

Петре I, на самом деле по форме более похожи на легенды и предания и анекдотами называются исключительно по традиции. Но и анекдоты в нашем, современном понимании есть. Один из них мы уже знаем. Вот еще несколько:

Государь Петр I, заседаая однажды в Сенате и слушая дела о различных воровствах, за несколько дней до того случившихся, в гневе своем клялся пресечь оные и тотчас сказал тогдашнему генерал-прокурору Павлу Ивановичу Ягужинскому:

— Сейчас напиши от моего имени указ во все государство такого содержания: что если кто и настолько украдет, что можно купить веревку, тот без дальнейшего следствия повешен будет.

Генерал-прокурор, выслушав строгое повеление, взялся было уже за перо, но, несколько поудержавшись, отвечал монарху:

— Подумайте, Ваше Величество, какие следствия будет иметь этот указ?

— Пиши, — прервал государь, — что я тебе приказал.

Ягужинский все еще не писал и, наконец, с улыбкою сказал монарху:

— Всемилостивейший государь! Неужели ты хочешь остаться императором один, без служителей и подданных? Все мы ворует, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой.

Государь, погруженный в свои мысли, услышав такой забавный ответ, рассмеялся и замолчал.

Один монах у архиерея, подавая водку Петру I, споткнулся и его облил, но не потерял рассудка и сказал: — На ком капля, а на тебя, государь, излияся вся благодать.

Петр Великий, сядя сам дубовые желуди, приметя, что один из стоящих тут трудам его улыбнулся, гневно промолвил:

— Ты мнишь, не доживу я матерых дубов. Правда, но ты дурак.

Я оставляю сим пример, чтоб потомки, деляя то ж, со временем из них строили корабли.

Первоначально Петербург задумывался вовсе не в качестве столицы государства. Предполагалось, что это будет военная крепость и морской порт на Балтике. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Петр I считается основателем русского военно-морского флота. Понятно и то, что зарождение всех наиболее значительных событий флотской жизни фольклор приписывает ему. О моряках в Петербурге ходили замысловатые байки и затейливые анекдоты. С завистью смотрели юные недоросли на матросскую форму. Следил за красотой и единообразием этой формы и сам Петр. Сохранилась легенда о том, как не раз, посещая корабли, Петр восклицал: «Пекарей и лекарей с палубы долой!» Известно, что единственными людьми на флоте, кто не носил единой матросской формы, были представители именно этих корабельных профессий. И хотя многие элементы флотской одежды были довольно позднего происхождения, все они в фольклоре связывались с именем Петра I.

Однажды, прогуливаясь по Летнему саду, Петр заметил в кустах обнаженную задницу. Подойдя ближе, он увидел и обладателя этого зада — матроса, пристроившегося со спущенными штанами к какой-то девке.

— Сия голая задница позорит флот российский, — недовольно проворчал император и вскоре ввел на флоте форменные брюки с клапаном, что позволяло матросам заниматься любовью, не обнажая при этом зады.

Так это или нет, судите сами. Но с тех пор, если, конечно, верить фольклору, и носят российские моряки флотские брюки с клапаном вместо ширинки.

Эпоха Петра наиболее известна двумя важнейшими событиями политической истории России нового времени. Это, во-первых, основание Петербурга и, во-вторых, завершение длительной, 21-летней войны со Швецией за выход России к Балтийскому морю и возвращение ей исконно русских, некогда оккупированных шведами прибалтийских земель. Обе эти задачи были Петром успешно выполнены. К 1721 г. — году заключения мира со Швецией — Петербург стал широко признанной в Европе новой столицей России. А об итогах войны, вошедшей в историю под названием Северной, можно узнать из современного «школьного» анекдота:

— Чем закончилась Северная война?

— Шведы одержали сокрушительное поражение.

Поражение действительно для шведов было столь чувствительным, что попытки приуменьшить победу русской армии предпринимались ими еще в течение многих десятилетий. Большого успеха это, правда, не имело. Русские дипломаты хорошо понимали подлинные интересы своей страны.

Однажды шведский король Густав III пригласил нашего посла в Стокгольме графа Моркова осмотреть Дроттигамский дворец. Когда они пришли в оружейную палату, король подвел Моркова к трем знаменам, стоявшим в углу, и с насмешливой улыбкой сказал:

— Вот русские знамена, отбитые у Петра Первого.

— Да, это наши, — ответил Морков, — они стоили шведам трех областей.

Из детского фольклора мы знаем и о другой, не менее значительной заслуге Петра в истории нашего города:

Петр Первый заставил всех ленинградцев быть культурными людьми.

В связи с этим самое время вспомнить о таком устойчивом словосочетании, как «Окно в Европу», которое давно уже стало широко известным синонимом Петербурга. Впервые эту мысль для широкой публики сформулировал в октябре 1833 г. Пушкин. Именно тогда, находясь в имении Болдино, в знаменитую болдинскую осень, менее чем за месяц он написал поэму «Медный всадник». При жизни поэта она опубликована не была, за исключением одного отрывка. Полностью поэма появилась в печати только в 1837 г., через несколько месяцев после гибели Пушкина, в журнале «Современник». Тогда же две строки из этой поэмы сразу стали крылатыми:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно.

Пушкин сопровождает эти стихи собственным комментарием: «Альгаротти где-то сказал: Петербург — это окно, через которое Россия смотрит в Европу». Франческо Альгаротти, итальянский публицист и писатель, в 1739 г. посетил Петербург, после чего опубликовал книгу «Письма из России». Там-то и были те строки, на которые ссылается Пушкин. В буквальном

переводе с итальянского они звучат несколько иначе, не столь поэтично: «Город — большое окнище, из которого Россия смотрит в Европу». Но сути это, конечно, не меняет, тем более что такой взгляд на Петербург, в принципе, существовал и раньше. В одном из писем Вольтер сослался на лорда Балтимора, который будто бы говорил, что «Петербург — это глаз России, которым она смотрит на цивилизованные страны, и если этот глаз закрыть, она опять впадет в полное варварство». Известна эта мысль и фольклору. Правда, в фольклоре она приписывается самому Петру I. Один из современных ирландских потомков М. И. Кутузова М. П. Голенищев-Кутузов-Толстой вспоминает, что в их семье существовала легенда о том, что Петр, закладывая первый камень в основание Петербурга, будто бы произнес: «Именую сей град Санкт-Петербургом и чрез него желаю открыть для России первое окно в Европу».

Так или иначе, но идиома «Окно в Европу» давно уже приобрела крылья и, перелетая из уст в уста, осела во множестве анекдотов на эту тему.

— *Здесь нам природой суждено в Европу прорубить окно!* — мечтательно проговорил Петр I, и добавил: — *А может быть, и в Азию прорубим...*

— *Майн херц,* — остановил его Меншиков, — *на два окна зановесочек не хватит.*

— *Я вам прорубил окно в Европу,* — сказал Петр.

— *Зачем? В него же нельзя выйти.*

— *Зато можно смотреть.*

— *Как вы думаете, сэр, отчего окно в Европу прорубили давно, а культура из Европы так и не пришла к нам?*

— *Потому, сэр, что культурные люди в окна лазать не привыкли.*

— *А все-таки хорошо, что Петр I прорубил окно в Европу.*

— *Главное, чтобы никто не начал рубить окно в Африку.*

— *Отчего же?*

— *Так сквозняком Курилы выдует.*

— *Какой самый популярный вид самоубийства сейчас в Ленинграде?*

— *Выброситься в окно... в Европу.*

На экскурсии в Домике Петра I. Один из экскурсантов, глядя в окошко:

— *Это и есть окно, которое Петр Великий прорубил в Европу?*

Нет нужды говорить о роли Петра I в истории России. Она хорошо известна. Заметим только, что она не всегда понималась современниками и не сразу была оценена потомками. Но то, что Петр сразу стал тем историческим ориентиром, на который равнялись и с которым сравнивали,

несомненно. Дошедшие до нас исторические анекдоты тому свидетельство.

В 1770 г., по случаю победы, одержанной при Чесме, митрополит Платон произнес в Петропавловском соборе, в присутствии императрицы и всего двора, речь, замечательную по силе и глубине мыслей. Когда вития, к изумлению слушателей, неожиданно сошел с амвона к гробнице Петра Великого и, коснувшись ее, воскликнул: «Восстань, великий монарх, отечества нашего отец! Восстань теперь и воззри на любезное изобретение свое!» — среди общих слез и восторга Кирилл Разумовский вызвал улыбку окружающих его, сказав им потихоньку: «Чего вин кличе? Як встане, всем нам достанется».

Как известно, уходя из жизни, Петр I своим политическим наследником никого не назвал. Или не успел, или не видел в этой роли ни одного из своих близких родственников. В результате на русский трон взошла бывшая ливонская пленница, супруга Петра Марта Скавронская, в православии — Екатерина Алексеевна, или Екатерина I. Императрицей она была недолго, в 1727 г. умерла, но в истории осталась верной наследницей своего великого мужа — Петра I. Об этом можно судить и из анекдота, оставшегося нам в наследство от той поры:

Когда закончилась Северная война, духовенство явилось к Петру I с петицией просить, чтобы он им вернул металл для восстановления колоколов, перелитых на пушки и ядра. Петр на петиции написал:

— *Получите х...*

Когда император скончался, монахи с той же просьбой пришли к его вдове, императрице Екатерине I. Императрица прочитала резолюцию Петра, мило улыбнулась и сказала:

— *А я и этого дать не могу.*

В 1762 г. в результате успешно осуществленного заговора против своего мужа императора Петра III на царский трон взошла Екатерина II. Ее полное имя до приезда в Россию и принятия православия было Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербстская. Она была немецкой принцессой и происходила одновременно из герцогского — по отцу и княжеского — по матери старинных, но небогатых германских родов. Правда, есть две легенды. По одной из них, отцом будущей русской императрицы был Иван Иванович Бецкой, внебрачный сын князя Ивана Юрьевича Трубецкого. Во время путешествия по Европе он будто бы познакомился с будущей матерью Софьи Фредерики Августы, влюбился в нее и вступил в интимную связь. В результате на свет и появился ребенок, ставший русской императрицей. Но это только легенда, скорее всего, имеющая официальное происхождение. Так хотелось обнаружить в Екатерине II хоть каплю русской крови. Согласно другой, совсем уж маловероятной легенде, по материнской линии Екатерина II происходит от самого великого князя Ярослава Ярославича Тверского, брата Александра Невского. Так что, если всему этому верить, крови в ней перемешано много — и русской, и польской, и литовской, и датской, и Бог знает еще какой. Неудивительно, что еще в детстве, если, конечно, опять же, верить фольклору, маленькая принцесса Софья-Фредерика-Августа услышала от какого-то странствующего монаха предсказание, что в конце концов она «наденет на голову корону великой империи, которой в настоящее время правит женщина». Этот смутный факт ее биографии нашел отражение в анекдоте:

Учитель на экзамене по истории:

— *Петров, расскажите о Екатерине Великой.*

Петров:

— *Екатерина Великая родилась столь маленькой девочкой, что великой стала называться только через полтора столетия.*

Между тем, в России Екатерину II не без оснований считали самой русской императрицей и с любовью называли: «Немецкая мать русского Отечества». Как утверждал остроумный П. А. Вяземский, если русский Петр I хотел сделать нас немцами, то немка Екатерина II хотела сделать нас русскими. Она и сама в это верила, стараясь как можно реже вспоминать о своем немецком происхождении.

Однажды императрице стало плохо, и ее любимый доктор Роджерсон прописал пустить ей кровь. После этой процедуры она приняла графа Безбородко.

— *Как здоровье, Ваше величество? — спросил граф.*

— *Теперь лучше. Последнюю немецкую кровь выпустила, — ответила императрица.*

Однако верили в это перерождение далеко не все, и поэтому по огромной русской стране до сих пор ходят анекдоты другого свойства:

Любила императрица Екатерина Великая свою новую родину. Встанет, бывало, чуть свет, наденет русские сапоги и ходит вокруг кровати:

— *Айн, цвай, драй... Айн, цвай, драй...*

А ядовитые одесситы вообще сравнили ее широкую известность с известностью не менее знаменитой романтической варшавско-одесско-петербургской воровки Соньки — Золотой Ручки, или Софьи Блюнштейн, в девичестве имевшей такое же, как и у Екатерины в Германии, сложное по грамматической структуре имя — Соломониак Шейндли Сура Лейбовна:

— *Это в Петербурге она Екатерина Великая, а у нас в Одессе — Соня Ангельтцербстская.*

Что превалировало в сложном характере этой удивительной императрицы, женщина или политик, сказать трудно. Мнения современников и потомков столь же разноречивы, как и многочисленны. Многие из них полярно противоположны. Даже когда высказывались одним человеком. Например, Пушкин, хотя часто и одаривал ее лестными эпитетами, тем не менее считал лицемерной ханжой и называл «Тартюф в юбке». Мы не ставим перед собой арифметическую задачу взвешивать эти мнения или тем более противопоставлять их друг другу. Не видим смысла и в арифметическом подсчете любовников императрицы — было их пятнадцать, как считают одни, или двадцать два, как утверждают другие. Важнее другое. Екатерина редко скрывала свои чувства от посторонних и никогда не злоупотребляла своей властью. Когда один из ее фаворитов А. Н. Дмитриев-Мамонов влюбился во фрейлину императрицы Щербатову и откровенно признался в этом Екатерине, то та не только позволила ему жениться на избраннице, но благословила молодых и дала щедрое приданое невесте. Правда, если верить одной дворцовой легенде, лично помогая Щербатовой одеться к венцу, «не стерпела и сильно уколола ее булавкой».

Рассказывают, как однажды, в ответ на чей-то осторожный намек на молодость очередного ее возлюбленного, императрица снисходительно улыбнулась и заметила, что стране необходимы государственные мужи опытные и образованные, чем она, в силу своих скромных способностей, и занимается, приближая молодых людей к своей монаршей особе. Причем, не стесняясь, могла в этом смысле поставить в один ряд и пылкого любовника, и скромного чиновника.

Екатерина II, опершись о перила, смотрит с моста в речку, оттопырив свой зад.

— А!!! Кто это? — шепчет она сквозь зубы от приятной боли.

— Поручик Ржевский, — кланяется тот каблуками.

— Продолжайте, полковник Ржевский! А-а-а... Хорошо, генерал Ржевский!

Бедного и усердного чиновника из украинских казаков Дмитрия Трощинского Екатерина за труды наградила хутором, а потом прибавила еще 300 душ. Испуганный Трощинский вломился к царице без доклада:

— Это чересчур много, что скажет Зубов?

— Мой друг, его награждает женщина, а тебя — императрица.

Чувственный сластолюбивый век Екатерины II сменился суровыми годами царствования Павла I. Нравственная строгость павловской эпохи возникла не на пустом месте. Наследнику престола Павлу Петровичу было восемь лет, когда в ропшинском заточении был убит его отец, свергнутый император Петр III. В то, что он умер собственной смертью «от геморроидальных колик», как об этом было сказано в официальном сообщении, Павел не верил. Прямой виновницей убийства отца он считал свою мать, императрицу Екатерину II, нагло и незаконно узурпировавшую власть в результате дворцового переворота. Кроме того, Павел был сыном внука Петра I, а значит, прямым потомком великого императора, из чего вытекало, что он имеет больше прав на русский трон, чем его мать, не имевшая вообще ни капли династической крови Романовых. С этим неистребимым чувством незаслуженной несправедливости и мучительным ожиданием «своего часа» он прожил целых 42 года, вплоть до смерти Екатерины II, случившейся в ноябре 1796 г. Все это не могло не сказаться на его характере. Он был болезненно вспыльчив и совершенно непредсказуем. Его поступки были столь же необъяснимы, как и неожиданные приступы гнева. Отсюда и официальные указы, более похожие на анекдоты, и анекдоты, смахивающие на правдоподобные факты петербургского быта.

Павел приказал генерал-губернатору Петербурга приготовить приказ, в котором определялось количество блюд, которые может иметь за обедом и ужином каждый из подданных российских, глядя по своему чину и классу службы.

Павел, встретив однажды майора Якова Петровича Кулькова, спросил его:

— Господин майор, сколько кушаньев подают у вас за столом?

— Три, Ваше Императорское Величество.

— А позвольте узнать, господин майор, какие?

— Курица плашмя, курица ребром и курица боком, — ответил Кульков. Император расхохотался.

В царствование императора Павла в Петербурге было только семь французских модных магазинов; он не позволял больше открывать, говоря, что терпит их по числу семи смертных грехов.

Какой-то гвардейский полковник в месячном рапорте показал умершим офицера, который отходил в больницу. Павел его исключил за смертью из списков. По несчастью, офицер не умер, а выздоровел. Когда живой мертвец увидел это, тогда он подал прошение Павлу. Павел написал своей рукой на его просьбе: «Так как об офицере состоялся высочайший приказ, то в просьбе ему отказать».

Павлом был издан указ о том, чтобы обыватели столицы извещали полицию за три дня об имеющемся у них пожаре.

Павел встретил не по форме одетого офицера и написал об этом записку генерал-майору Скалону: «Офицера сего нашел я в тронной зале у себя в шляпе, судите сами».

Однажды к Павлу обратилась с просьбой дама, имевшая неприглядную внешность. — Я не могу отказать в просьбе своему портрету, — ответил император.

Однажды император Павел Петрович после аудиенции, простившись с католическим митрополитом Сестрженцевичем и уже идя во внутренние покои, заметил в одежде одного пажа что-то неформенное. Государь, бледный от раздражения, крикнул Палену:

— Отведите сейчас же эту обезьяну в Петропавловскую крепость.

По уходе государя Пален подошел к Сестрженцевичу и сказал, что должен исполнить волю государя. Растерявшийся митрополит безропотно покорился своей участи. Когда затем Пален приехал во дворец доложить об исполнении приказа, ошибка объяснилась.

Однажды, при неудачном спуске корабля «Благодать», царь Павел I нашел в ботфорте листок со стихами:

Все противится уроду,

И «Благодать» не лезет в воду.

Однажды государь Павел Петрович, выслушав далеко не глупые ответы придворного шута Иванушки на вопрос «Что от кого родится?», обратился к нему:

— Ну, Иванушка, а от меня что родится?

— От тебя, государь, родятся чины, кресты, ленты, вотчины, сибирки, палки, каторга, кнуты...

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в результате дворцового заговора Павел I был убит в собственной спальне. То ли был задушен шарфом одного из заговорщиков, то ли скончался от предательского удара в висок серебряной табакеркой. Ужас всей этой истории, покончившей с непродолжительной жизнью императора, состоял в том, что даже его гибель породила в обществе анекдоты, слушая которые, добропорядочные подданные Российской империи не знали, что делать: плакать или смеяться.

Павел просил ворвавшихся в его спальню убийц повременить, ибо он хочет выработать церемониал собственных похорон.

Император скончался от апоплексического удара табакеркой в висок.

Сразу после гибели Павла I на престол взошел его сын Александр. Александра I любили буквально во всех слоях русского общества. В народе его прозвали «Благословенным». Ему пели дифирамбы профессиональные поэты, о нем слагали наивные легенды и сочиняли трогательные анекдоты. Петербургские дамы, что называется, сходили с ума при одном упоминании о своем императоре. Один такой анекдот сохранился в бумагах И. В. Помяловского, хранящихся в Российской национальной библиотеке:

Государь Александр Павлович прогуливался однажды по саду в Царском Селе; шел дождик, однако это не помешало собраться толпе дам посмотреть на царя, обожаемого женским полом. Когда он поравнялся с ними, то многие в знак почтения опустили вниз зонтики.

— Пожалуйста, — сказал государь, — поднимите зонтики, madams, не мочитесь.

— Для Вашего Императорского Величества мы готовы и помочиться, — отвечали дамы.

Во время триумфальных Заграничных походов русской армии во главе с Александром I в 1812–1814 гг. волна всеобщей любви к русскому императору прокатилась по всей Европе. Иногда это принимало самые экзотические формы. Немецкие дамы ввели в моду так называемые «Александровские букеты», состоявшие из цветов и растений, начальные буквы названий которых должны были составить имя русского императора: Alexander (Anemone — анемон; Lilie — лилия; Eicheln — желуди; Xeranthenum — амарант; Accazie — акация; Nelke — гвоздика; Dreifaltigkeitsblume — анютины глазки; Erehju — плющ; Rose — роза).

Однако сам Александр Павлович властью тяготился. Он искренне переживал, что не удались либеральные реформы, затеянные им в самом начале царствования. Но главное, с годами у него все более обострялся комплекс вины за гибель своего отца — Павла I. Не без основания он считал себя причастным к событиям марта 1801 г. Смерть отца от рук коварных заговорщиков почти на глазах сына и, по существу, с его молчаливого согласия не давала покоя.

Состояние императора в последние годы его царствования остро чувствовали в обществе. И когда он в декабре 1825 г. скончался, в стране распространились слухи о том, что Александр не умер, а удалился в Сибирь и под видом старца Федора Кузьмича «испрашивает у Бога прощение» за участие в убийстве своего отца. Нам же в память об этих тяжких переживаниях остался с той самой поры анекдот:

Однажды камер-паж Александр Башуцкий находился с товарищами в Георгиевском зале Зимнего дворца. Молодежь расходилась, начала прыгать и дурачиться. Башуцкий забылся до того, что вбежал на бархатный амвон под балдахином и сел на императорский трон, на котором начал кривляться и отдавать приказания.

Вдруг он почувствовал, что кто-то берет его за ухо и сводит со ступеней престола. Башуцкий обмер. Его выпроваживал сам император Александр I.

— Поверь мне, — проговорил он, — совсем не так весело сидеть тут, как ты думаешь.

Смерть Александра I стала неожиданной не только для страны, но и для всей царской семьи. Разразился династический кризис. По закону на престол должен был взойти второй сын императора Павла I Константин Павлович. Но тот от престола отказался. Завязалась длительная переписка между третьим сыном Павла I цесаревичем Николаем и Константином, находившимся в то время в Варшаве. Этим воспользовались декабристы. 14 декабря они вышли на Сенатскую площадь.

Таким образом, император Николай I вступил на трон под зловеший аккомпанемент пушечных и ружейных выстрелов. Восстание на Сенатской площади было жестоко подавлено. Затем было долгое следствие по делу декабристов, ссылка многих из них в сибирскую каторгу, страшная казнь пятерых руководителей восстания на Кронверке Петропавловской крепости и позорное наказание остальных участников восстания шпицрутенами, то есть палками. Не случайно истории Николай I известен еще и по прозвищу Николай Палкин.

Эти события, конечно же, наложили определенный отпечаток на характер императора и на весь стиль его дальнейшего царствования. Император был подчеркнута холоден, суров, не в меру требователен, оскорбительно мелочен, циничен и лицемерен. Репутация Николая I, или «Железного Государя», как его называли в Европе, в глазах петербургского общества была исключительно низкой. По мнению многих современников, это был тщеславный, ограниченный и самодовольный человек, безуспешно тщившийся быть похожим на своего великого предка — Петра I. Не случайно Александр Пушкин о нем говорил: «В нем много от прапорщика и мало от Петра Великого». Известна безымянная эпиграмма, ходившая по Петербургу после открытия одного из очередных бюстов императора:

Оригинал похож на бюст:

Он так же холоден и пуст.

Все это подтверждают и те характеристики императора, которые просматриваются в анекдотах о нем, оставленные нам современниками.

На памятной медали в честь восшествия на престол вместо своего портрета Николай I приказал поместить государственного орла.

— А то, что в этом году царствовал Николай Павлович, и так известно, — заявил он.

В день бракосочетания императора Николая I в числе торжеств был назначен и парадный развод в Михайловском манеже. По совершении обряда, когда все военные чины надевали верхнюю одежду, чтобы ехать в Манеж, известный остролов князь А. С. Меншиков сказал: — Странное дело, не успели обвенчаться и уже думают о разводе.

Император Николай Павлович однажды посетил Пулковскую обсерваторию. Не предупрежденный о посещении великого гостя начальник ее Струве в первую минуту смутился и спрятался за телескоп. — Что с ним? — спросил император у Александра Сергеевича Меншикова.

- Вероятно, испугался, Ваше Величество, увидев столько звезд не на своем месте.

Николай I встретил на Невском проспекте французского актера Верне и поговорил с ним. Бедолагу-лицедея тут же после беседы поволокли в полицию.

— Кто таков? О чем говорил с государем?

С того дня Верне стал уклоняться от встреч с императором. Николай обиделся.

— Что это вы, сударь, от меня бегаете?

— Ваше Величество! Говорить с Вами честь, конечно, великая, но сидеть за нее в полиции я больше не собираюсь.

Император Николай I велел переменить неприличные фамилии.

Полковник Зас выдал свою дочь за гарнизонного офицера Ранцева, и так как, по его утверждению, его фамилия древнее, то он должен называться Зас-Ранцев. Весь гарнизон смеялся. Но государь, не зная движения назад, просто велел Ранцеву зваться Ранцев-Зас. Тот поморщился, но должен был покориться мудрой воле государя.

Еще в 1825 г., при драматическом воцарении Николая I, известный монах Авель будто бы предсказывал, что «змей будет жить тридцать лет». С приближением этого неумолимого срока в Петербурге появились легенды о некоем белом призраке и какой-то таинственной птице, которые преследовали императора по ночам. «Белый призрак», похожий на известную «берлинскую белую даму, предвещающую смерть прусских венценосцев», видели в Гатчинском дворце, а таинственная черная птица — предвестница зла в мифологии финнов — каждое утро «прилетала и садилась на телеграфный аппарат, находившийся в башенке над комнатой, где вскоре умер император». А еще говорили, что незадолго до кончины, в первое воскресенье поста, дьякон ошибся и вместо долголетия императору провозгласил вечную память. Вспоминали, что еще задолго до кончины, в самом начале царствования, императору пророчили, что «руки у него будут в крови». Не кровь ли это погибших во время подавления восстания на Сенатской площади, думалось часто императору.

И в самом деле, ровно через 30 лет и два месяца, 13 февраля 1855 г., император получил трагическое известие о поражении русских войск в Крыму. Николай понимал, что это был печальный итог всего царствования. Крымская война, начавшаяся в 1853 г., привела практически к полной дипломатической изоляции России. Великобритания и Франция воевали на стороне Турции. Внешняя политика России оказалась ошибочной. Внутренняя жизнь крепостнического государства характеризовалась экономической отсталостью, что во время войны проявилось особенно ярко. Итог тридцатилетнего царствования был ужасен. Если верить одному анекдоту Николай все это предчувствовал. Вот этот анекдот:

Берлинскому живописцу Крюгеру, писавшему портрет Николая I, приказано было выдать драгоценные золотые часы с бриллиантами, но, проходя через руки чиновников министерства, бриллианты улетучились, а когда Николай I увидел у Крюгера эти часы, он сказал ему:

— Видите, как меня обкрадывают! Но если бы я захотел по закону наказать всех воров моей империи, для этого было бы мало всей Сибири, а Россия превратилась бы в такую же пустыню, как Сибирь.

На другой день после получения депеши из Крыма Николай I, по преданию, вызвал врача-немца Мандта и будто бы попросил дать ему яд. Так это или нет, сказать определенно нельзя, но известно, что в тот же день император лег в постель и больше не вставал. Смерть наступила 18 февраля.

Вступивший на престол Александр II хорошо понимал, что сокрушительное поражение России в последней Крымской войне, падение Севастополя и последовавшая затем полная политическая изоляция России в Европе явились прямым следствием пагубной внутренней политики его отца. Требовались радикальные и немедленные перемены. Уже в 1856 г. Александр II подписывает Парижский мирный договор с Турцией, а в 1861 г. предпринимает один из самых значительных внутриполитических шагов за всю историю страны — отменяет крепостное право. Затем одна за другой следуют судебная, земская и военная реформы.

Популярность Александра II достигает наивысшей точки. В народе его прозвали

«Освободителем». Казалось, его царствование будет наиболее либеральным. Но в январе 1863 г. вспыхивает очередное Польское восстание. Пламя восстания перекидывается на Литву, часть Белоруссии и Правобережную Украину. В 1864 г. восстание было подавлено, Александр был вынужден провести в Польше ряд прогрессивных реформ, однако авторитет царя был подорван. В столице заговорили о возврате к николаевским порядкам.

И началась беспрецедентная охота на царя террористами всех мастей и окрасок. На него было совершено восемь покушений, последнее из которых увенчалось успехом. 1 марта 1881 г. Александр II был убит. В России император Александр II навсегда получил новое имя: Царь-мученик. Понятно, что не обошлось без злорадства. По столице ходил анекдот, по обилию конкретных бытовых деталей скорее похожий на полуполюгендарную курьезную правду.

Серпульский купец в конце февраля 1881 года поехал в Казань по делам. Возвращаясь обратно, он заехал в Березовку. Это случилось как раз в марте. В Березовке он услышал об убийстве Александра II. И вот купец, желая поделиться с женой сильным впечатлением и, кстати, предупредить ее о своем приезде, послал ей такую телеграмму: «Сделал дело. Царя убили. Топи баню».

В тот несчастный день 1 марта 1881 г., по возвращении с прогулки, император будто бы должен был подписать первую за всю тысячелетнюю историю России конституцию.

Вступивший на престол Александр III известен в истории России своим прозвищем Царь-миротворец. Во время его царствования, с 1881 по 1894 г., Россия не вела ни одной войны. Хорошо понимая нужды государства и остро чувствуя настроения подданных, Александр во главу своего правления возвел мощную идею русификации страны. Это затрагивало самые сокровенные струнки русского народа. Пример подавал лично, за что получил характеристику «самого русского царя». Едва взойдя на престол, Александр III, согласно одной легенде, вызвал к себе в кабинет несколько особенно доверенных лиц и, оглядываясь по сторонам, не подслушивает ли кто, попросил откровенно сказать ему «всю правду»:

— Чей сын Павел I? — спросил на второй день после воцарения Александр III графа Гудовича.

— Скорее всего, отцом императора Павла Петровича был граф Салтыков, — ответил Гудович.

— Слава Тебе, Господи, — воскликнул Александр III, истово перекрестившись, — значит, во мне есть хоть немножко русской крови.

На это облегченное восклицание следует обратить особое внимание. По официальным данным, у Александра III было всего 1/64 русской и 63/64 — немецкой крови. По традиции, идущей с петровских времен, наследники российского престола могли заключать браки только с равными себе по крови царственными особами. Понятно, что в России таких не могло быть по определению. Для наследников престола ими стали представители одной из германских династий. К своей 1/64 русской крови Александр относился исключительно ревностно. Сохранилось предание, скорее, похожее на анекдот из армейской жизни:

Однажды императору представляли членов штаба одного из армейских корпусов. Когда седьмой по счету прозвучала фамилия Козлов, Александр Александрович не удержался от восклицания:

— Наконец-то!

Все остальные фамилии были немецкого происхождения, начинались на «фон» или имели

окончания на «гейм» или «бах».

Свои прославянские симпатии Александр III не скрывал, старательно внедрял их в сознание своих подданных, о них должны были знать и за границами Российской империи.

Однажды во время застолья австрийский посланник пригрозил выставить свой корпус по русским границам. Александр III завязал большую серебряную вилку в узел, бросил в сторону австрияка и сказал: — Вот что мы с вашим корпусом сделаем.

Однажды в Гатчине, во время рыбалки, до которой царь был весьма охоч, его отыскал министр с настоятельной просьбой немедленно принять посла какой-то великой державы.

— Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать, — спокойно ответил император.

Последний русский царь из династии Романовых, старший сын императора Александра III Николай II родился 6 мая 1868 г., в день поминовения святого великомученика Глеба. Это мистическое обстоятельство не могло не наложить отпечаток как на самого императора, так и на общественное мнение о нем. В Петербурге о Николае ходили невеселые слухи. Говорили о какой-то его болезни, о слабой воле и слабом уме, а в связи с его отношениями с балериной М. Ф. Кшесинской судачили о том, что связь эта не случайна. Будто бы она была подстроена по личному указанию его отца императора Александра III как лекарство от некой дурной привычки, которой якобы страдал наследник. Вообще поговаривали, что император считал своего сына неспособным царствовать и настаивал будто бы на его отречении от наследования престола.

Между тем частная жизнь Николая II отличалась скромностью и простотой. Он был верным и преданным мужем, хорошим семьянином и прекрасным отцом. Но именно это часто ставилось ему в вину. Его прозвищем было: «Большой господин маленького роста». В государственных делах Николай II отличался завидной выдержкой, серьезно и долго обдумывал те или иные решения.

Но все эти, что называется, домашние качества императора оборачивались ему во вред. Простота в общении делала его в глазах недоброжелателей простачком, выдержка — тугодумом, и так далее. Долгое время в Петербурге были популярны анекдоты, связанные с коронацией Николая:

В одной из столичных газет появилось сообщение, в которое вкралась хоть и досадная, но весьма характерная опечатка: «На голове царствующего венценосца ослепительным блеском сияла ворона», — сообщила газета своим читателям.

Этот анекдот в Петербурге был настолько популярен, что породил множество подражаний. Появились еще более острые варианты. Вот один из них:

После газетного отчета о коронации Николая II появилась редакционная поправка: «В словах нашего отчета «митрополит возложил на голову его императорского величества ворону» вкралась досадная опечатка. Редакция приносит свои извинения и просит эти слова читать следующим образом: «митрополит возложил на голову его императорского величества корову»».

И самое главное состояло в том, что какая-то потаенная правда во всем этом была. В народе это чувствовали, хоть и не всегда могли сформулировать.

В 1904 г. в Берлине вышла книга «Анекдоты русского двора». Но даже с поправкой на некоторую тенденциозность, авторам этих анекдотов нельзя отказать в проникательности.

Однажды Николай II, будучи в театре, обратил внимание на человека с большой густой шевелюрой и поинтересовался, кто он.

— Мне кажется, что это известный поэт, — сказал его величеству сидевший позади министр двора.

— Поэт? Поэт? — заинтересовался император. — Может быть, это сам Пушкин?

Его величество Николай II изволил быть в театре на бенефисе одной знаменитой и своей любимой артистки. Идет «Нора». Его величество видит в первый раз Ибсена вообще и «Нору» в частности.

После спектакля его величество приглашает к себе в ложу директора своих театров с выражением ему своего полного удовольствия.

— Я очень доволен игрой и исполнением, — замечает его величество. — Но скажите на милость, зачем это в конце моя любимая артистка убегает и от мужа, и со сцены?

Когда на Востоке появилась холера, Николай II был немного встревожен этим обстоятельством, опасаясь, чтобы эпидемия не была занесена в Петербург. Вскоре его величество производил смотр войскам Санкт-Петербургского военного округа.

— Братцы, — начал он, — на востоке нашего любезного отечества шалит холера. Но здесь, в Петербурге, я строго запрещаю вам подобное свинство.

— Рады стараться, Ваше Величество, — ответили в один голос солдаты.

Однажды Николай II отправился посетить военный госпиталь. Предусмотрительное военное начальство устроило так, что больных вовсе не было, а все только выздоравливающие.

— Чем болен этот? — осведомился государь у постели одного солдата.

— У него был тиф, Ваше Величество, — доложил начальник госпиталя.

— Тиф? — переспросил его величество. — Знаю, сам имел. От такой глупой болезни или умирают, или, оставшись в живых, сходят с ума.

Стоял превосходный летний день, Николай II, не удовольствуясь прогулкой по парку, прилегавшему к его летнему дворцу, забрел со своим адъютантом в ближайший лес. Вдруг он слышит кукование: «Ку-ку, ку-ку».

— Что это? — спрашивает его величество.

— Это кукушка, Ваше Величество, — поясняет адъютант.

— Кукушка? — переспрашивает царь. — Ну, точь-в-точь как часы в нашем швейцарском

павильоне.

Николай II, интересуясь успехами техники, осматривает новый мост через Неву. Выразив в достаточной, как ему казалось, мере свое удовольствие, Николай II задумывается и обращается к сопровождающему инженеру-строителю с вопросом, почему быки моста с одной стороны заострены углом, а по другую сторону моста закруглены.

— Ваше Величество, — ответил инженер, — это делается для того, чтобы при ледоходе лед разбивался об острия.

— Спасибо... Вполне правильно, — отвечает его величество, — но скажите, пожалуйста, как же это будет, если лед двинется весной с другой стороны?

Николай II посетил Манеж, чтобы присутствовать на кавалерийских состязаниях офицеров. Его величество остался всем доволен, но от его внимания не ускользнуло, что на одном и том же месте Манежа все лошади словно чего-то пугаются. Командир поспешил разъяснить его величеству, что испуг лошадей происходит по той причине, что солнечные лучи, пробиваясь сквозь окна Манежа, образовали в одном месте на песке яркие блики.

— Закон природы, Ваше Величество, — добавил, словно в оправдание, офицер.

— Надо бы заранее посыпать это место свежим песком, — строго заметил его величество.

Когда в Петербурге была открыта сельскохозяйственная выставка, Николай II со всей своей свитой присутствовал на открытии. После молебна государь совершает обход выставки и, между прочим, входит в отделение искусственных удобрений. Министр земледелия дает нудные пояснения и обращает внимание его величества, как чрезвычайно важно для сельского хозяйства иметь дешевые искусственные удобрения.

— Все это прекрасно, — говорит Николай, — но скажите, пожалуйста, что, собственно, дают мужики своим коровам, чтобы те давали искусственные удобрения?

Отечественный фольклор не столь изощрен. Но зато он обладает другим, не менее важным качеством. Он более откровенен.

Один мужик прилюдно назвал Николая II дураком. Кто-то донес уряднику, и тот вызвал мужика на допрос.

— Это я не про нашего Николая сказал, — оправдывается мужик, — а про черногорского царя. Он тоже Николай.

— Не морочь мне голову, — говорит урядник, — если дурак, то это уж точно наш.

Купчиха Семижопова написала на высочайшее имя прошение об изменении фамилии. Николай наложил резолюцию: «Хватит и пяти».

Жизнь Николая II закончилась трагически. В ночь на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге по приказу ленинского правительства бывший русский царь Николай II, или «гражданин Романов», как его теперь называли, вместе со всей своей семьей, включая детей, был расстрелян. Однако его жизнь в фольклоре продолжалась. Сразу после революции, когда

большинство населения несчастной России начало понимать, что в октябре 1917 г. они «обНИКОЛАились», то есть догадались, что у них теперь не будет НИ КОЛА, ни двора, стали появляться новые анекдоты о последнем русском императоре с претензиями к нему. И если до революции анекдоты носили скорее бытовой характер, то теперь они все больше и больше стали окрашиваться в опасные политические цвета.

Советское правительство посмертно наградило гражданина Романова Николая Александровича, бывшего царя Николая II, орденом Октябрьской революции за создание в стране революционной ситуации.

Кстати, этот анекдот неожиданно спровоцировал вопрос, заданный слушателем знаменитому «Армянскому радио»:

— *Почему Николая II не наградили орденом Трудового Красного Знамени?*

— *Потому что не смог заготовить продовольствия на каких-то семьдесят лет, — уверенно ответило «Армянское радио».*

Понять такую несправедливость по отношению к своему народу было не просто. Гневу и возмущению трудящихся не было предела. Вероятно, даже советский человек понимал, что другого способа прокормить свою страну у коммунистов не было. Вот и нашли виноватого.

Ленинградец идет по Невскому проспекту и громко возмущается:

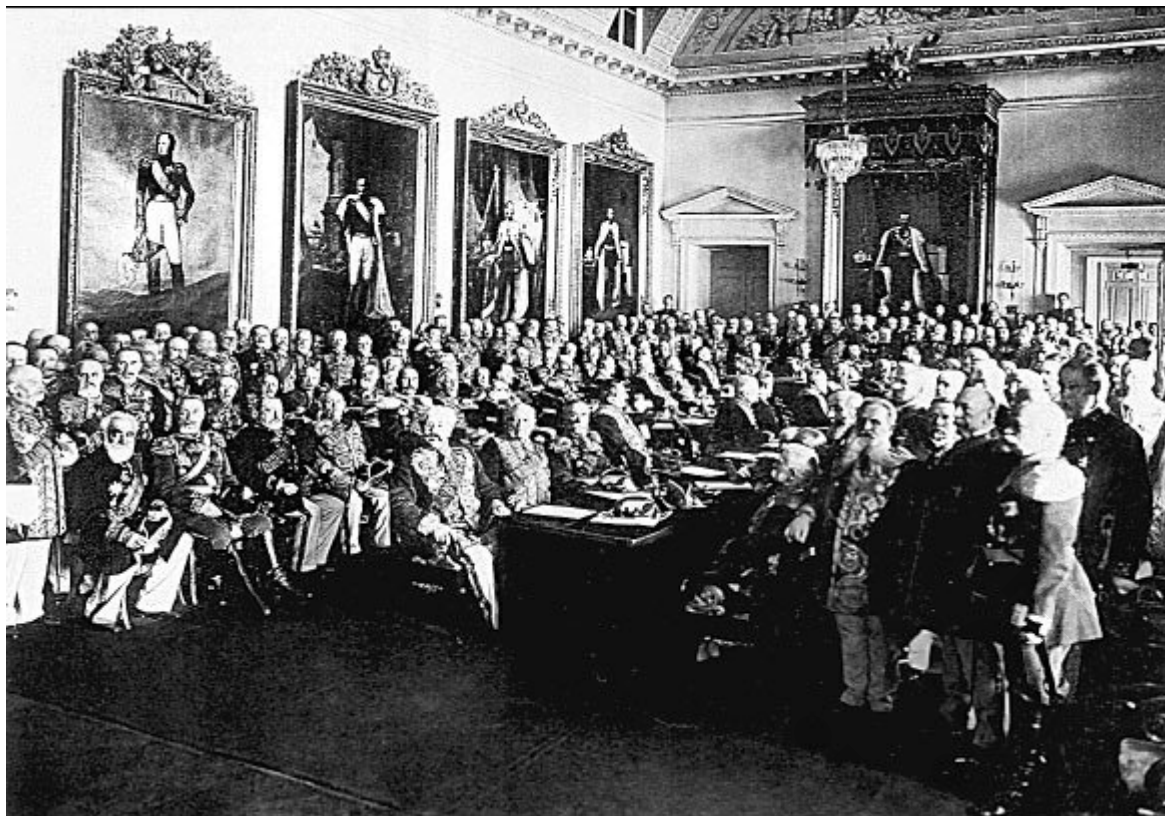
— *Вот дураки! Вот паразиты! Вот мерзавцы!*

Его, естественно, задерживают, приводят в Большой дом и требуют объяснить, кого он имел в виду.

— *Как кого?! Конечно Романовых! Не могли за 300 лет заготовить продуктов на какие-то семьдесят.*

Глава 2. Петербург чиновный и придворный

С появлением зачатков гражданского общества, которое зарождалось в аристократических салонах, надобность в шутах стала исчезать. Некоторые рудименты этого явления дожили до царствования Павла I, а затем полностью исчезли из российской придворной жизни. Однако царевы шуты оставили такой яркий след в государственной жизни страны, что память о них и сами имена этих шутов сохранились в народном сознании наравне с именами их хозяев — русских императоров.

Если известное утверждение, будто «короля делает его окружение», верно, то становится ясно, что без рассказа о чиновном и придворном окружении русских императоров представление об их частной жизни и государственной деятельности было бы неполным, а зачастую и искаженным. Кроме того, в значительной степени благодаря придворным, их мемуарам и воспоминаниям мы узнаем многие любопытные подробности русского дворцового быта. Но не только.

Со времен Петра I при царском дворе получило развитие такое общественно-социальное явление, как фаворитизм. Первым фаворитом, или, как это толкуют словари, лицом особо приближенным к императору, был, как известно, Александр Данилович Меншиков. Правда, тогда этот институт власти так еще не назывался, и потому Меншикова чаще всего называли просто любимчиком государя.

Расцвет фаворитизма пришелся на так называемый женский век русской истории, когда фавориты, временщики и любовники императриц сливались в одно лицо. В этом смысле самыми знаменитыми фаворитами следует считать Эрнеста Бирона и Григория Потемкина. Один из них был любовником императрицы Анны Иоанновны, другой — Екатерины II. Понятно, что вслед за особами царской крови пристальное внимание фольклора было обращено и на фаворитов.

Репутация Бирона среди петербуржцев была самой невысокой. Не жаловал его и фольклор. Сохранился анекдот, приписываемый молвой шуту Кульковскому. О Кульковском мы еще скажем особо, на соответствующих страницах книги, а пока анекдот о Бироне:

— *Что думают обо мне россияне? — спросил однажды Бирон шута.*

— *Ваша светлость, — ответил тот, — одни называют вас богом, другие сатаню, и никто — человеком.*

В отличие от Бирона, Потемкина в народе любили. Народу импонировала широта его натуры.

Он был добродушен, щедр и хлебосолен. Если верить фольклору, Потемкин, достигнув высокого общественного положения, никогда не забывал о своем скромном происхождении и о людях, с которыми провел юные годы. Согласно одному историческому анекдоту, однажды дьячок, у которого Потемкин в детстве учился читать и писать, состарившись и сделавшись неспособным исполнять службу, приехал в Петербург просить у князя работу.

Дьячок пришел к Потемкину и изложил свою просьбу.

— Так куда же тебя приткнуть? — задумался князь.

— А уж не знаю, сам придумай, — ответил дьячок.

— Трудную, брат, ты мне задал задачу. Приходи завтра, а я между тем подумаю.

На другой день, проснувшись, светлейший вспомнил о своем старом учителе и велел его позвать.

— Ну, старина, нашел я для тебя отличную должность. Знаешь Исаакиевскую площадь?

— Как не знать; и вчера, и сегодня через нее к тебе тащился.

— Видел фальконетов монумент Петра Великого?

— Еще бы!

— Ну, так сходи же теперь, посмотри, благополучно ли он стоит на месте, и сейчас мне доложи.

Дьячок в точности исполнил его приказание.

— Ну что? — спросил Потемкин, когда он возвратился.

— Стоит, ваша светлость.

— Ну и хорошо. А ты за этим каждое утро наблюдай, да аккуратненько мне доноси. Жалованье тебе будет производиться из моих доходов. Теперь можешь идти домой.

Дьячок до самой смерти исполнял эту обязанность и умер, благословляя Потемкина.

Хотя иногда «Исполин всех времен», как называли Потемкина в народе, мог быть и рассерженным, и недовольным. Впрочем, он был отходчив, и вспышки гнева были недолгими. То же самое состояние он признавал за другими. Вот анекдот, записанный Пушкиным:

— Знаете ли вы, хохлачи, — сказал однажды Потемкин, недовольный запорожцами, — что у меня в Николаеве такая колокольня строится, что как станут на ней звонить, так в Сечи будет слышно?

— То не диво, — отвечали запоржцы, — у нас в Запорожщине е такие кобзары, що як заиграють, то аже у Петербургу затанцують.

Но больше всего в этом «Циклопе», а это еще одна его кличка, ценились его добродушие и самоирония. Жил Потемкин широко и роскошно. Дом его был открыт, а столы ломились от изысканных блюд и невиданных яств. Согласно городскому преданию, Петербург обязан Потемкину первыми фруктовыми лавками, которые при нем появились на Невском проспекте.

Этот вельможа требовал себе к столу свежих вишен, малины и винограда даже зимой. В Петербурге рассказывали, что самому князю уху подавали в «огромной серебряной ванне, весом в семь-восемь пудов». По преданию, «князю готовили уху из аршинных стерлядей и кронштадтских ершей» в кастрюлях, в которые входило до двадцати ведер жидкости. О великолепной потемкинской кухонной ванне из серебра сохранился анекдот, записанный П. А. Вяземским:

В Таврическом дворце князь Потемкин в сопровождении Левашова и князя Долгорукова проходил через уборную комнату мимо ванны.

— *Какая прекрасная ванна!* — *сказал Левашов.*

— *Если берешься ее всю наполнить [это в письменном варианте, а в устном тексте значит другое слово], я тебе ее подарю,* — *сказал Потемкин.*

Левашов обратился к Долгорукову, который слыл большим обжорой:

— *Князь, не хотите ли попробовать пополам?*

Отметим одно немаловажное и весьма любопытное обстоятельство. На анекдоты, рассказываемые нами, в свое время обратили внимание такие искушенные в литературе авторитеты, как Александр Сергеевич Пушкин и Петр Андреевич Вяземский. Это не случайно. Кроме собственно фольклорных свойств, присущих только анекдотам, они обладали еще и мощным влиянием на общественное мнение, и известными художественными достоинствами, оцененными далеко не худшими представителями русской литературы. Вот и Николай Васильевич Гоголь в «Ночи перед Рождеством», рассказывая о фантастическом появлении кузнеца Вакулы в Петербурге, вписал в повествование анекдот о Потемкине:

В Зимнем дворце. Входит Потемкин.

— *Это царь?* — *оглядываясь по сторонам, спрашивает пораженный Вакула.*

— *Куда там царь! Это сам Потемкин,* — *отвечают ему знатоки.*

Последним представителем русского фаворитизма можно считать Алексея Андреевича Аракчеева. Аракчеев слыл одной из самых одиозных и неоднозначных фигур сразу двух царствований — павловского и александровского. Свое головокружительное восхождение по иерархической лестнице он начал в Гатчине, еще при Екатерине II. Аракчеев был замечен и выделен наследником престола Павлом Петровичем. Он был назначен комендантом Гатчины и одновременно начальником сухопутных войск наследника, а с восшествием Павла Петровича на престол стал комендантом Петербурга. В 1799 г. Аракчеев возводится в графское достоинство. Через восемь лет, уже при императоре Александре I, становится генералом, а еще через год — военным министром. Он был беспрекословно исполнителен и предан. Даже на его гербе было начертано: «Без лести предан». Но исполнительность эта была типично солдатской, бездумной, а преданность — рабской. Однако именно это ценилось в нем превыше всего. Во время частого отсутствия Александра I в столице Аракчеев фактически руководил государством.

Многочисленные прозвища, которыми наградила народ Аракчеева, вполне исчерпывают его противоречивую характеристику. «Гатчинский капрал» и «Большая обезьяна в мундире», «Граф Огорчеев» и «Змей Горыныч», «Сила Андреич» и «Гений зла» и даже «Страшилище России» — видимо, далеко не все, что сохранилось о нем в фольклоре. Прозвищам временщика вторят и анекдоты о нем.

Инспектируя однажды роту артиллерии, которой командовал Ермолов, Аракчеев нашел артиллерийских лошадей в неудовлетворительном состоянии и строго заметил:

— Знаете ли, сударь, что от этого зависит вся ваша репутация?

— К несчастью, знаю, — ответил Ермолов, — наша репутация часто зависит от скотов.

Невысокого мнения об Аракчееве был и официальный Петербург. Однажды в свете распространился слух, что Аракчеева собираются избрать почетным членом Академии художеств. Можно предположить, что вопрос об избрании обсуждался как в самых высоких придворных кабинетах, так и в стенах самой Академии. Не случайно мнение по этому вопросу конференц-секретаря Академии А. Ф. Лабзина стало сюжетом городского анекдота.

Президент Академии предложил в почетные члены Аракчеева. Лабзин спросил, в чем состоят заслуги графа в отношении к искусствам. Президент не нашелся и отвечал, что Аракчеев — «самый близкий к государю».

— Если эта причина достаточна, то я предлагаю кучера Илью Бажова, — заметил секретарь, — он не только близок к государю, но и сидит перед ним.

В обществе Аракчеева не щадили. Этот временщик был столь ненавистен, что даже его личная трагедия породила безжалостные анекдоты.

Когда была убита любовница и управительница Аракчеева Анастасия Минкина, тело ее было погребено в Грузии и на постаменте сделана надпись: «Здесь покоится прах Анастасии».

Нашелся человек, который, ненавидя временщика, под этой подписью приписал: «...и Аракчеева к себе зовет для благости России».

Когда протоирей Андреевского собора в селе Грузии просили написать воспоминания о подробностях грузинской жизни, он каждый раз говорил:

— Принимался, но не могу. Правду писать об Аракчееве надобно не чернилами, а кровью.

Героями и персонажами городских анекдотов становились и военачальники. Это неудивительно. В стране, которая непрерывно находилась в состоянии войны или подготовки к ней, полководцы не могли не играть значительную роль в политической и общественной жизни государства. Полководцев в народе чтили наравне с лицами царской крови. Не зря в столице долгое время существовало негласное правило, согласно которому ставить монументальные памятники на городских улицах и площадях можно было только двум категориям людей, отличившихся перед Отечеством: лицам императорской крови и полководцам.

И действительно, первые памятники военачальникам в Петербурге были установлены на Марсовом поле. Один из них представлял собой традиционный мемориальный обелиск с посвящением: «Румянцева победам», второй — монументальную скульптуру бога войны в древнеримских военных одеждах, в которой легко узнавался Александр Васильевич Суворов. Судьба памятников была непростой. В 1818 г. они были перенесены на новые места. Памятник Румянцеву — в сквер на набережной Невы на Васильевском острове, а памятник Суворову — в центр вновь созданной площади рядом с Марсовым полем. Оба памятника до сих пор являются украшением Петербурга.

Крупнейший русский полководец, генералиссимус князь Александр Васильевич Суворов утверждал, что род его восходит к некоему шведу, который не то в XVI, не то в XVII в. воевал в

рядах русской армии. Этому обстоятельству Суворов, видимо, придавал немаловажное значение. В его глазах быть потомком солдата-шведа было почетно. Швеция издавна славилась опытными и достойными воинами, охотно служившими во многих армиях тогдашней Европы.

Свою военную карьеру Суворов начинал капралом в 1748 г. Долголетний опыт воинской службы позволил Суворову выработать полководческие принципы, которым он следовал всю жизнь и которые легли в основу многих воинских уставов. Все эти принципы сводились к стратегии и тактике, заключающимся в полном и окончательном разгроме противника в условиях открытого боя. За всю свою жизнь Суворов не проиграл ни одного сражения. Не зря о нем говорили: «Суворова никто не пересуворит». В народе он и сам был известен как мастер острых и лапидарных афоризмов, многие из которых стали пословицами и поговорками.

Большинство анекдотов о Суворове основаны на его находчивости и остроумии, чаще всего свидетельствовавшими о его независимом и не всегда удобном для окружающих характере.

Суворов был приглашен к обеду во дворец. Занятый разговорам, он не касался ни одного блюда. Заметив это, Екатерина спрашивает его о причине.

— Он у нас, матушка-государыня, великий постник, — отвечает за Суворова Потемкин, — ведь сегодня сочельник, он до звезды есть не будет.

Императрица, подозвав пажу, пошептала ему что-то на ухо; паж уходит и через минуту возвращается с небольшим футляром, а в нем находилась бриллиантовая орденская звезда, которую императрица вручила Суворову, прибавив при этом, что теперь уже он сможет разделить с нею трапезу.

Однажды Екатерина упрекнула Суворова, что он не бережет свое здоровье и ездит без шубы, и подарила ему богатую соболью шубу. Суворов благодарил и, едъ во дворец, садил с собой в карету слугу, который держал шубу на руках и надевал на него при выходе его из кареты. — Смею ли я послушаться императрицы, — говорил Суворов, — шуба со мной, а нежиться солдату нехорошо.

На одном придворном балу Екатерина II, желая оказать внимание Суворову, спросила его:

— Чем потчевать дорогого гостя?

— Благослови, царица, водкою, — ответил Суворов.

— Но что скажут красавицы-фрейлины, которые будут с вами разговаривать? — заметила Екатерина.

— Они почувствуют, что с ними говорит солдат.

Суворов уверял, что у него семь ран: две получены на войне, а пять — при дворе, и эти последние, по его словам, были гораздо мучительнее первых.

К сожалению, анекдотами о другом великом полководце — Михаиле Илларионовиче Кутузове — мы не располагаем. Трудно предположить, что их не было. Скорее всего, они затерялись во времени либо не имеют отношения к Петербургу. Поэтому ограничимся анекдотами, возникшими о памятнике великому полководцу, обратив особое внимание на анекдот, объясняющий причину его установки.

Памятники Михаилу Илларионовичу Кутузову и Михаилу Богдановичу Барклаю-де-Толли были открыты 29 декабря 1837 г. в ознаменование 25-й годовщины победы России над Наполеоном. Памятники установлены симметрично на площади перед Казанским собором, лицом к Невскому проспекту. Бронзовые фигуры отлиты по моделям, исполненным скульптором Б. И. Орловским.

Оба памятника, составившие общую скульптурную композицию, стали героями петербургского фольклора одновременно.

Барклай-де-Толли и Кутузов
В 12-м году морозили французов.
А ныне благородный росс
Поставил их самих без шапок на мороз.

Почва для возникновения острых и ядовитых стихов и острых анекдотов была благодатная. Для этого годилось все: от отсутствия воинских головных уборов, что было сразу же подмечено в декабрьскую стужу, когда памятники были торжественно открыты, до выразительной жестикуляции обоих полководцев, как бы разговаривающих друг с другом:

- *Куда и кому указывает рукой Кутузов у Казанского собора?*
- *На аптеку. Барклаю-де-Толли, который держится рукой за живот.*

Та же тема дружественной взаимовыручки звучит и в стихах:

Барклай-де-Толли говорит:
— У меня живот болит.
А Кутузов отвечает:
— Вот аптека. Полегчает.

А вот как городской фольклор распорядился именем Кутузова в вечном, непрекращающемся споре между двумя столицами. Интересно отметить, что этот анекдот имеет «школьное» происхождение. Он из серии так называемых «ответов с места»:

- *Почему Кутузову в Петербурге памятник поставили?*
- *Да потому, что он французам Москву сдал.*

Еще один анекдот из эпохи войны с Наполеоном мы включили в наше повествование только потому, что он живо характеризует еще один яркий персонаж петербургской истории, князя Петра Ивановича Багратиона. Потомок древнейшего и знаменитейшего царского рода в Грузии в Отечественную войну 1812 г. командовал 2-й армией. Судьба не дала ему возможность увидеть победу русского оружия над Наполеоном. Вплоть до Бородина ему пришлось отступать. А в Бородинском сражении Багратион получил ранение осколком гранаты в ногу. Считается, что это ранение оказалось смертельным. На самом деле это не так. Рана вовсе не была опасной, но, как рассказывают очевидцы, узнав о падении Москвы, Багратион «впал в состояние аффекта и стал в ярости срывать с себя бинты». Это привело к заражению крови и последовавшей затем смерти полководца.

В народе по достоинству оценили полководческий талант Багратиона. В Петербурге фамилию князя Петра Ивановича с гордостью произносили: «Бог рати он». Таким же он предстает и в анекдоте:

Денис Давыдов явился однажды в авангард к князю Багратиону и сказал:

— Главнокомандующий приказал доложить Вашему сиятельству, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступить.

Багратион отвечал:

— Неприятель у нас на носу? На чьем? Если на вашем, то он близко, а коли на моем, так мы успеем еще отобедать.

Почти через сто лет после описанных нами событий Отечественной войны 1812 г., во время другой войны, Русско-японской 1904–1905 гг., крепостью Порт-Артур командовал генерал-лейтенант Анатолий Михайлович Стессель. В декабре 1904 г. Во время осады крепости японцами, исключительно благодаря проявленной Стесселем профессиональной бездарности и личной трусости, Порт-Артур был сдан неприятелю. Военным судом Стесселя приговорили к смертной казни. Но параллельно с приговором на суде было зачитано и обращение того же суда о ходатайстве перед Николаем II заменить смертную казнь заключением Стесселя в Петропавловскую крепость на десять лет. В Петербурге в ту пору ходил анекдот:

— Что с того, что Стесселя посадят в крепость; он ее опять сдаст.

Судя по толковым словарям, придворные — это не вообще все служащие дворцового ведомства, а только те из них, которые находились непосредственно при особе царствующего монарха и членов его семьи. В основном это были фрейлины, статс-дамы, личные секретари, гофмаршалы, распорядители, то есть все те, кто, так или иначе, обеспечивал уклад и порядок жизни, работы и отдыха членов царского дома.

Вот почему, с некоторыми оговорками, к придворным, наряду с государственными чиновниками и известными военными деятелями, мы отнесли и придворных шутов, институт которых Россия унаследовала от династии Рюриковичей. Должность царских шутов сохранялась вплоть до екатерининской эпохи. Шутов любили. Они выполняли важную социальную роль, служили неким клапаном для выпуска пара из кипящего котла общественного мнения.

С появлением зачатков гражданского общества, которое зарождалось в аристократических салонах, надобность в шутах стала исчезать. Некоторые рудименты этого явления дожили до царствования Павла I, а затем полностью исчезли из российской придворной жизни. Однако царевы шуты оставили такой яркий след в государственной жизни страны, что память о них и сами имена этих шутов сохранились в народном сознании наравне с именами их хозяев — русских императоров. Главная особенность института придворных шутов состояла в том, что они имели право безбоязненно говорить все, что им вздумается, прямо в глаза сильным мира сего. Им прощалось то, за что другие вздергивались на дыбу, клеймились каленым железом и ссылались на каторжные работы. До сих пор мы хорошо помним имена самых знаменитых «увеселительных», как их называли современники, шутов Ивана Балакирева, Адама Педрилло, Яна д'Акосты, Кульковского.

Самый известный из них — Иван Александрович Балакирев. Из биографии Балакирева известно, что в юности он, дворянин по рождению, был зачислен в штат придворных служителей и попал под начальство камергера Виллима Монса. Еще при Петре I Балакирев прославился своими шутками, смелость высказываний в которых иногда граничила с откровенным вольнодумством. Казалось, авторитетов для Балакирева не существовало. Но случилось непоправимое. Виллим Монс был замечен в интимной связи с императрицей,

обвинен в измене и казнен, а Балакирева привлекли к суду и отправили в ссылку.

Как и следовало ожидать, едва заняв престол после смерти Петра I, Екатерина I, сама чуть не пострадавшая от любви к несчастному камергеру, вернула Балакирева из ссылки и произвела в поручики Преображенского полка.

В 1830 г., через много лет после смерти Балакирева, в Берлине вышел в свет «Сборник анекдотов Балакирева», среди которых нашли место и те, что ни по времени, ни по месту действия никак не могли принадлежать известному придворному шуту трех императоров — Петра I, Екатерины I и Анны Иоанновны. Из этого легко сделать вывод о популярности любимого шута Петра I Ваньки Балакирева, популярности, которой хватило не только на целых три царствования, но и на многие десятилетия вперед.

— Как ты, дурак, попал во дворец? — насмешливо спросил Балакирева один придворный.

— Да все через вас, умников, перелезал, — ответил Балакирев.

На обеде у князя Меншикова хвалили обилие и достоинства подаваемых вин. — У Данилыча во всякое время найдется много вин, чтобы виноватым быть, — сказал Балакирев.

Однажды случилось Балакиреву везти государя в одноколке. Вдруг лошадь остановилась посреди лужи для известной надобности. Шут, недовольный остановкою, ударил ее и промолвил, искоса поглядывая на соседа:

— Точь-в-точь Петр Алексеевич!

— Кто? — спросил государь.

— Да эта кляча, — отвечал хладнокровно Балакирев.

— Почему так? — закричал Петр, вспыхнув от гнева.

— Мало ли в этой луже дряни; а она все еще подбавляет ее; мало ли у Данилыча всякого богатства, а ты все еще пичкаешь, — сказал Балакирев.

Однажды осенью в Петергофском парке сидели на траве какие-то молоденькие дамы. Мимо проходил Балакирев, уже старик, седой как лунь.

— Видно, уже на горах снег выпал, — сказала одна дама, смеясь над его седою головою.

— Конечно, — ответил Балакирев, — коровы уже спустились с гор на травку в долину.

Шуты Балакирев и Педрилло сопровождали Петра Великого на яхте, когда монарх осматривал свой город. Взглянув на Адмиралтейский шпиль, Педрилло сказал: — Я имею такое острое зрение, что вижу, как на яблоке его сидит комар и правой ногой левое ухо чешет. Ты не видишь этого, Дормидоша?

— Я хотя не так зорек, как ты, зато слышу, как этот комар поет: «Не буди меня, молодую».

Упомянутый шут Педрилло был современником Балакирева. Впервые имя итальянца из Неаполя Адама Педрилло всплыло в Петербурге в связи с приглашением на коронацию Анны

Иоанновны итальянской театральной труппы из Дрездена. В ней Педрилло подвизался на роли комика-певца и играл на скрипке. Не поладив с капельмейстером Франческо Арайя, Педрилло решил остаться в России. Он сам напросился к Анне Иоанновне в придворные шуты и вскоре сделался ее любимцем. Фамилия Педрилло будто бы придумана самим шутом. Она представляет собой более простой для русского произношения вариант от его подлинной родовой фамилии — Пьетро-Мира.

О том, что Педрилло пользовался исключительной благосклонностью и доверием императрицы, говорит тот факт, что, кроме официальной должности придворного шута, он успешно выполнял и другие поручения государыни, в том числе дипломатические. Вел переписку с правящими особами Европы, неоднократно выезжал за границу с личными поручениями Анны Иоанновны.

За десять лет царствования Анны Иоанновны Педрилло стал состоятельным человеком. Причем, если верить фольклору, никогда не стеснялся в способах обогащения, которые иногда носили весьма экзотический характер. Рассказывают, что женат он был на исключительно невзрачной и некрасивой девице, которую при дворе за глаза уничижительно называли «Козой».

Однажды Бирон, решив посмеяться над шутком, спросил его:

— Правда ли, что ты женат на козе?

— Не только правда, но жена моя беременна и вот-вот должна родить, — ответил находчивый шут. — И я смею надеяться, что вы будете столь милостивы, что не откажетесь, по русскому обычаю, навестить родильницу и подарить что-нибудь на зубок младенцу.

Бирон рассказал об этом Анне Иоанновне, и той так понравилась затея, что она решила по такому случаю устроить придворное развлечение. Она приказала Педрилло после родов жены лечь в постель с настоящей козой и пригласила весь двор навестить «счастливую пару» и поздравить с семейной радостью. Понятно, что каждый должен был оставить подарок на зубок младенцу. Таким образом, Педрилло в один день нажил немалый капитал.

После кончины Анны Иоанновны Педрилло вернулся в Италию. О дальнейшей его жизни, похоже, ничего не известно.

Еще будучи придворным шутком, Педрилло составил сборник анекдотов, который впервые был опубликован в 1836 г. под названием «Умные, острые, забавные и смешные анекдоты Адамки Педрилло, бывшего шутком при дворе Анны Иоанновны во время регентства Бирона». Вот только три из них:

В Петербурге ожидали солнечного затмения. Педрилло, хорошо знакомый с профессором Крафтом, главным петербургским астрономом, пригласил к себе компанию простаков, которых уверил, что даст им возможность увидеть затмение вблизи. Между тем велел подать пива и угощал им компанию. Наконец, не сообразив, что время затмения уже прошло, Педрилло сказал:

— Ну, господа, нам ведь пора.

Компания поднялась и отправилась на другой конец Петербурга.

Лезут на башню, с которой следовало наблюдать затмение.

— Куда вы, — заметил им сторож, — затмение уже давно кончилось.

— Ничего, любезный, — возразил Педрилло, — астроном мне знаком — и все покажет сначала.

Педрилло, прося у герцога Бирона пенсию за свою долгую службу, говорил, что ему нечего есть. Бирон назначил ему пенсию в 200 рублей. Спустя несколько времени шут опять явился к герцогу с просьбою о пенсии.

— Как, разве тебе не назначена пенсия?

— Назначена, ваша светлость! И благодаря ей я имею, что есть. Но теперь мне решительно нечего пить.

Герцог улыбнулся и снова наградил шута.

Герцог для вида имел у себя библиотеку, директором которой назначил известного глупца. Педрилло с тех пор называл директора герцогской библиотеки не иначе как евнухом, и когда у Педрилло спрашивали: «С чего ты взял такую кличку?» — то шут отвечал: «Как евнух не в состоянии пользоваться одалисками гарема, так и господин Гольдбах — книгами управляемой им библиотеки его светлости».

Еще один шут — Ян д'Акоста — происходил из португальских евреев. Ни место, ни время его рождения историки не знают. До приезда в Россию он служил в Гамбурге, «исправляя должность адвоката». Но должность эта ему не понравилась, и он «пристал к российскому резиденту», с которым и приехал в Петербург. Петр смешного и веселого д'Акосту полюбил и вскоре причислил его к придворным шутам. В Петербурге д'Акоста принял православие, но относился к этому довольно легко и, судя по анекдотам, любил в связи с этим подшучивать как над собой, так и над своими вновь обретенными единоверцами.

Через шесть месяцев после принятия православия духовнику д'Акосты сказали, что новообращенный не выполняет никаких обрядов православия. Духовник, призвав к себе д'Акосту, спрашивал тому причину.

— Батюшка! — сказал шут. — Когда я сделался православным, не вы ли сами мне говорили, что я стал чист, словно переродился?

— Правда, правда, говорил, не отрицаюсь.

— А так как тому прошло не больше шести месяцев, как я переродился, то можно ли требовать чего-нибудь от полугодового младенца?

Духовник, при всей своей серьезности, не мог не рассмеяться.

Д'Акоста отличался философским складом ума и редким жизнелюбием. Даже на смертном одре он не забывал, что был царским шутком. В России это звание всегда считалось почетным.

Два господина — стряпчий и лекарь — спорили однажды: кому из них идти вперед? Пригласили д'Акосту решить их спор.

— Вору надобно идти вперед, а палачу за ним! — отвечал шут.

Несмотря на свою скупость, д'Акоста был много должен и, лежа на смертном одре, сказал духовнику:

— Прошу Бога продлить мою жизнь хоть на то время, пока выплачу долги.

Духовник, принимая это за правду, отвечал:

— Желание зело похвальное. Надеюсь, что Господь его услышит и авось либо исполнит.

— Ежели б Господь и впрямь явил такую милость, — шепнул д'Акоста одному из находившихся тут же своих друзей, — то я бы никогда не умер.

Менее известным в истории, однако не менее знаменитым, был шут Анны Иоанновны князь Михаил Алексеевич Голицын. Его биография заслуживает внимания. С рождения он страдал слабоумием, однако служил в армии и даже дослужился до майорского чина. Правда, случилось это, когда возраст Голицына приближался к сорока годам. Потом ушел в отставку и уехал за границу. Там Голицын женился на итальянке и, поддавшись ее настояниям, принял католичество. Переход из одной веры в другую в России не поощрялся, и по возвращении из-за границы в наказание за вероотступничество Голицын был подвергнут строгому выговору. Но, учитывая слабость ума отставного майора, был произведен в шуты.

Более известен был шут Голицын по прозвищам Квасник и Кульковский. Именно он был выбран Анной Иоанновной в качестве жениха калмычки Авдотьи Бужениновой для шутовской свадьбы в знаменитом Ледяном доме, специально для этой цели построенном посреди замерзшей январской Невы.

Надо отметить, что каким бы слабоумным ни считался Кульковский среди современников, его ответы, известные нам по анекдотам той поры, отмечены неподдельным остроумием и находчивостью, которые никогда не изменяли ему вплоть до самой старости.

Кульковский однажды был на загородной прогулке, в веселой компании молоденьких и красивых девиц. Гуляя полем, они увидели молодого козленка.

— Ах, какой миленький козленок! — закричала одна из девиц.

— Посмотрите, Кульковский, у него и рогов нет.

— Потому что он еще не женат, — подхватил Кульковский.

Старик Кульковский, уже незадолго до кончины, пришел однажды рано утром к одной из молодых и очень пригожих оперных певиц. Узнав о приходе Кульковского, она поспешила встать с постели, накинуть пеньюар и выйти к нему.

— Вы видите, — сказала она, — для вас встают с постели.

— Да, — отвечал Кульковский, вздыхая, — но уже не для меня делают противное.

Впрочем, Кульковский не ограничивался легким и искрометным юмором приватного характера. Мы знаем анекдоты, в которых его юмор беспощадно разил и безжалостно уничтожал.

Герцог Бирон послал однажды Кульковского вместо себя приемником от купели сына одного камер-лакея. Кульковский исполнил это в точности, но когда докладывал о том

Бирону, то тот, будучи чем-то недоволен, назвал его ослом.

— Не знаю, похож ли я на осла, — сказал Кульковский, — но знаю, что в этом случае я совершенно представлял вашу особу.

Мы уже говорили, что с зарождением в России первых признаков гражданского общества надобность в шутах, которые с завидным бесстрашием бросали обвинения в лицо сильных мира сего, отпала. Однако нужда в людях, способных быть рупорами общественного мнения, сохранялась, и эту обязанность взяли на себя остроумные любимцы аристократических салонов, во множестве появившихся в Петербурге после Отечественной войны 1812 г. Это были наделенные божественным даром острословия великосветские щеголи, искрометные шутки и смелые реплики которых петербуржцы ловили на лету, передавали из уст в уста и распространяли по городу в виде анекдотов. Наиболее известными остроумцами в Петербурге середины XIX в. слыли Александр Сергеевич Меншиков и Александр Львович Нарышкин.

Меншиков был правнуком любимца Петра I, первого губернатора Петербурга Александра Даниловича Меншикова. Он прославился своей храбростью в Отечественную войну 1812 г. Был дважды ранен. Участвовал в турецкой кампании 1828–1829 гг., а в Крымскую войну 1853–1856 гг. был назначен главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму руководил обороной Севастополя.

Но более всего Меншиков прославился своим неистощимым остроумием. Шутки, остроты и анекдоты, едва слетев с уст Меншикова, тут же становились достоянием фольклора. Их пересказывали в аристократических салонах, их можно было услышать на торговых площадях и во время гвардейских попоек. Однако сарказма Меншикова в обществе побаивались, и потому, по свидетельству современников, многие его недолюбливали. Впрочем, для истории петербургского фольклора это не важно. Вот только некоторые из искрометных шуток Александра Сергеевича:

Однажды Меншиков пожаловался Ермолову, что у него куда-то пропала бритва и он уже три дня не брился.

— Нашел о чем тужить, — ответил Ермолов, — высунь язык и обрейся.

Когда в начале Крымской войны в помощь светлейшему князю Меншикову был прислан генерал-адъютант Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен, Меншиков с досадой сказал: — Я просил подкрепления войском, а меня подкрепили Ерофеевичем.

Как-то раз тяжело заболел министр финансов граф Канкрин. Весь город только об этом и говорил. При встрече друг с другом вместо приветствия многие обменивались последними сведениями о здоровье графа. Однажды герцог Лейхтенбергский спросил о том же встретившегося ему Меншикова:

— Что нового сегодня о болезни Канкрина, Александр Сергеевич?

— Плохие новости, — ответил князь, — ему гораздо лучше.

В свое время в Петербурге были известны три Бибикова: Илья, Дмитрий и Таврило. Одного из них знали как непомерного гордеца, который «возводил свой род чуть ли не от Юпитера», другого — как неумеренного хвастуна, а третьего — как азартного игрока.

Но всех вместе их характеризовали меншиковской остротой, который однажды проговорил:

— Из Бибиковых один надувается, другой продувается, а третий других надувает.

Уже будучи морским министром, Меншиков принял однажды некоего капитан-лейтенанта, который по разным обстоятельствам поменял морскую службу на работу в полиции, где был назначен частным приставом Адмиралтейской части.

Поздоровавшись с бывшим моряком, Меншиков представил его присутствовавшему:

— Вот человек, который обошел все части света, а лучше второй Адмиралтейской не нашел.

В 1850 году на место заболевшего графа Уварова министром просвещения был назначен князь Ширинский-Шихматов, а товарищем министра — А. С. Норов, который был без одной ноги. Ни новый министр, ни его товарищ, по мнению света, не отличались качествами, необходимыми для таких должностей.

Князь Меншиков, узнав о назначении, сказал:

— И прежде просвещение тащилось у нас как ленивая лошадь, но все-таки было на четырех ногах, а теперь стало на трех, да и то с норовом.

Не менее знаменитым петербургским острословом был Александр Львович Нарышкин. Старинный дворянский род Нарышкиных, если верить преданию, ведет свою родословную от крымского татарина Нарышки, приехавшего в Москву в 1463 г. Один из Нарышкиных, Кирилл Полиевктович, породнился с династией Романовых, выдав свою дочь Наталью за царя Алексея Михайловича. От этого брака родился будущий император Петр I. Как говорили в старину, «От Нарышкиных Петр Великий произошел». В эпоху Екатерины II был хорошо известен острослов и мистификатор обер-шталмейстер Лев Александрович Нарышкин. При дворе Екатерины он выполнял, если можно так выразиться, старинные обязанности упразднявшихся в то время царских шутов.

Сын Льва Александровича, Александр Львович Нарышкин, служил директором императорских театров. Он унаследовал от отца природное остроумие и отличался редким гостеприимством. Дом его на Большой Морской, названный в Петербурге «Новыми Афинами», всегда был полон гостей, среди которых бывали «лучшие умы и таланты того времени». Здесь и рождалось большинство шуток Нарышкина.

Нарышкин не любил Н. П. Румянцева и часто трунил над ним. Последний до конца жизни носил косу в своей прическе.

— Вот уж подлинно скажешь, — говорил Нарышкин, — нашла коса на камень.

Когда принц Прусский гостил в Петербурге, шел непрерывный дождь. Государь изъявил сожаление. — По крайней мере, принц не скажет, что Ваше Величество его сухо приняли, — заметил Нарышкин.

Император Павел при вступлении своем на престол пожаловал князьям Александру и Алексею Куракиным несколько тысяч крестьян и богатые рыбные ловли на Волге. Встретив

в день издания этого указа Нарышкина, император спросил его:

— Что нового в городе, Александр Львович?

— Все говорят только об одном, — отвечал Нарышкин, — что Ваше Величество изволили посадить обоих Куракиных на хлеб и воду.

Но особенно гремела в Петербурге слава об обедах, устраиваемых им на загородной даче, которая, как и отцовская, находилась на Петергофском шоссе. Сохранился анекдот о расточительности Нарышкина:

Однажды Александр I, присутствовавший на одном из небывалых по размаху праздников, устроенных Нарышкиным, поинтересовался, во что он ему обошелся.

— Ваше Величество, в тридцать шесть тысяч рублей, — ответил Нарышкин.

— Неужели не более? — удивился царь, еще раз взглянув на все это великолепие.

— Ваше Величество, — нашелся Нарышкин, — я заплатил тридцать шесть тысяч рублей только за гербовую бумагу подписанных мной векселей.

Через несколько дней император прислал Нарышкину книгу, в которую вплетены были сто тысяч рублей ассигнациями.

Нарышкин, всегда славившийся своей находчивостью, просил передать государю «свою глубочайшую признательность» и добавил, что «сочинение очень интересное и желательно получить продолжение». Александр прислал Нарышкину еще одну книгу с вплетенными в нее ста тысячами, но при этом приказал передать, что «издание окончено».

Понятно, что при таком образе жизни Нарышкину и в самом деле постоянно не хватало средств. Он был в вечных долгах и притом «без всякой надежды на оплату кредитов». Взаимоотношения с кредиторами были непростыми, но врожденное чувство юмора помогало Нарышкину выживать.

Однажды кто-то похвалил ему мужество его сына, который в 1812 году отбил у французов редут и стойко его защищал.

— Это наша фамильная черта, — нашелся Нарышкин, — что займут — того не отдадут.

Во время закладки одного корабля в Адмиралтействе государь спросил Нарышкина:

— Отчего ты так невесел?

— Нечему веселиться, — отвечал тот. — Вы, государь, в первый раз в жизни закладываете, а я каждый день.

Нарышкин как-то запоздал на прием к императору.

— Отчего ты так поздно приехал? — спросил у него государь.

— Без вины виноват, Ваше Величество. Камердинер не понял моих слов: я приказал ему заложить карету; выхожу — кареты нет. Приказываю подавать — он подает мне пук

ассигнаций. Надобно было послать за извозчиком.

Так как расточительность Нарышкина поглощала все его доходы, то ему часто приходилось быть щедрым только на словах. Поэтому, когда ему нужно было кого-то наградить, он забавно говорил: — Напомните мне пообещать вам что-нибудь.

В начале 1809 года, в пребывание здесь прусского короля и королевы, все придворные особы давали великолепные балы в честь великосветских гостей. Нарышкин сказал о своем бале:

— Я сделал то, что было моим долгом, но я сделал это в долг.

Получив с прочими дворянами бронзовую медаль в воспоминание 1812 года, Нарышкин сказал:

— Никогда не расстанусь с нею, она для меня бесценна: нельзя ни продать, ни заложить.

Даже умирая, Нарышкин остался верным себе. Его последними словами были:

— Первый раз я отдаю долг — природе.

Петербургская фольклорная традиция долгое время оставалась верна двум своим основным принципам. Все самое смешное и остроумное приписывалось придворным шутам и все самое глупое — военным комендантам или их прямым подчиненным — солдатам.

— Сколько часов било, голубчик? — спросил Александр I часового.

— Тридцать шесть, Ваше Величество.

— ?!?!

— Двенадцать — на Петропавловском, двенадцать — на Думе и двенадцать — на Троицком.

Сейчас уже трудно сказать, кто из комендантов был на самом деле участником тех или иных сюжетов городских анекдотов, но в большинстве из них фигурирует комендант Петропавловской крепости Башуцкий.

По свидетельству современников, генерал-адъютант Павел Яковлевич Башуцкий являл собой удобную мишень, всегда готовую для развлечения великосветской знати. Особенно любили посмеяться над ним в присутствии государя. Да и сам император редко лишал себя удовольствия пошутить над комендантом. Правда, трудно было заранее предугадать, чем эта шутка могла закончиться. Башуцкий был на редкость простодушен и наивен.

— Господин комендант, — сказал однажды Александр I в сердцах Башуцкому, — какой это у вас порядок! Можно ли себе представить!

Где монумент Петру Великому?

— На Сенатской площади.

— Был да сплыл! Сегодня ночью украли. Поезжайте и разыщите!

Башуцкий, бледный, уехал. Возвращается веселый, довольный; чуть в двери кричит:

— Успокойтесь, Ваше Величество. Монумент целехонек на месте стоит. А чтобы чего в самом деле не случилось, я приказал к нему поставить часового.

Все захохотали.

— Первое апреля, любезнейший, первое апреля, — сказал государь и отправился к разводу.

На следующий год ночью Башуцкий будит государя:

— Пожар!

Александр встает, одевается, выходит, спрашивая:

— А где пожар?

— Первое апреля, Ваше Величество, первое апреля.

Государь посмотрел на Башуцкого с соболезнованием и сказал:

— Дурак, любезнейший, и это уже не первое апреля, а суцья правда.

Однажды приказано было солдатам развод назначить в шинелях, если мороз будет выше десяти градусов. Башуцкий вызвал к себе плац-майора:

— А сколько сегодня градусов?

— Пять.

— Развод без шинелей, — приказывает Башуцкий.

Но пока наступило время развода, погода подшутила. Мороз перешел роковую черту. Государь рассердился и намылил коменданту голову.

Возвратясь домой, взбешенный Башуцкий зовет плац-майора.

— Что вы это, милостивый государь, шутить со мной вздумали? Я не позволю себя дурачить. Так пять градусов было? А?

— Когда я докладывал Вашему превосходительству, термометр показывал...

— Термометр-то показывал, да вы-то соврали. Так, чтоб этого больше не было, извольте, милостивый государь, впредь являться ко мне с термометром. Я сам смотреть буду у себя в кабинете, а то опять выйдет катавасия.

Впрочем, не всегда все выглядело так безобидно. Однажды, если верить фольклору, шутка, которую позволил себе известный петербургский остролов Александр Львович Нарышкин, едва не закончилась скандалом.

Во время какого-то высокотожественного обеда, когда весь двор только что сел за парадный стол, а Башуцкий стоял у окна с платком в руках, чтобы подать сигнал, «когда придется виват из крепости палить», мимо него проходил Нарышкин. Заметив важную позу коменданта, Нарышкин сказал ему:

— Я всегда удивляюсь точности крепостной пальбы и, как хотите, не понимаю, как это вы делаете, что пальба начинается всегда вовремя.

— О, помилуйте! — отвечал Башуцкий. — Очень просто! Я возьму да махну платком вот так!

И махнул взаправду, и поднялась пальба, к общему удивлению, еще за супом. А самое смешное было то, что Башуцкий не мог понять, как это могло случиться, и собирался после стола «сделать строгий розыск и взыскать с виновного».

Справедливости ради скажем, что были и исключения. В Петербурге был популярен анекдот о героическом коменданте Нишлотской крепости, проявившем необыкновенное мужество во время Северной войны.

Во время войны со шведами однорукий комендант Нишлотской крепости Кузьмин в ответ на требование врага сдать крепость отвечал:

— Рад бы отворить ворота, но у меня одна рука, да и в той шпага.

Наивность и простодушие, смахивающие на глупость, а то и на обыкновенное недомыслие или тупость, не были привилегией только комендантов. Этим, с точки зрения фольклора, грешили многие министерские и городские чиновники. Они-то и становились героями городских анекдотов.

В 1834 г. скончался Виктор Павлович Кочубей. Карьера этого государственного деятеля была завидной. Он был личным другом императора Александра I, когда тот был еще великим князем и наследником престола. С воцарением Александра I Кочубей вступил в должность министра внутренних дел. При императоре Николае I стал председателем Государственного Совета и Кабинета министров.

Но, несмотря на то что Кочубей в обществе слыл либералом и сторонником умеренных реформ, в фольклоре о нем сохранились, как правило, осторожно отрицательные оценки. Известна эпиграмма в форме надгробной эпитафии, которую молва приписывала Пушкину:

Под камнем сим лежит граф Виктор Кочубей,
Что в жизни доброго он сделал для людей,
Не знаю, черт меня убей.

Кочубея похоронили на старинном кладбище Александро-Невской лавры. Супруга Виктора Павловича княгиня Мария Васильевна «выпросила у государя разрешение» обнести могилу оградой. А Пушкин почти сразу после похорон в своих «Table talk» записывает анекдот:

Старушка Новосильцева по поводу металлической оградки как-то сказала:

— Посмотрим, каково-то ему будет в день второго пришествия. Он еще будет карабкаться через свою решетку, а другие уже будут на небесах.

Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями граф Петр Андреевич Клейнмихель слыл в городском фольклоре наивным простачком, над которым мог посмеяться не только каждый начальник, но и всякий подчиненный. Со временем он стал удобной мишенью для постоянных насмешек и издевательств. Анекдоты о нем сыпались как из рога изобилия.

Объезжая однажды Россию для осмотра железных дорог, Клейнмихель заранее назначал час представления ему подчиненных. Но каждый раз делал это по своим часам. И был крайне изумлен тем, что в Москве в назначенное им время чиновники не собрались.

— Что это значит? — вскричал разъяренный граф.

— Так ведь московские часы не одинаковы с петербургскими, так как Москва и Петербург имеют разные меридианы, — ответили ему.

Клейнмихель покивал головой и согласился с таким объяснением.

Каково же было его удивление, когда и в Нижнем Новгороде повторилась та же история. Генерал в бешенстве закричал:

— Что это такое?! Кажется, всякий дрянной городишко хочет иметь свой меридиан?! Ну, положим, Москва может — первопрестольная столица, а то и у Нижнего свой меридиан!

В Петербурге строился первый постоянный мост через Неву. Строительство было сложным и дорогостоящим. Только на забивке свай было занято несколько тысяч человек.

И вдруг Клейнмихель узнает, что некий генерал Кербец придумал какую-то хитроумную машину, значительно облегчающую и ускоряющую этот поистине египетский труд. Изобретатель представил свою машину на утверждение Клейнмихеля и получил от того строжайший выговор, зачем он этой машины прежде не изобрел и тем самым ввел казну в огромные и напрасные расходы.

Даже редкие факты признания несомненных заслуг Клейнмихеля становились причиной для светского злословия.

Однажды Клейнмихелю вручали орден Андрея Первозванного. Среди новых орденосцев в тот счастливый и злополучный для графа день были и награжденные тем же орденом за какую-то успешно проведенную военную кампанию.

— За что же Клейнмихелю? — не стесняясь присутствия графа, шептались присутствовавшие. И обменивались остротами: — Тем за кампанию, а Клейнмихелю для компании.

Понятно, что когда главноуправляющий путей сообщения был отправлен в отставку по всей России раздался вздох облегчения.

— Да что же вы так радуетесь? Ведь вам-то он, видимо, ничего не сделал. Да и видели ли вы его хоть раз? — спросили у одного купца, не имевшего к железным дорогам никакого отношения.

— Да и черта никто не видел, однако ж поделом ему достается, — ответил купец.

Через много лет такой же одиозной фигурой прослыл в Петербурге член Государственного Совета и министр финансов в правительстве Николая II Федор Павлович Вронченко. В известных кругах он считался большим волокитой и любимцем петербургских «камелий» из Мещанских улиц. В то время Мещанские улицы были хорошо известны своими пикантными заведениями под красными фонарями. Однажды Вронченко получил повышение по службе, и, к немалому удивлению общества, прежде всего это стало известно в мещанских притонах. По этому случаю появился даже анекдот:

Шел я по Мещанской и вижу — все окна в нижних этажах домов освещены, и у всех ворот множество особ женского пола. Сколько я ни ломал головы, никак не мог отгадать причины иллюминации, тем более что тогда не было никакого случая, который мог бы дать повод к народному празднику. Подойдя к одной особе, я спросил ее:

— Скажи, милая, отчего сегодня иллюминация?

— Мы радуемся, — отвечала она, — повышению Федора Павловича.

Фольклор не щадил никого. Досталось от него и известному петербургскому книгоиздателю Ивану Ильичу Глазунову. С 1881 по 1885 г. Глазунов занимал должность городского головы. В пору его деятельности на этом посту в Петербурге случилась очередная эпидемия холеры. Иван Ильич делал все возможное, чтобы снизить ущерб от этой напасти среди населения столицы, и, понятно, что, когда холера пошла на убыль, радости градоначальника не было предела. Но не тут-то было. Радоваться было рано, беспощадность фольклора была столь же беспредельной.

Когда эпидемия пошла, наконец, на спад, Глазунов телеграфировал председателю санитарной комиссии, находившемуся в отъезде:

— Холера идет на убыль. Буду рад, если петербуржцы, наконец, передохнут.

Тот ответил:

— Телеграмма неясна. Не могу разобрать, на какой гласной в последнем слове вы ставите ударение?

На рубеже XIX–XX вв. заслуженной славой в петербургском обществе пользовался один из самых знаменитых юристов дореволюционной России почетный академик петербургской Академии наук и член Государственного Совета Анатолий Федорович Кони. Особенно широкую известность он получил в 1878 г. после судебного процесса над народницей Верой Засулич, совершившей покушение на петербургского губернатора Ф. Ф. Трепова. Суд присяжных под председательством Кони оправдал ее.

Добавим, что фамилия Кони, благодаря своему второму, вполне определенному смыслу, сразу же стала удобной мишенью для добродушных каламбуров.

Когда Кони был назначен сенатором, один язвительный журналист поместил в печати эпиграмму:

В Сенат коня Калигула привел.
Стоит он, убранный и в бархате, и в злате.
Но я скажу: у нас такой же произвол —
В газетах я прочел, что Кони есть в Сенате.

На это он получил достойный ответ:

Я не люблю таких иронии.
Как люди непомерно злы!
Ведь то прогресс, что нынче Кони,
Где прежде были лишь ослы.

Еще раз говорящей фамилией Кони фольклор воспользовался сразу после революции. В то

время Анатолий Федорович преподавал уголовное судопроизводство в Петербургском университете. Кроме того, вел многообразную просветительскую работу читая лекции буквально во всех районах города, включая самые отдаленные. Всюду успеть было невозможно, и студенты университета будто бы добились, чтобы для пожилого и не очень здорового профессора Наркомпрос выделил лошадь с экипажем. Лошадь Кони предоставили, но, после того как советское правительство переехало в Москву, всех лошадей бывшего Конюшенного ведомства или перевели туда, или реквизировали для нужд Гражданской войны. Лишили и Кони столь удобного средства передвижения. Вот тогда-то и вспомнили фамилию знаменитого юриста. — *Подумайте, — шутили петроградские остроусловы, — лошади в Москве, а Кони в Петрограде.*

Глава 3. Золотой век русской культуры

Впервые поручик Ржевский стал персонажем целой серии городских анекдотов в 1960-х гг., после выхода на экраны популярного фильма Эльдара Рязанова «Гусарская баллада», сценарием которого стала пьеса А. Гладкова «Давным-давно». Фамилия Ржевских старинная. Она упоминается в летописях еще в 1315 г., когда Ржевские были удельными князьями во Ржеве Тверской губернии.

Наряду с дворцовыми праздниками, придворными собраниями и литературно-художественными салонами, в Петербурге был еще один представительный общественный форум, где люди не только отдыхали, развлекались и, как говорится, повышали свой культурный уровень, но и встречались друг с другом, общались между собой, обменивались информацией и делились мнениями. Таким форумом был театр. Именно в Петербурге театр впервые появился, здесь он получил свое дальнейшее развитие и здесь же достиг полного и абсолютного совершенства. Роль театра в содействии более тесному общению людей между собой трудно переоценить. Вольно или невольно этому способствовало даже его внутреннее устройство. Кроме длинных коридоров и просторных фойе, где люди встречались друг с другом перед началом представления и во время антрактов, за последними театральными рядами партера было предусмотрено свободное пространство, не заставленное креслами. Его так и

называли: «места за креслами». Здесь можно было свободно перемещаться не только в антрактах, но и во время спектаклей. Это предоставляло дополнительную возможность для случайных или намеренных знакомств и общения.

В дополнение к сказанному надо иметь в виду, что театр в то время был, пожалуй, единственным общедоступным местом, где одновременно находились и сосуществовали представители различных социальных и сословных кругов. Если на придворные и аристократические балы, дворцовые приемы, званые обеды или иные светские мероприятия рассылались именные приглашения, а гостями салонов были исключительно определенные заранее лица, хорошо известные и близкие хозяевам дома, то билеты на театральные спектакли распродавались достаточно свободно и были доступны практически для всех.

О том, какое огромное значение придавалось театру в Петербурге, сказано так много в художественной и мемуарной литературе, что добавить, кажется, уже нечего. Однако обратимся к фольклору.

Знаменитая певица Габриели запросила у русской императрицы пять тысяч дукатов за два месяца выступлений в Петербурге.

— Я своим фельдмаршалам плачу меньше, — запротестовала императрица.

— Отлично, Ваше Величество, — отпарировала Габриели, — пусть ваши фельдмаршалы вам и поют.

Императрица заплатила ей пять тысяч дукатов.

В 1811 году в Петербурге сгорел Большой каменный театр. Пожар был так силен, что в несколько часов уничтожил его огромное здание. Нарышкин, находившийся на пожаре, сказал встревоженному государю:

— Нет ничего более: ни лож, ни райка, ни сцены, — все один партер.

В пушкинском Петербурге посетители литературных салонов, как правило, были и завсегдатаями театральных представлений. Например, Пушкин, особенно в его послелицейский период, постоянно упоминается как в салонном, так и в театральном фольклоре.

В столице славился салон Елизаветы Михайловны Хитрово. Елизавета Михайловна была дочерью фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова. С замужеством ей не везло. Она дважды выходила замуж, и дважды мужья оставляли ее вдовой. В 1819 г., после того как она вторично овдовела, Елизавета Михайловна начала вести открытый образ жизни. В ее доме на Моховой улице собирались писатели, среди которых были В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, В. А. Соллогуб, А. И. Тургенев, А. С. Пушкин и многие другие. Принимала своих друзей Елизавета Михайловна, как правило, по утрам, лежа в постели. Дальнейшие пикантные подробности личной жизни Елизаветы Михайловны мы знаем из петербургского городского фольклора.

Когда гость, допущенный в спальню, собирался, поздоровавшись с хозяйкой, сесть в кресло, Хитрово останавливала его:

— Нет, не садитесь на это кресло, это кресло Пушкина; нет, не на этот диван, это место Жуковского; нет, не на этот стул — это стул Гоголя; садитесь ко мне на кровать — это место всех.

Вскоре по выходе из Лицея Пушкин познакомился со столичным обер-полицмейстером Иваном Саввичем Горголи, с которым имел объяснение по поводу скандала в театре. Пушкин, как передают, поссорился с неким чиновником, обругав его неприличными словами.

— Ты ссорисься, Пушкин, кричишь, — выговаривал юному поэту обер-полицмейстер.

— Я дал бы и пощечину, но поостерегся, чтобы актеры не приняли это за аплодисменты, — ответил на это Пушкин.

Этот анекдот в Петербурге, видимо, был так популярен, что до нас он дошел в двух вариантах. Поскольку, как нам кажется, оба они одинаково важны, приводим и другой анекдот:

В Санкт-Петербургском театре один старик, любовник Асенковой, аплодировал ей тогда, когда она плохо играла. Пушкин, стоявший близ него, свистал. Сенатор, не узнав его, сказал:

— Мальчишка, дурак!.

Пушкин отвечал:

— Ошибка, старик! Что я не мальчишка — доказательством жена моя, которая здесь сидит в ложе; что я не дурак, я — Пушкин; а что я тебе не даю пощечины, то для того, чтоб Асенкова не подумала, что я ей аплодирую.

Директором императорских театров одно время был известный уже нам знаменитый петербургский острослов Александр Львович Нарышкин. Среди острот и анекдотов, приписываемых петербургской молвой этому остряку есть и театральные. Героем одного из них стал предшественник Нарышкина в директорском кресле князь Николай Борисович Юсупов, о татарском происхождении которого всем было хорошо известно. Впрочем, он его и сам не скрывал. Другой анекдот высмеивает П. П. Мартынова, бывшего в то время комендантом Зимнего дворца. Вспомним, какому осмеянию подвергались в фольклоре вообще все военные коменданты. Вторым персонажем этого анекдота стал немецкий драматург и романист Август Коцебу, долгое время живший в России. В Петербурге Коцебу приобрел широкую известность как автор многочисленных пьес, которые заняли не последнее место в репертуаре русских театров. Все его сочинения носили нравоучительный характер и по большей части были пошлыми и слезливыми. В театральном Петербурге их называли не иначе как «Коцебятина».

Раз в театре, во время балета, государь спросил Нарышкина, директора императорских театров, отчего он не ставит балетов со множеством всадников, какие прежде давались часто.

— Невыгодно, Ваше Величество! Предместник мой ставил такие балеты, потому что, когда лошади делались негодны для сцены, он мог их отправить на кухню... и... съесть.

На Эрмитажном театре затеяли играть известную пьесу Коцебу «Рогус Пумперникель».

— Все хорошо... — сказал кто-то. — Да как же мы во дворец осла-то поведем...

— Э, пустое дело! — ответил Нарышкин, — самым натуральным путем на комендантское крыльцо.

Одним из самых любимых театров у искусенной и избалованной петербургской публики был

Александрийский. К нему относились ревниво как зрители, так и сами актеры, особенно когда дело касалось взаимоотношений с московскими актерскими труппами. А они, как известно, всегда были, мягко выражаясь, не очень ровными.

Когда в Александрийском театре готовились к предстоящим гастролям Щепкина, актер Боченков, игравший те же роли, что и Щепкин, и очень боявшийся соперничества, мрачно шутил:

— В Москве дров наломали, а к нам щепки летят.

Самым известным театральным острословом слыл в Петербурге талантливый трагик, ведущий драматический актер, любимец петербургской публики, потомственный артист Василий Андреевич Каратыгин. В городском фольклоре Каратыгин и остался-то исключительно благодаря многочисленным театральным анекдотам и байкам, главным героем которых выступал он сам.

Однажды летом в Петергофе был выездной спектакль Александрийского театра. За неимением места актеров временно разместили в помещении, где обычно стирали белье. Побывавший на спектакле император поинтересовался у артистов, всем ли они довольны.

Первым отозвался находчивый Каратыгин:

— Всем, Ваше Величество, всем. Нас хотели полоскать и поместили в прачечной.

Николай I, находясь во время антракта на сцене Александрийского театра и разговаривая с актерами, обратился в шутку к знаменитейшему из них Каратыгину:

— Вот ты, Каратыгин, очень ловко можешь превратиться в кого угодно. Это мне нравится.

Каратыгин, поблагодарив государя за комплимент, согласился с ним и сказал:

— Да, Ваше Величество, могу действительно играть и нищих, и царей.

— А вот меня, ты, пожалуй, и не сыграл бы, — шутливо заметил Николай.

— А позвольте, Ваше Величество, даже сию минуту перед вами я изображу вас.

Добродушно в эту минуту настроенный царь заинтересовался: как это так? Пристально посмотрел на Каратыгина и сказал уже более серьезно:

— Ну, попробуй.

Каратыгин немедленно встал в позу, наиболее характерную для Николая I, и, обратившись к тут же находившемуся директору императорских театров Гедеонову, голосом, похожим на голос императора, произнес:

— Послушай, Гедеонов, распорядись завтра в двенадцать часов выдать Каратыгину двойной оклад жалованья за этот месяц.

Государь рассмеялся:

— Гм... Гм... Недурно играешь.

Распрощался и ушел. На другой день в двенадцать часов Каратыгин получил, конечно, двойной оклад.

Популярность анекдота в Петербурге была такова, что даже до наших дней он дошел в разных вариантах. В основном разница заключалась в вознаграждении актера за талантливо сыгранный экспромт. Так, по одному из них, Каратыгин будто бы получил от императора ящик лучшего французского шампанского.

Каратыгину приписывают анекдоты, адресованные плодовитым, но бездарным авторам театральных водевилей.

Об одном авторе Каратыгин сказал:

— Лучше бы он писал год и написал что-нибудь ГОДное, чем писал неделю и написал НЕДЕЛЬНОЕ.

Третьестепенный автор, некий Семенов, зашел однажды за кулисы к Каратыгину:

— А помнишь ли ты мою пьесу «Царская милость»?

— Еще бы! Я ведь злопамятный, — ответил Каратыгин.

По поводу драмы «В стороне от большого света» Каратыгин сказал: — Первое действие драмы происходит в селе, второе — в городе, все же остальное написано ни к селу, ни к городу!

Острый на язык Каратыгин не щадил никого и был находчив в любых, даже самых неподходящих обстоятельствах.

Однажды Каратыгин присутствовал на похоронах одного известного картежника, казачьего офицера.

— Ну, — спросили его, — как вам похороны?

— Великолепно! Сначала ехали казаки с пиками, потом музыканты с бубнами, затем духовенство с крестами, потом покойник с червями, а за ними шли дамы, тузы, валеты, и в конце двойки, тройки, четверки.

Известна легенда о похоронах и самого Каратыгина. Будто бы он был положен в гроб живым и перед смертью поднялся в гробу. Как утверждают жизнерадостные театралы, это будто бы и была последняя искрометная шутка талантливого актера и неумного остроумца.

В 1888 г. в Петербург на гастроли приехал знаменитый цирковой артист и дрессировщик животных А. Л. Дуров. Сохранилась, скорее похожая на анекдот, легенда о рекламной, как сказали бы сейчас, акции, которую успешно провел Дуров в Северной столице.

Перед выступлением Дуров ездил по улицам, разбрасывая листовки с призывами посетить его представления. Его вызвал петербургский градоначальник Гроссер и запретил это делать.

— Есть у вас еще эти штучки? — спросил генерал, показывая на подобранные полицией листовки.

— *Есть, ваше превосходительство.*

— *Так потрудитесь выбросить их.*

— *Слушаюсь.*

На следующий день Дуров снова занялся разбрасыванием листовок. Его снова вызвал Гроссер.

— *Вы что же, издеваетесь надо мной?*

— *Помилуйте, Ваше превосходительство, я счел должным выполнить ваше распоряжение.*

— *???*

— *Вы приказали выбросить листовки, вот я и выбросил все, что было.*

Цирковые, театральные или концертные гастроли были для Петербурга явлением давним, традиционным и привычным. Мы уже рассказывали анекдот, связанный с выступлениями в Северной столице при Екатерине II знаменитой итальянской певицы Габриели. Особенно запомнились петербуржцам гастроли австрийского композитора, скрипача и дирижера, «Короля вальсов», как его окрестили в народе, Иоганна Штрауса. Популярность Штрауса дошла до того, что питерские парикмахеры даже придумали и ввели в моду прическу «А-ля Штраус».

Концерты Штрауса, которые проходили в Павловском курзале, пользовались ошеломляющим успехом. Он был кумиром публики, особенно ее женской половины. Летняя жизнь Штрауса в Павловске сопровождалась легкими романтическими приключениями и страстными влюбленностями. Если верить фольклору, порой это заканчивалась маленькими светскими скандалами. Однажды его даже вызвали на дуэль. Некий офицер будто бы поставил ему в вину что его жена каждый день посылала композитору роскошный букет цветов. Говорят, Штрауса спасло только его врожденное остроумие. Он пригласил молодого человека к себе в комнату которая была полностью завалена цветами. «Все это мне подарили в последние два дня, — весело сказал композитор. — Я готов дать вам удовлетворение, если вы покажете букет, подаренный вашей женой».

Штраус становился героем дружеских шаржей, где его изображали играющим на скрипке в окружении пылающих сердец в кринолинах, и анекдотов, где его немецкая фамилия превращалась в русскую двусмысленность:

— *Посмотрите, Аннете, какие огромные яйца у этого страуса, — сказала маменька своей дочке, прогуливаясь по академическому музею.*

— *Ах, маменька, это у того самого страуса, что играет так мило вальсы в Павловском вокзале?*

Надо напомнить, что в концертных программках и на афишах имя и фамилия композитора печатались в русской транскрипции: Иван Страус. Да и в народе его называли не иначе как «Иван Иванович», или «Танцующий Страус», по манере дирижировать пританцовывая. Приведем и второй анекдот на ту же тему. Вовсе не для того, чтобы посмаковать ее, а для того, чтобы показать, сколь широкое распространение она имела в Петербурге. И еще одно напоминание. В Павловском курзале выступали два Штрауса, оба одинаково любимые и знаменитые: отец и сын.

Матушка с дочкой приехали летом в Петербург и осмотрели все достопримечательности, в том числе и музей Академии наук, где они видели кости допотопных животных, яйца огромных птиц и так далее. Вечером они поехали в Павловск слушать оркестр Штрауса.

Дочь спросила у матери:

— Это молодой Штраус?

— Молодой! Это сын...

— Это и видно, что еще очень молод.

— Это почему?

— Потому что яйца еще не так велики, как те страусовы яйца, что мы видели сегодня в Академии.

Из отечественных композиторов XIX в. в петербургский городской анекдот попали в основном два из них: Глинка и Чайковский. И у того, и у другого были на то довольно веские причины.

Родоначальник национальной русской оперы Михаил Иванович Глинка приобрел всеобщую известность как композитор в 1836 г., после представления патриотической оперы «Жизнь за царя», более известной в широкой публике под советским вариантом названия «Иван Сусанин». Именно тогда Глинка почувствовал прикосновение богини Славы. Однако вторая опера композитора «Руслан и Людмила», представленная публике в Мариинском театре в 1842 г., большинством современников сразу оценена не была. Например, император Николай I демонстративно ушел из театра, не дождавшись конца представления, а великий князь Михаил, если верить фольклору, стал посылать провинившихся офицеров в оперу слушать «Руслана и Людмилу» в наказание. Правда, вскоре настроение капризной публики переменилось. Но время до полного признания оперы было отмечено появлением несправедливых и неприятных для композитора анекдотов. Некоторые из них дошли до наших дней.

На одном из представлений публика неожиданно потребовала автора, и смущенный, ничего не понимающий Глинка топтался за кулисами, не зная, что делать. Великий князь доброжелательно похлопал композитора по плечу:

— Иди, Христос страдал более тебя.

Сейчас уже трудно разобраться, что не удовлетворило взыскательную петербургскую публику в опере: сама музыка, ее исполнение или постановка спектакля. Известно только, что многие современники характеризовали произведение композитора, как «музыку для кучеров». В арсенале городского фольклора сохранился обидный анекдот:

На первом представлении оперы Глинки «Руслан и Людмила» в Мариинском театре один из постоянных посетителей покинул ложу после первого акта.

— Не понравилось? — осторожно спросил директор.

— Я прослушал первый акт и боюсь, что остальные написаны тем же композитором, — услышал он в ответ.

У Петра Ильича Чайковского были совсем иные основания стать героем городских анекдотов.

Отношения к его божественной музыке они не имели. Но от этого вовсе не становились менее обидными и оскорбительными. «Весь Петербург» живо обсуждал его нетрадиционную сексуальную ориентацию.

Среди легенд, связанных с неожиданной и ранней смертью композитора, есть одна совершенно скандальная. Она утверждает, что Чайковский умер не от холеры, которая осенью 1893 г. и в самом деле свирепствовала в Петербурге, а покончил жизнь самоубийством, приняв яд, будто бы позволивший сымитировать симптомы холеры. Будучи, как известно, гомосексуалистом, он якобы «оказывал знаки внимания маленькому племяннику одного высокопоставленного чиновника». Узнав об этом, дядя мальчика написал письмо самому императору и передал его адресату через соученика Чайковского по Училищу правоведения Николая Якоби. Тот ознакомился с содержанием письма и, усмотрев в этом скандале «угрозу чести правоведов», собрал товарищеский суд, пригласив на него композитора. Решение собрания было категоричным: либо публичный скандал, после которого неминуемо последуют судебное решение о ссылке композитора в Сибирь и несмываемый позор, либо яд и смерть, которая этот позор смоет. Правоведы якобы «рекомендовали второй выход, что он и исполнил».

В связи с этим любопытны похожие на анекдоты рассказы о том, что Чайковский и в самом деле смертельно боялся, что о его гомосексуальных наклонностях когда-нибудь узнает император. Опасения эти выглядели, по меньшей мере, странными, если учесть, что весь Петербург, во-первых, был прекрасно осведомлен о «мужском» окружении Петра Ильича и особенно его брата Модеста — молодых людей, которых открыто называли «Бандой Модеста», и, во-вторых, аристократическая культура того времени считала педерастию почти нормой, и в поведении композитора вообще не усматривали ничего предосудительного. Так оно и было на самом деле, если, конечно, верить дошедшему до нас фольклору.

Александр III иностранных слов не любил и всюду старался заменить их русскими. Так, вместо «гомосексуалист» он говорил «жопник». Однажды, когда ему пожаловались на то, что Чайковский увлекается мальчиками, он отвечал:

— В России жоп много, а Чайковский один.

Когда царю стало известно о странностях личной жизни композитора Чайковского, он искренне воскликнул:

— Господи, да знал бы я об этом раньше, я бы подарил ему весь Пажеский корпус.

Все эти невинные, с точки зрения салонной аристократической морали того времени, анекдоты задолго предвосхитили более поздний анекдот на эту же интригующую тему:

— Вы слышали? Чайковский-то, оказывается, гомосексуалист.

— Да. Но мы его любим не только за это.

Веским аргументом в пользу того, что писатели в XIX в. все больше и больше признавались обществом беспспорными властителями душ, является тот неопровержимый факт, что из всех известных профессиональных сословий именно писатели все чаще и чаще становились персонажами фольклора вообще и анекдотов в частности. Писателей любили, они были на виду, к ним и к их произведениям обращались за разрешением нравственных споров.

Одним из первых литераторов, ставшим героем петербургского анекдота еще в преддверии XIX в., золотого века русской литературы, кажется, был известный поэт екатерининской эпохи Иван Семенович Барков. Барков был ярчайшим представителем своего пиитического племени.

Он был необыкновенно талантлив и страдал неизлечимой болезнью многих поэтов — пил. Пил много и беспробудно и в анекдоты попал, в значительной степени, именно благодаря этому.

Скандално знаменитый поэт, чьи эротические, а то и просто непристойные стихи во множестве расходились по стране в списках, родился в семье обыкновенного священника. Он был способным ребенком, и родители отдали его на обучение в университет. По воспоминаниям однокашников, Барков учился успешно, обладал острым умом и хорошей памятью, но постоянно пьянствовал и скандалил, за что в конце концов и был изгнан из университета.

Однако знания, полученные во время учебы, даром не пропали. Работая в академической типографии, Барков совершенствуется в латыни и в скором времени становится неплохим переводчиком, которому Академия наук не раз поручала переводы сатир Горация и басен Фэдра. Правда, при этом каждый раз рисковала, опасаясь, что выданные поэту авансы могут бесследно исчезнуть, а заказанные сатиры так и останутся непереуведенными. Легенды и анекдоты об этом ходили по Петербургу в таком же множестве, как и его скабрёзные поэмы.

Академия поручила Баркову какой-то ответственный перевод и выслала ему довольно дорогой экземпляр оригинала.

Спустя время, после многочисленных напоминаний, Барков просил передать академикам, что книга переводится. Ещё через некоторое время на беспокойный запрос он вновь заявил:

— Книга переводится... из кабака в кабак, сначала заложил её в одном месте, потом перевел в другое и постоянно озабочиваюсь, чтобы она не залеживалась в одном месте подолгу, а переводилась по возможности чаще... из одного питейного заведения в другое.

Барков победил в конкурсе на надпись к памятнику Петру Первому, объявленном Екатериной. Но, учитывая специфические особенности его личности, результаты конкурса решили не предавать огласке. Однако надпись использовали. Когда, к своему немалому удивлению, Барков увидел на пьедестале так хорошо знакомый родной текст, то тут же сбегал за кистью и вслед за словами «Петру Первому Екатерина Вторая» приписал: «обещала, но не дала», напомнив таким откровенно двусмысленным образом об обещанном гонораре.

Судя по анекдотам, Барков, несмотря на свой разгульный образ жизни, хорошо понимал свое место в русской литературе и умело пользовался этим для утоления неистребимой жажды.

Барков пришел однажды к Сумарокову.

— Сумароков — великий человек! Сумароков — первый русский стихотворец! — сказал он ему.

Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился пьян. Выходя, сказал он ему:

— Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец — я, второй Ломоносов, а ты только третий.

Сумароков в бешенстве бросился на него, так что Барков едва успел убежать.

Смерть Баркова до сих пор представляет загадку для его биографов, есть свидетельства, что

она не была естественной. Так это или нет, нам неизвестно, но есть последний, уже посмертный анекдот о Баркове, который приоткрывает завесу тайны о последних мгновениях жизни этого одаренного недюжинным талантом и пороками непутевого человека.

Барков покончил жизнь самоубийством. При нем нашли записку: «Жил грешно и умер смешно».

Анекдоты о Баркове слагаются до сих пор. Как и в те давние времена, фольклор продолжает эксплуатировать сложившийся в народе негативный образ поэта. Известно, что еще Пушкин искренне ценил талант Баркова и откровенно мечтал о том времени, когда можно будет, не таясь, читать опубликованные в печати стихи поэта. Мы можем гордиться тем, что оправдали ожидания великого русского поэта. Барков стал доступен для широкого читателя. Правда, эта доступность приобретает порой несколько гипертрофированные формы.

Радость в доме — мальчик впервые заинтересовался поэзией. Так и спросил:

— Папа, а у нас есть Барков?

Современником Баркова был поэт Ермил Иванович Костров, поэт одаренный и умный, но приверженный все тем же всероссийским слабостям, погубившим не один подлинный русский талант.

Однажды Екатерина II пригласила к столу известного чудака и оригинала, большого любителя спиртного поэта Е. И. Кострова.

Хорошо знакомый со слабостью поэта Шувалов задолго до обеда предупредил Кострова и чуть ли не упросил его быть трезвым и прилично одетым. Однако в назначенный час Костров не явился.

— Не стыдно ли тебе, Ермил Иванович, — через две недели сказал ему Шувалов, — что ты променял дворец на кабак?

— Побывайте-ка, Иван Иванович, в кабаке, — отвечал Костров, — право, его не променяете ни на какой дворец.

— О вкусах не спорят, — ответил Шувалов.

Смерть Кострова не стала неожиданностью ни для общества, ни для самого поэта. Каким бы ни был диагноз врачей, сам он лучше всех знал причину приближающейся смерти.

Костров страдал перемежающейся лихорадкой.

— Странное дело, — заметил он, — пил я, кажется, все горячее, а умираю от озноба.

В первой половине XIX в. писатели в полном смысле слова завоевали право называться властителями душ. Но вкус к литературе сам по себе не появляется. Его нужно было уметь привить с детства, а затем долго, любовно и терпеливо возвращать. В Петербурге с этим небезуспешно справлялись опытные «садовники» в привилегированных военных и штатских учебных заведениях. В Царскосельском лицее, в Пажеском и Кадетском корпусах знание литературы считалась столь же важным элементом образования, как знание математики или других точных наук. В программу обучения кадетов и лицеистов входило знакомство с отечественной и зарубежной литературой. Программой воспитания предусматривалось и ежедневное чтение газет. В описываемое нами время в Петербурге их было три: «Вестник

Европы», «Петербургские ведомости» и «Сын Отечества». Не обходилось и без курьезов. Впрочем, не будем забывать, что курьез — это питательная почва для всякого анекдота, и чем курьезнее ситуация, тем больше вероятности, что она станет сюжетом острого и злободневного анекдота.

Император Александр I, посетив Лицей, спросил:

— Ну, кто здесь первый?

— Здесь нет первых, Ваше императорское величество, — ответил юный Пушкин, — все вторые.

В Пажеском корпусе пажи играли и шутили. Всех веселее был Линдорф. Один из офицеров, Клуге фон Клугенау, сказал ему:

— Какой вы сын отечества!

— Я не сын отечества, я Вестник Европы.

Однажды поэт Константин Романов, печатавшийся под псевдонимом К. Р., посетил Первый кадетский корпус, где учился сын Зинаиды Гиппиус.

— Скажи, — обратился он к нему, — Вячеслав Иванов твой отчим?

— Так точно, Ваше величество.

— А ты его стихи читал?

— Так точно, Ваше величество.

— А ты что-нибудь понял?

— Так точно, Ваше величество.

— Значит, ты умнее меня. Я ничего не понял.

Еще в то время, когда Пушкин был воспитанником Царскосельского лицея, он познакомился с Николаем Михайловичем Карамзиным, который стал его другом и одним из литературных учителей. В то время он жил и работал в Царском Селе. Род Карамзиных происходил из волжских дворян, предки которых имели восточное происхождение. Отсюда первая часть его фамилии «кара», что означает «черный».

Видный писатель, Карамзин был основоположником целого направления в русской литературе — сентиментализма, автором хрестоматийно известной всем русским школьникам повести «Бедная Лиза». Но в России Карамзин всегда был более известен как историк. В 1803 г. по собственной инициативе он получил звание придворного историографа, потому что, как сам об этом писал к министру народного просвещения, хотел «сочинять Русскую историю, которая с некоторого времени занимает всю душу». В 1816 г. Карамзин закончил восемь томов «Истории государства Российского». А через два года «История» Карамзина увидела свет и сразу поразила всю читающую Россию. Как единодушно отмечали современники, своей «Историей» Карамзин изменил представление русских людей о России, заставив беззаветно влюбиться в свою страну всех без исключения россиян. Он стал, по выражению Пушкина, «первым нашим историком и последним летописцем».

Отдал должное Карамзину и городской фольклор, присвоив ему почетный титул «граф истории». Сейчас это «звание» знаменитого историка звучит для нашего слуха привычно, чего нельзя было сказать о петербуржцах XVIII в. К нему надо было привыкнуть. Для этого должно было пройти какое-то время. Если верить фольклору, все началось, как это часто бывает, с анекдота, передававшегося из уст в уста в читающем Петербурге:

Когда Карамзин был назначен историографом, он отправился к кому-то с визитом и сказал слуге:

— *Если меня не примут, то запиши меня.*

Когда слуга возвратился и сказал, что хозяина нет дома, Карамзин спросил его:

— *А записал ли ты меня?*

— *Записал.*

— *А что же ты записал?*

— *Карамзин — граф истории.*

К тому времени начал складываться знаменитый пушкинский круг. В этот круг входили приятели, товарищи, знакомые, друзья, недруги, то есть все те, кто так или иначе сталкивался в своей жизни с поэтом. Многие из них остались в совокупной памяти поколений исключительно благодаря этому обстоятельству. О некоторых мы уже знаем. С другими еще встретимся. Этот круг был велик. Он поражал своим сословным разнообразием. Это были императоры и офицерские денщики, писатели и салонные завсегдатаи, актеры и профессиональные картежники, министерские чиновники и великосветские сановники, дамы полусвета и жены вельможных аристократов. Многие из этих людей были любимцами городского фольклора.

Товарищем Пушкина по писательскому цеху бы знаменитый баснописец и драматург Иван Андреевич Крылов. Впервые в Петербург Крылов приехал из Твери в 1782 г. Служил чиновником в Казенной палате и Горной экспедиции. Затем надолго оставил службу и занялся литературным трудом. Издавал журналы «Почта духов», «Зритель», «Санкт-Петербургский Меркурий». Писал пьесы, которые одно время не сходили с подмостков петербургских театров. Но прославился своими баснями, за что в народе заслужил прозвище «Российский Эзоп». В основном это были вольные переводы басен Эзопа и Лафонтена. Но все они непосредственно откликались на конкретные события русской истории и потому отличались исключительной актуальностью.

В характеристике, выданной ему петербургским городским фольклором, Крылов выглядит мудрым и умным «дедушкой», к известной лености, некоторой неопрятности и неумеренному аппетиту которого друзья относились со снисходительной терпимостью и добродушием.

Раз Крылов шел по Невскому проспекту, что было редкостью, и встретил императора Николая I, который, увидев его издали, закричал:

— *Ба, ба, ба, Иван Андреевич, что за чудеса? Встречаю тебя на Невском. Куда идешь? Что же это, Крылов, мы так давно с тобой не виделись.*

— *Я и сам, государь, так же думаю, кажется, живем довольно близко, а не видимся.*

Несколько молодых повес, прогуливаясь однажды в Летнем саду, встретились со знаменитым Крыловым, и один из них, смеясь, сказал:

— Вот идет на нас туча.

— Да, — возразил баснописец, проходя мимо них, — поэтому и лягушки расквакались.

После долгой и мучительной болезни — на ноге была рожжа и мешала ему ходить — Крылов с трудом вышел на прогулку по Невскому проспекту. А в это время мимо в карете проезжал его знакомый и, не останавливаясь, прокричал:

— А что, рожжа прошла?

— Проехала, — вслед ему сказал Крылов.

Смерть Крылова болью отозвалась не только в избранном литературном сообществе, но и в простом народе. Фольклор на это печальное событие отозвался немедленно.

Кукольник шел за гробом Крылова. К нему подошел прилично одетый господин с орденом.

— Позвольте узнать, кого хоронят?

— Министра народного просвещения, — сказал Кукольник.

— Как? Возможно ли? Разве граф Уваров скончался?

— Это не Уваров, а Иван Андреевич Крылов.

Господин посмотрел на Кукольника и заметил ему:

— Крылов был баснописец, а Уваров — министр.

— Это их просто смешивают: настоящим министром народного просвещения был Крылов, а Уваров писал басни в своих отчетах, — ответил Кукольник.

Притчей во языцех всего Петербурга был известный стихотворец, член Российской академии и общества «Беседы любителей русского слова», сенатор и действительный тайный советник, граф Дмитрий Иванович Хвостов. Случайных встреч с ним искренне боялись, а бывая в районе Сергиевской улицы (ныне — улица Чайковского), где проживал Хвостов, торопливо оглядывались по сторонам, нет ли поблизости знаменитой голубой кареты графа. Хвостов писал стихи. Но это был графоман в полном смысле этого слова. Его страсть к сочинению стихов уступала разве что страсти читать эти стихи каждому встречному. Он мог декламировать их у себя в доме, на так называемых литературных чтениях, на улице, встретив случайного знакомого, в коридорах Сената, во время коротких перерывов в работе. Он читал, позабыв о времени и погоде, совершенно не считаясь с желаниями несчастного слушателя. Покоя не было и домашним. В обязанности его секретарей входило обязательное утреннее слушание его стихов. Говорят, секретари у него менялись не реже одного раза в год только потому, что мало кто мог выдержать это унылое чтение.

О Хвостове рассказывали анекдоты, которые могли оскорбить любого, однако на него самого они не действовали. Он искренне верил в свой «неувядающий гений» и называл себя «наперсником муз» и «мудролюбцем». Впрочем, было еще одно обстоятельство, которым гордился Хвостов. Он был женат на племяннице Александра Васильевича Суворова и никогда

не забывал при случае этим похвастаться. Чаще всего это, что называется, выходило ему боком.

Хвостов сказал:

— Суворов мне родня, и я стихи плету.

— *Полная биография в нескольких словах, — заметил Блудов, — тут в одном стихе все, чем гордиться может и стыдиться должен.*

Мнение Хвостова о самом себе чаще всего не совпадало с мнением о нем окружающих. Неисправимого стихоплета называли не иначе как «Графов», производя это прозвище не от «графа», но от «графомана».

На старости Хвостов так ослабел, что его в порядочных домах перестали принимать, потому что он во время беседы, сам того не чувствуя, мочился под себя и пачкал кресла. По этому случаю Соболевский, а может быть, и Пушкин сказал:

Хоть участие не поможет,
А все жаль, что граф Хвостов
Удержать в себе не может
Ни урины, ни стихов.

С некоторыми оговорками в пушкинский круг можно включить и Михаила Юрьевича Лермонтова, хотя формально с Пушкиным он знаком не был. Скорее всего, просто не успел. Сложись жизнь Пушкина, да и самого Лермонтова, иначе, и можно не сомневаться, что встреча двух поэтов могла состояться.

Петербургский городской анекдот при жизни Лермонтова обошел его своим вниманием. Во всяком случае, мы не знаем ни одного анекдота о нем. И если бы не такое удивительное явление городской культуры, как современный детский, или школьный, фольклор, то фамилия Лермонтова вообще выпала бы из нашего повествования. К феномену школьного фольклора мы еще обратимся, а пока напомним, что в анекдоте использован известный факт лермонтовской биографии: с детства его воспитывала бабушка.

Лермонтов родился у бабушки в деревне, когда его родители жили в Петербурге.

Мы уже говорили, что в пушкинский круг попали не только его друзья и доброжелатели. Среди литературных противников Пушкина особое место занимают широко известные по кличке Братья-разбойники журналисты и писатели Николай Иванович Греч и Фаддей Венедиктович Булгарин. Происхождение коллективного прозвища двух журналистов и издателей фольклорная традиция связывает с Пушкиным. Будто бы однажды на одном обеде, увидев цензора Семенова, сидящего между Гречем и Булгариным, Пушкин воскликнул: «Ты, Семенов, точно Христос на Голгофе». Известно, что по обе стороны креста, на котором был распят Иисус Христос, стояли еще два креста с казненными на них разбойниками. Вторая их кличка среди петербургских литераторов была Грачи-разбойники. Она основана на созвучии названия птицы и фамилии одного из этих одиозных друзей.

Греч в течение десяти лет служил в петербургском цензурном комитете, а Булгарин, до 1825 г. исповедовавший весьма демократические либеральные взгляды, после восстания декабристов занял откровенно верноподданническую охранительную позицию и заслужил в Петербурге славу беспринципного литературного осведомителя Третьего отделения. С 1825 г. Булгарин совместно с Гречем начал издавать частную литературно-политическую газету исключительно

реакционного толка «Северная пчела», которую Николай I в минуты откровенности называл: «моя газета».

Острые демократической критики в основном было направлено на Булгарина. Биография Булгарина путана, полна приключений и окрашена в авантюрные тона скандалов. Он был сыном польского шляхтича. Учился в Петербурге, служил в Уланском полку, в 1806 г. воевал против Наполеона; затем был уволен из армии «вследствие плохой аттестации». После этого Булгарин перебрался в Париж и вступил в Польский легион наполеоновской армии. В его составе участвовал в походе на Россию, но здесь был взят в плен русскими. После войны жил в Польше и Литве. С 1819 г. обосновался в Петербурге. Булгарин был неплохим журналистом, но в литературных кругах его презирали за беспринципность и сотрудничество с властями.

На похоронах Полевого, в церкви Николы Морского, Ф. В. Булгарин хотел было ухватиться за ручку гроба.

Присутствовавший при этом Каратыгин, оттолкнув его, сказал:

— Уж ты довольно поносил его при жизни.

Булгарин опубликовал в «Северной пчеле» балладу графини Ростопчиной «Насильный брак». Как оказалось, фигурирующий в балладе барон — это Россия, а насильно взятая жена — это Польша. Вышел большой шум. Николай I готов был запретить Булгарину издание журнала. Шеф жандармов Орлов пытался объяснить царю, что Булгарин не понял заложенного в стихах смысла, на что Николай сказал: — Если он не виноват как поляк, то виноват как дурак.

Булгарин написал пьесу «Шхуна «Нюарлеби»».

— Шхуна? Это судно, — говорил актер Григорьев.

— А нюарлеби?

— А это то, что в судне.

У издателя альманаха «Утренняя заря» Владиславева висел на стене портрет Греча. Краевский спросил, почему он повесил этот портрет. Разве он так уважает оригинал? — Ах, Андрей Александрович, — сказал Владиславлев, — оставь его: пусть до виселицы на гвоздике повесит.

Булгарин просил Греча предложить его в члены Английского клуба.

На выборах Булгарина забаллотировали. Еще не зная этого, Булгарин спросил:

— Ну как, я прошел?

— Как же, единогласно! — ответил Греч. — В твою пользу был лишь один мой голос, все же прочие положили тебе черные шары.

Со временем сарказм писательской братии по отношению к Булгарину смягчился, а после смерти литератора и вообще превратился в легкую иронию.

Однажды в Пушкинский Дом пришел бедно одетый старик с просьбой помочь ему.

— Кто же вы?

— Я тесно связан с Александром Сергеевичем Пушкиным.

— Каким же образом?

— Я являюсь праправнуком Фаддея Булгарина.

Печальный опыт «Северной пчелы» и ее главного редактора Фаддея Венедиктовича Булгарина в совершенствовании теории и практики политического доноса не пропал даром. В конце XIX в. черное знамя литературного доносительства подхватил другой известный петербургский журналист и издатель — А. С. Суворин. Его газета «Новое время», становившаяся от номера в номер все более и более консервативной, в 1905 г. превратилась в политический орган черносотенцев. Насколько отрицательно относилось петербургское общество к газете, добровольно взявшей на себя фискальные обязанности, видно из дошедшего до нас анекдота, опубликованного в 1908 г. в «Сатириконе»:

— Барышня, дайте номер 59-99, «Новое время»... Что?.. Охранное отделение? Да я просил «Новое время»... Впрочем, все равно! Пусть кто-нибудь подойдет.

Однако вернемся в первую половину XIX столетия. Понятно, что мы далеко не полностью осветили весь широчайший по охвату пушкинский круг. Для этого надо было бы коснуться и других видов фольклора. Имя Пушкина мелькает и в городских легендах, и в пословицах и поговорках, и в других видах и жанрах петербургского фольклора. Мы же касаемся только анекдотов.

О самом Пушкине собственно прижизненных анекдотов сохранилось не так много. Да и те не бесспорны в отношении чистоты жанра. Их с полным основанием можно назвать и легендами, и преданиями. Судите сами:

Царя Пушкин не любил. Еще учился он, и вот на экзамене, или на балу где, или на смотре где, уж я точно не знаю, подошел к нему царь, да и погладил по голове:

— Молодец, — говорит, — Пушкин, хорошо стихи сочиняешь.

А Пушкин скопился так и говорит:

— Я не пес, гладь свою собаку.

За что Пушкина сослали? Ходили они раз с государем. Шли по коридору. Лектричества тогда не было, один фонарь висит. Царь и говорит Пушкину:

— Скажи, не думавши, слово!

А Пушкин не побоялся, что царь, и говорит:

— Нашего царя повесил бы вместо фонаря.

Вот царь рассердился и выслал его за это.

Каждое утро Пушкин принимал ледяную ванну, потом, после чая, ложился в комнате на диван, стоявший подле большого стола, и работал в своей излюбленной позе. Кому-то из

приятелей, заставшему его во время работы в одеянии, которое теперь назвали бы пляжным, Пушкин заметил: — Жара стоит такая, как в Африке, а у нас там ходят в таких костюмах.

Император Николай Павлович всегда советовал Пушкину бросить картежную игру, говоря:

— Она тебя портит.

— Напротив, Ваше Величество, — отвечал поэт, — карты меня спасают от хандры.

— Но что же тогда твоя поэзия?

— Она служит мне средством к уплате моих карточных долгов, Ваше Величество.

Николай I сказал Пушкину:

— Мне бы хотелось, чтобы король нидерландский отдал мне домик Петра I в Саардаме.

— В таком случае, — подхватил Пушкин, — попроси у Вашего Величества туда в дворники.

В связи с последним анекдотом напомним об одном из самых, пожалуй, обидных и унижительных для поэта фактов его биографии. За всю свою жизнь он ни разу не был за границей, несколько раз пытался выехать или в путешествие, или хотя бы на лечение, но каждый раз наталкивался на категоричные возражения императора. Так что ирония, заложенная в пушкинскую просьбу стать хотя бы музейным дворником, но за границей, понятна.

Одним из друзей Пушкина был польский поэт и активный деятель польского национально-освободительного движения Адам Мицкевич. Впервые Мицкевич появился в Петербурге в 1824 г. За принадлежность к тайному молодежному обществу он был выслан царскими властями из Литвы, где в то время проживал, и в столице ожидал определения дальнейшего места службы в глубинных районах России. В Петербурге он сблизился с А. С. Пушкиным, хотя назвать их отношения простыми нельзя. У них были разные взгляды на Польшу, на Россию да и на сам Петербург. Сближало их, пожалуй, только отношение к поэзии. Они оба были великими. О первой встрече поэтов сохранился забавный анекдот:

Пушкин и Мицкевич очень желали познакомиться, но ни тот, ни другой не решались сделать первого шага к этому. Раз им обоим случилось быть на балу в одном доме. Пушкин увидел Мицкевича, идущего ему навстречу под руку с дамой.

— Прочь с дороги, двойка, туз идет! — сказал Пушкин, находясь в нескольких шагах от Мицкевича, который тотчас же ему ответил:

— Козырная двойка простого туза бьет.

Оба поэта кинулись друг к другу в объятия и с тех пор сделались друзьями.

Сравнительно незначительное количество анекдотов, сложенных при жизни Пушкина, с лихвой компенсируется современным городским фольклором. Сегодня Пушкин стал одним из самых востребованных персонажей анекдота. Правда, и анекдот стал уже иным по композиционной структуре, и герой представлен в нем уже в ином качестве. Чаще всего в

современном анекдоте Пушкин выступает не в качестве персонажа какого-либо конкретного сюжета, а в качестве символа, знака, метафоры. В этом случае анекдот становится средством общения, при котором не только познается и переосмысливается современное бытие и сознание, но и характеризуются как объекты, так и субъекты этого общения.

— Говорят, Пушкин в жизни был дон-жуаном.

— Ничего подобного! Я сама читала, что он был камер-юнкером.

- Да, Пушкин был великий поэт. — Более того, он был лицеистом.

- Дяденька, дай десять копеек. — Получишь у Пушкина.

На экзамене в зубоучебном техникуме.

— Кто убил Пушкина?

— Дантист.

Дантес бесконечно долго целился и никак не мог выстрелить. — Дантес! — нетерпеливо воскликнул секундант. Кто за тебя стрелять будет? Пушкин?

- Какой самый современный ленинградский поэт? — Пушкин.

- Кто уроки будет делать? Пушкин?

— Ты Пушкина читал?

— Ну, читал.

— И чем там все закончилось?

Двое спорят о том, кто произнес фразу, ставшую крылатой, Пушкин или Лермонтов. Устав препираться, спорщики решили: — Тебе это сказал Пушкин, а мне Лермонтов.

- Не понимаю я этого Ленского. Онегин ему вызов прислал, а он его застрелил.

Современному читателю надо напомнить, что в советские времена, когда право на выезд за границу ограничивалось множеством трудно выполнимых условий, «вызовом» называлось официальное приглашение от родственников или близких друзей, живших за границей, приехать на короткое время в гости или на постоянное проживание.

В процессе нашего повествования мы уже не раз познакомились с прекрасными образцами детского или школьного фольклора. О нем следует сказать особо. Как разновидность фольклора он появился достаточно поздно. В основе его лежат подлинные описки в школьных сочинениях, торопливые оговорки при ответах с места, «умные» глупости у доски, случайные реплики в разговорах и так далее.

В практике школьной жизни они встречались и раньше, но эти «перлы» или не замечали, или им не придавали значения, или приписывали плохому знанию предмета. Пока вдруг не обнаружили, что многие из этих «гениальных» ошибок и «талантливых» оговорок отличались

такой наивной мудростью и такой бесхитростной непосредственностью и прозорливостью, что вполне достойно могли быть представленными в городском фольклоре. И понятно, что очень скоро они стали полноправной частью всего городского устного творчества.

— Кому Пушкин посвятил строки: «Люблю тебя, Петра творенье»?

— Анне Керн.

— Почему же?

— Ее зовут Анна Петровна.

— Арина Родионовна очень любила маленького Сашу и перед сном читала ему «Сказки Пушкина».

Мальчик сказал: — Я сержусь на Пушкина, няня ему рассказывала сказки, а он их записал и выдал за свои.

Пушкин любил вращаться в высшем обществе и вращал в нем свою жену.

Юный Пушкин прочитал на экзамене стихотворение, которое понравилось старику Держинскому.

Говоря о феномене русской литературы первой половины XIX в., нельзя забывать, что в Петербурге жили и работали поэты и писатели, по тем или иным причинам не входившие в пушкинский круг. Так, заслуженным признанием пользовался едва ли не ровесник Пушкина поэт Федор Иванович Тютчев. Это был светский человек, чье неуемное остроумие славилось в Петербурге. Как утверждает фольклор, Тютчев не потерял присущее ему чувство юмора даже на смертном одре.

Однажды тяжело больного Тютчева посетил император Николай I.

После его ухода Тютчев сказал:

— Все-таки придется выздороветь, было бы просто неприлично умереть на следующий день после посещения императора.

В 1863 г. вышел роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Впервые в литературе один из самых проклятых русских вопросов был вынесен в заголовок крупного художественного произведения. Даже те, кто никогда не задумывался на эту тему, теперь, после выхода романа, не могли не ощутить его важности для русского человека. Между тем понимание того, что этот вопрос так же неразрешим, как и пресловутая квадратура круга, порождало в обществе смутную иронию в отношении как самого романа, так и его автора. Эта убийственная ирония докатилась до наших дней. Когда, уже в наше время, на Московском проспекте была выстроена гостиница «Россия» и перед ее фасадом был установлен памятник Чернышевскому, питерские остроумцы заговорили о том, что «Чернышевский сидит спиной к России и думает, что делать». До сих пор появляются анекдоты, подвергающие безжалостному высмеиванию даже саму постановку этого жгучего вопроса всех времен и народов.

— Что делать?! — сказал Чернышевский, в очередной раз проигравшись в карты.

В первую брачную ночь Чернышевский позвонил Достоевскому:

— Федя, что делать?

После этого Достоевский написал роман «Идиот».

Подыгрывая насмешливой парадоксальной логике анонимного автора последнего анекдота, скажем, что и сам многомудрый классик философских умствований Федор Михайлович Достоевский не знал, что делать. На современном молодежном сленге это звучит особенно убедительно.

Федор Михайлович Достоевский идет берегом канала Грибоедова. Навстречу ему из пивной вываливается в бэклайд удринчанный Раскольников.

— Что, Родион, опять старушку убил?

— Кильнул! — мрачно подтверждает тот.

— И что, много взял?

— Да двадцать копеек.

— Родион! Ну можно ли за двадцать копеек старушку убивать?

— Дык, Федор Михалыч! Двадцать старушек — бутылка портвейна.

В Петербурге, наравне с литераторами, широкой известностью в обществе пользовались скульпторы и художники. Кроме всего прочего, эта известность обеспечивалась двумя немаловажными обстоятельствами. Во-первых, популярностью и частотой постоянно проводимых в городе художественных выставок, и, во-вторых, давней традицией творческой интеллигенции посещать мастерские скульпторов и живописцев. Благодаря этому обычаю творческие мастерские становились дополнительной территорией общения, что в Петербурге ценилось особенно высоко. Не случайно из мемуарной литературы мы так много знаем не только о самом процессе творчества художников, но и об их личных достоинствах и недостатках.

Однажды в мастерскую Брюллова приехало какое-то семейство и пожелало видеть ученика его Н. В. Рамазанова.

Брюллов послал за ним. Когда он пришел, то Брюллов, обращаясь к посетителям, произнес:

— Рекомендую — пьяница.

Рамазанов, указывая на Брюллова, хладнокровно ответил:

— А это мой профессор.

Напомним, что характеристики этого великого художника отличались известной беспощадностью. По свидетельству одного современника, «безнравственность Брюллова равнялась лишь его таланту».

Наиболее известным скульптором в Петербурге середины XIX в. слыл Петр Карлович Клодт. Потомок древнего итальянского рода из Ломбардии Клодт фон Юргенсбург в 1833 г. закончил Академию художеств и с 1838 г. там же заведовал литейной мастерской. Впоследствии стал академиком и профессором Академии.

Клодт был основоположником анималистического жанра в русской скульптуре и был непревзойденным мастером своего дела. Из двадцати шести скульптурных изображений коней, украшавших улицы и площади дореволюционного Петербурга, одиннадцать были изваяны Клодтом. Первыми были шесть коней, впряженных в колесницу Славы над площадью Стачек. Затем появились знаменитые кони на Аничковом мосту и один — с Николаем I — на Исаакиевской площади. Без преувеличения можно утверждать, что Клодт оставил своему городу великое наследство.

Наибольшей известностью из всех произведений Клодта пользуется скульптурная композиция «Покорение коня человеком», или, в более широком смысле прославление человека, покорившего природу, на Аничковом мосту. Начав работу над ней в середине 1830-х гг., Клодт полностью завершил свой грандиозный замысел в самом конце 1840-х, когда на Аничковом мосту была установлена последняя скульптура этой композиции.

Торжественное открытие моста стало общегородским праздником. Все были единодушны в оценках: и петербургская публика, которая была в восхищении, и пресса, наперебой публиковавшая восторженные отклики. Остался доволен и Николай I.

Во время церемонии по случаю торжественного открытия моста император, как известно, не отличавшийся изысканностью выражений, согласно преданию, с солдатской непосредственностью громко заявил, хлопнув скульптора по плечу:

— Ну, Клодт, ты лошадей делаешь лучше, чем жеребец.

Похоже, эта мысль не покидала императора и в дальнейшем. В семейном архиве Клодтов сохранился анекдот:

Однажды, находясь одновременно с Николаем I в Берлине, Клодт появился в свите царя верхом на лошади, взятой напрокат. Не сумев с ней справиться, Клодт неудачно дернул, лошадь понесла. Шляпа скульптора свалилась, костюм пришел в беспорядок, и он сам едва удержался в седле. Очевидно, пытаясь сгладить ситуацию, Николай по-своему, снисходительно поддержал соотечественника:

— Ты лучше лепишь лошадей, чем едешь в седле.

Городской фольклор с готовностью подыгрывал казарменному юмору смахивающего на фельдфебеля императора.

Однажды на крупе клодтовского коня появились четыре зарифмованные строчки:

Барон фон Клодт приставлен ко кресту
За то, что на Аничковом мосту
На удивленье всей Европы
Поставлены четыре жопы.

Узнав из полицейского рапорта об этой выходке петербургских рифмоплетов, Николай подхватил предложенную игру и размашистым росчерком пера вывел прямо на рапорте экспромт собственного сочинения:

Сыскать мне сейчас же пятую жопу
И расписать на ней Европу.

Подобные анекдоты во множестве ходили по Петербургу. «Лошадиная» тема, да еще в связи с Клодтом, становилась модной.

Однажды Клодт неосторожно обогнал коляску императора, что было «строжайше запрещено этикетом». Узнав скульптора, Николай строго погрозил ему пальцем. Через несколько дней история повторилась. На этот раз император, не скрывая неудовольствия, потряс кулаком. А вскоре государь пришел к скульптору в мастерскую посмотреть модели коней. Вошел молча. Не поздоровался и не снял каску. Ни слова не говоря, осмотрел коней. Наконец проговорил:

— За этих — прощаю.

Другим художником, попавшим в герои городских анекдотов, был Илья Ефимович Репин. Это был вполне положительный герой, и слава его в глазах современников была бесспорной. О его популярности в России можно судить по анекдоту, имевшему широкое распространение в художественной среде Петербурга.

Некая дама однажды купила у антиквара за десять рублей картину с подписью: «И. Репин».

— Я буду у знакомых, где бывает Репин, и покажу ему, — предупредила она. — Если картина не настоящая, то имейте в виду — принесу обратно.

Пришла дама к знакомым и показала картину Илье Ефимовичу. Тот расхохотался, попросил перо и подписал: «Это не Репин. И. Репин». Картина была возвращена в лавку и тут же, благодаря репинскому автографу, продана за сто рублей.

Как утверждает другой анекдот, Репин отличался природной скромностью и врожденной порядочностью.

На одной из художественных выставок к нему подошли несколько антисемитов. Один из них обратился к художнику:

— А что, господин Репин, вас, кажется, Илья Ефимович зовут? Уж не из евреев ли вы?

— Из евреев я, из евреев, — ответил Репин, — неужели я хуже Левитана и Антокольского?

Одна из самых известных картин художника «Бурлаки на Волге» написана в 1870-1873-х гг. Картина находится в Русском музее. Около нее всегда много зрителей, чаще всего — школьников. В своих сочинениях о посещении Русского музея они передают впечатления от увиденного:

Репин шел по берегу Невы и увидел бурлаков на Волге.

Надо сказать, школяры были совсем не далеки от истины. Репин и в самом деле написал «Бурлаков», вдохновленный вовсе не увиденным на Волге, как это принято считать, а всего лишь пораженный видом бурлаков, тащивших груженные баржи на притоке Невы — реке Ижоре.

Образ ученого человека до нас дошел из темной глубины европейского раннего Средневековья. Как правило, этот образ представляет собой немногословного монаха почтенного возраста в черной длиннополой одежде с черным капюшоном, что-то творящего среди таинственно дымящихся колб и кипящих реторт. Закрепленный в обывательском сознании западного человека живописью и литературой, он со временем превратился даже в

некий универсальный символ ранней науки, способной на отказ от общечеловеческих радостей жизни и на самопожертвование ради нравственных, духовных или иных высших ценностей.

Однако такой тип ученого на самом деле присущ разве что европейской традиции с ее культурологическими корнями, уходящими в глубь истории. Пройдя сквозь такие суровые культурные слои, как романский стиль, готика и даже раннее Возрождение, Европа выработала соответствующий стиль социального поведения — замкнутый, разобщенный и нелюдимый. Частично это коснулось и Древней Руси, но никак не Петербурга. Историческая удача Петербурга как раз и состояла в том, что он счастливо миновал и романский стиль с его мрачными крепостными сооружениями и замкнутыми монастырскими комплексами, и готику с ее отрешенностью от всего человеческого и стремлением максимально, насколько это возможно в церковной архитектуре, приблизиться к Богу, и даже раннее Возрождение с его более или менее успешными попытками преодолеть церковную мистику и схоластику ради жизнеутверждающего светского мировоззрения. Всего этого Петербург не знал. Он сразу, буквально с рождения окунулся в барокко — стиль пышный, радостный и жизнеутверждающий. Барокко требовало совсем иные опыты бытия, иное социальное поведение. В Петербурге по определению не мог родиться традиционно европейский образ скорбного печального схимника. Здесь он был иным. Подтверждение мы находим в анекдотах из жизни и быта ученых людей.

Первым всемирно признанным русским ученым был Михаил Васильевич Ломоносов. С 1736 г. Ломоносов учился в Петербурге, в университете при Академии наук, затем продолжил образование за границей. В 1741 г. он возвратился в Петербург и начал работать в Академии наук в качестве адъюнкта физического класса. С 1742 г. он уже профессор химии. Он первым в истории страны начал читать публичные лекции по химии на русском языке. Это нашло отражение в современном школьном фольклоре:

После школы Ломоносов пошел работать в петербургскую Академию наук.

Надо сказать, что личные качества Ломоносова не всегда отвечали представлениям общества о высокой порядочности и нравственности. В XVIII в. на углу Среднего проспекта Васильевского острова находилась старинная корчма, о которой еще в начале XX столетия рассказывали легенду, будто именно здесь, находясь однажды в стесненных денежных обстоятельствах, Ломоносов якобы пропил академический глобус. А в самой Академии у Ломоносова складывались весьма неприязненные отношения с академическими коллегами, большинство из которых были иностранцами. Чью сторону принимал городской фольклор, судите сами:

Шувалов, заспорив однажды с Ломоносовым, сказал:

— Мы тебя отставим от Академии.

— Нет, — возразил великий человек, — разве что Академию отставите от меня.

В 1727 г. по приглашению петербургской Академии наук из Германии в Россию приехал Леонард Эйлер. В 1741 г. Эйлер уехал из Петербурга для работы в Берлинской Академии наук, но через 25 лет, уже по приглашению Екатерины II, вновь вернулся в столицу России. Возвращался он морем и попал в кораблекрушение, во время которого у него пропал сундук со всеми бумагами. Чудом уцелевшего ученого императрица не только встречала лично, но и устроила в его честь прием. Напомним, что в то время в математике «п» в квадрате обозначалось буквами «пп», а «к» в квадрате — «кк». А теперь анекдот:

Екатерина сказала Эйлеру на приеме:

— Какое несчастье! У нас погиб сундук со всеми вашими «пипи» и «кака».

Довольно большой цикл фольклора сложился вокруг имени крупнейшего русского ученого-химика Дмитрия Ивановича Менделеева. Известно, что в свободное от науки время Менделеев любил изготавливать чемоданы, раздавая их всем своим знакомым. Это, казалось бы, личное обстоятельство не ускользнуло от фольклора.

Однажды Менделеев копался в куче обрезков кожи в лавке Гостиного двора.

— Кто этот бородатый-волосатый? — спросил один посетитель другого.

— Да что вы?! — ответил тот. — Таких людей надо знать в лицо. Это же известный чемоданный мастер Менделеев.

Уже будучи немолодым ученым, Менделеев оказался в центре общественного скандала. Он затеял бракоразводный процесс с первой женой, чтобы соединить свою судьбу с молодой и любимой женщиной. На его пути стала церковь. На Менделеева была наложена епитимья: семь лет он не имел права жениться. Наконец все-таки нашелся знакомый священник, который согласился обвенчать молодых, за что тут же был лишен сана. Тем не менее венчание состоялось. На беду, этот чуть ли не беспрецедентный случай стал широко известен, и его примеру начали следовать не всегда чисто плотные люди.

Некий офицер, оказавшись в таком же положении, в своих попытках развестись дошел до самого царя, но и там получил категорический отказ.

— Но ведь у Менделеева две жены, — воскликнул он в последней надежде.

— Да, у него две жены, но Менделеев у меня один, — ответил царь.

Но более всего среди простого народа Менделеев известен тем, что он будто бы установил оптимальное количество градусов в русской водке. Связано это с одной из практических работ ученого, получившей научное обоснование в его диссертации «О соединении спирта с водою». Это обстоятельство породило легенду, будто бы Менделеев нашел оптимальную величину процента спирта в воде для производства обыкновенной водки. Будто бы именно ему мы обязаны знаменитыми сорока градусами, обозначенными на бутылочных этикетках. По воспоминаниям петроградцев, переживших голод во время Гражданской войны, самогонщиков, которые гнали водку из заплесневелого хлеба, в быту называли «Менделееями».

Между тем, как утверждают специалисты, ни в тексте самой диссертации, ни в черновых записях ученого «нет даже намека» на то, что Менделеева интересовали «растворы спирта в воде, хотя бы близкие к «идеальной» концентрации 33,4 процента по массе, или 40 градусов по объему». Тем не менее легенда эта настолько живуча, что в свою очередь породила немало домыслов, фантазий и предположений, нашедших отражение в анекдоте:

Менделеев увидел во сне таблицу химических элементов, проснулся и подумал:

— Все, больше никакой химии. Перехожу на водку.

Анекдоты о лауреате Нобелевской премии физиологе Иване Петровиче Павлове в основном новые. Они родились уже после смерти академика, но факт этот лишь доказывает его популярность и то значение, которое фигура ученого имела не только для мировой науки, но и для культуры, одним из видов которой является фольклор.

Как-то идет академик Павлов мимо Знаменской церкви, встал, да и крестится. Один прохожий говорит другому, видя это:

— Эх, темнота!

А тот отвечает:

— Да это у него условный рефлекс.

В детстве физиолога Павлова укусила собака. Собака выросла и забыла, а Павлов вырос и не забыл.

Реклама: «Новый Даппи» со вкусом академика Павлова. Для собак, которые помнят».

Значительную часть населения Петербурга в XIX в. составляли военные. В Петербурге было сосредоточено большинство гвардейских частей, военных учебных заведений, штабы армии и военно-морского флота, управления армейского тыла. Неудивительно, что военные занимали внимание горожан вообще и воображение женской их половины в частности. В 1-м томе «Энциклопедии весельчака», изданном в Петербурге в 1872 г., приводится анекдот из жизни петербуржцев середины XIX столетия:

— Куда вы ушли без спроса? — спросила мать двух взрослых своих дочерей.

— Извините, маменька, я пошла смотреть парад на Царицыном лугу.

— Ну а ты где была? — спросила мать другую дочь.

— А я ходила за сестрицею и помогала ей смотреть парад.

Кроме общих впечатлений от солдатского быта в столице петербуржцы делились анекдотами из жизни конкретных гвардейцев. Одним из них был декабрист Михаил Лунин. В народе сохранились легенды, иллюстрирующие независимый характер и свободолюбивый дух этого интереснейшего человека, для которого чувство долга, благородство и высочайшая порядочность всегда были превыше всего. О тех же свойствах его характера рассказывают и анекдоты о нем.

Когда всех осужденных декабристов отправили в Читу, Лунина заперли в Шлиссельбурге, в каземате, где он оставался до конца 1829 г. Раз комендант, войдя в его каземат, который был так сыр, что вода капала со свода, изъявил Лунину свое сожаление и сказал, что он готов сделать все, что не противно его обязанности, для облегчения его судьбы. Лунин отвечал ему:

— Я ничего не желаю, генерал, кроме зонтика.

В Шлиссельбургской крепости Лунин растерял почти все зубы. Встретясь со своими товарищами в Чите, он им говорил:

— Вот, дети мои, у меня остался один зуб против правительства.

Надо отметить, что гвардейские офицеры вызывали у населения довольно противоречивые чувства. Зачастую гвардейцы были развязны, вели себя нагло. Репутация многих гвардейских полков у населения была не очень высокой. Постепенно среди горожан сложился довольно своеобразный образ гвардейца, который мало ассоциировался с образом героя и защитника

обиженных и оскорбленных. А потом у этого нового «героя» появилась и нарицательная фамилия — Ржевский, или, точнее, поручик Ржевский.

Впервые поручик Ржевский стал персонажем целой серии городских анекдотов в 1960-х гг., после выхода на экраны популярного фильма Эльдара Рязанова «Гусарская баллада», сценарием которого стала пьеса А. Гладкова «Давным-давно». Фамилия Ржевских старинная. Она упоминается в летописях еще в 1315 г., когда Ржевские были удельными князьями во Ржеве Тверской губернии. Первый известный поручик Ржевский при Петре I служил в Преображенском полку. Два брата Ржевские участвовали в войне 1812 г., один из них — полковник — служил у Дениса Давыдова. Однако фильм «Гусарская баллада» не о них. Как утверждал сам Гладков, он просто воспользовался понравившейся ему фамилией. В фильме это был герой-любовник, армейский пошляк и похабник. Войдя в анекдот, красавец бретер с говорящей фамилией из кинофильма превратился в простоватого солдафона, от которого всегда можно ожидать какой-нибудь пошлости или непристойности.

Ко всему сказанному добавим, что, по нашему мнению, образ поручика Ржевского в качестве героя петербургского анекдота появился как нельзя кстати. До сих пор питерский анекдот старался избегать непристойных обсуждений того, что физиологически находится ниже пояса. Такая возможность предоставлялась другим подвидам жанра, например, или грубому армейскому, или пошлomu медицинскому фольклору. Но что же делать, если тема властно требовала своего присутствия в современном социальном анекдоте? Спасение пришло от поручика Ржевского, который великодушно принял на себя всю грязь, пошлость и непотребность. Вот только некоторые из анекдотов о поручике Ржевском.

Гвардия его величества на балу в Смольном институте. Смоляночка подбегает к одному из столиков:

— Господа офицеры, посоветуйте, что мне делать? Мне сегодня исполнилось шестнадцать лет, мне подарили торт, но в нем семнадцать свечей, господа. Что мне делать с лишней, господа?

Полковник стремительно вскакивает с места:

— Господа офицеры! Молчать! Всем молчать! А вы, поручик Ржевский, выйдете вон отсюда!

Восемь часов вечера.

— Алло! Это господин Елисейев?

— Елисейев. С кем имею честь?

— Поручик Ржевский. Когда откроется магазин вашего имени?

— В девять часов.

— Спасибо.

11 часов ночи.

— Алло! Господин Елисейев, когда, наконец, откроется ваш магазин?

— Поручик, в девять часов. Я уже говорил вам. В девять часов.

5 часов утра.

— Алло!!! Елисейев?!?!

— Я слушаю, черт возьми.

— Откроется когда-нибудь ваш магазин или нет?!?!?!

— В девять часов! В девять! Но вас, поручик, именно вас, туда никогда не пустят.

— Меня не надо туда пускать. Я выйти оттуда хочу.

Поручик Ржевский гуляет с девушкой по Летнему саду.

— Поручик, а вы не хотели бы стать лебедем?

— Голым задом и в мокрую воду? Нет уж. Увольте.

В заключение добавим, что анекдоты с поручиком Ржевским в качестве главного героя стали, кажется, первыми серийными произведениями фольклора в жанре анекдота. Чапаев, Штирлиц и Вовочка появились уже потом.

Глава 4. Город

Народный дом считался образцом современной архитектуры. Его изображения часто появлялись в периодической печати, в специальной и популярной литературе. Среди петербургских филокартистов бытует легенда о том, как однажды в Стокгольме была заказана партия открыток с изображением этого дома. Из-за досадной ошибки иностранного переводчика в надписи на открытке слово «народный» было переведено как «публичный».

Благодаря средствам массовой информации мы давно уже привыкли к восторженному отношению туристов и гостей нашего города к его архитектурным, историческим и художественным достоинствам. И это неудивительно. На благоприятный образ города в глазах иногородних и иноземных посетителей, кроме самих городских реалий, работает мощная, прекрасно организованная индустрия туризма и рекламы. Однако не надо забывать, что отношение гостей к дому хозяев — это зеркальное отражение отношения хозяина к своему дому. А восхищение, которое вызывает Петербург у его собственных жителей на протяжении последних столетий, появилось не сразу. Это и понятно.

Во-первых, Петербург впервые был задуман не столько как столица и город для проживания, сколько как военная крепость для защиты отвоеванных у шведов в ходе Северной войны приневских земель. Во-вторых, первые жители Петербурга становились ими не столько по желанию, сколько по принуждению. Хорошо известны жестокие указы Петра I об обязательном участии крепостных людей, согнанных со всей России на строительство нового города, и принудительном переселении «на вечное житье» в строящийся Петербург московских служилых людей — богатых дворян, купцов и ремесленников. Одним словом, ссылка и каторга. Да и регулярная, плановая застройка началась далеко не сразу. Ранний Петербург представлял собой беспорядочно застроенные более или менее возвышенные, а значит сухие, территории среди бескрайних гиблых финских болот. Но уже в то время появляются отдельные сооружения, которые поражают своим необычным царским величием и грандиозностью. Анекдот об Адмиралтействе с его острым шпилем мы уже знаем. Правда, он относится ко второму десятилетию существования города. Но для нашего повествования большого значения это не имеет. И тогда до «строного стройного вида» было еще далеко.

Однако уже к середине XVIII столетия ситуация меняется. В 1753 г. Петербург готовился отметить свое пятидесятилетие. Академия наук работала над изданием юбилейного альбома, в который вошла блестящая серия гравюр по рисункам М. И. Махаева «План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших одного проспектов». Альбом в первую очередь предназначался для рассылки в европейские столицы в подарок «господам послам и обретавшим при иностранных дворах российским министрам и в королевские тамошние библиотеки». Петербург на гравюрах предстает вполне сложившимся городом европейского уровня. То же самое единодушно отмечали все современники. Он поражал путешественников нарядными дворцами и особняками, многочисленными реками и каналами в обрамлении обильной густой зелени, куполами и шпилями великолепных соборов, оживлявшими панораму города. Одновременно росло восхищение городом и его жителей, восхищение, пришедшее на смену изумленному непониманию первого периода петербургского строительства.

По-разному проявлялось это восхищение. Иногда произвольно, в результате случайных, порой самых невероятных парадоксальных ассоциаций, в том числе и топонимических.

— *Вставьте, доктор, два зуба! Вчерась вышибли.*

— *А ну-ка, на какой стороне?*

— *На Петроградской...*

У зубного врача.

— *У вас четырех зубов не хватает. Необходимо поставить мост.*

— *А сколько это будет стоить?*

— *Пустяки, миллиардов десять.*

— *Покорнейше благодарю! За эти деньги я себе Литейный мост могу вставить.*

Костоправ, осматривая упавшего на улице человека и не находя наружных признаков повреждения, спросил его, на какой стороне он получил ушиб.

— *На Петроградской.*

Надо заметить, что топонимические ассоциации да еще в сочетании с бытовыми затруднениями или проблемами личного здоровья всегда довольно успешно использовались фольклором в качестве строительного материала для сооружения жанровых конструкций: пословиц, каламбуров или анекдотов. В 1926 г. в сатирическом журнале «Пушка» появился любопытный пример подобных грамматических сооружений:

Новая распланировка Ленинграда:

Кооперативы переносятся на остров Голодай.

Футбольные клубы — к Нарвским и Московским воротам.

Кассы трестов переводятся на Теряеву и Плуталову улицы на Петроградской стороне.

Алиментщики перебрасываются в Детское Село.

Получающие по рабкредиту отправляются на Наличный переулок.

В 1919 г. в Европе была основана Лига Наций. Эта международная организация, настроенная откровенно враждебно по отношению к Советскому Союзу, делала все возможное, чтобы дискредитировать первое рабоче-крестьянское государство. Соответственным было и отношение к Лиге Наций со стороны Союза. Идеологическая война была нешуточной. Она разгоралась по всем фронтам, в том числе и на территории фольклора.

Общество «Старый Петербург» ходатайствует о сохранении за наиболее хулиганскими частями Лиговской улицы старого названия «Лиговки» в честь Лиги Наций.

На фоне восхищения архитектурными достоинствами своего города устойчиво отрицательным и непримиримым оставалось, пожалуй, только отношение петербуржцев к петербургскому климату. Это и понятно. Из крупнейших городов мира, население которых превышает один миллион человек, Петербург — самый северный. Он находится на 60-й параллели, расположен севернее Новосибирска и Магадана и всего на два градуса южнее Якутска. Шестидесятая параллель, по мнению многих ученых, и вообще-то считается «критической для существования человека». А в условиях болотных испарений приневской низменности эта ситуация обостряется во сто крат. На протяжении всей своей истории петербуржцы горько шутили:

Особенности туристического бизнеса в Петербурге:

— *Что нужно молодым иностранным туристам? Много солнца и секса... Поэтому к нам едут пожилые люди, которым ни солнце, ни секс уже не нужен.*

Климат Петербурга таков, что большая часть петербуржцев, не успевши родиться, торопится поселиться где-нибудь в здоровой сухой местности: Митрофаньевское, Волково, Смоленское, Преображенское и другие дачные места. Конечно, это имеет свою хорошую сторону, потому что в трамваях делается свободнее и квартиру легче найти.

Как видно из анекдотов, юмор петербуржцев был более чем своеобразным, если не сказать, кладбищенским. Он сводился к напоминаниям о геронтологических особенностях его гостей да к простому перечислению главных петербургских поговоров.

Одним из основных атрибутов петербургского климата являются частые надоедливые морозящие дожди. В народе их метко окрестили «питерская моросьявка». Дожди давно уже стали местной достопримечательностью. О них рассказывают анекдоты.

Приезжий спрашивает у петербуржца:

— *А есть ли у вас какие-нибудь местные приметы, по которым вы предсказываете погоду?*

— *Конечно, есть. Если виден противоположный берег Невы, значит, скоро будет дождь.*

— *А если не виден?*

— *Значит, дождь уже идет.*

Монолог горца перед приезжим из Ленинграда:

— *Любим мы вас, ленинградцев, но одного никак понять не можем: как вы живете на одну зарплату и дышите не воздухом, а водой.*

Зато лето в Петербурге короткое, жаркое и светлое. Оно в буквальном смысле слова вполне может если уж не опьянить, то подогреть кровь, вскружить голову или воспалить воображение.

Однажды знакомый поэта Михаила Светлова, известный приверженностью к спиртному, позвонил ему из Ленинграда:

— *Какая у вас погода? — спросил Светлов.*

— *Жарко. Двадцать пять градусов.*

— *Ха, — пошутил поэт, — еще пятнадцать — и можно пить.*

Но жара продолжается так недолго, что петербуржцы и на этот счет не задумываются с ответом:

— *А лето в вашем Петербурге в этом году было?*

— *Да лето было. Только я в тот день работал.*

Слава о петербургском климате давно уже разносится туристами и гостями города по всему миру.

Сувенир из Петербурга: кашель на память о петербургской погоде.

Еще более характерным природным явлением для Петербурга являются наводнения. И хотя с наводнениями сталкиваются практически все крупные приморские города мира, кажется, только Петербургу удалось завоевать монопольное право на использование этого стихийного явления, что называется, в рекламных целях. С тех пор как Пушкин в своей блестящей петербургской повести — поэме «Медный всадник» — создал недостижимый образец художественного описания наводнения, ужас перед непредсказуемой стихией сменился

восторгом перед величием и мощью природы. А наводнения именно с тех самых пор постепенно стали превращаться в исключительно петербургский бренд, умелое использование которого может приносить неплохие дивиденды.

Впрочем, в жизни все выглядит не так величественно. Наводнения приносили громадный ущерб городу и становились причиной гибели многих его жителей. Не обходилось и без курьезов. Вот какой анекдот записал по горячим следам Петр Андреевич Вяземский в своей знаменитой «Старой записной книжке». Обратим особое внимание на то, что уже в описываемое время петербуржцы относились к наводнениям довольно спокойно, как к деталям привычного, хоть и опасного и не очень приятного, повседневного быта.

7 ноября 1824 года, встав с постели гораздо за полдень, граф Варфоломей Васильевич Толстой подходит к окну (жил он в Большой Морской), смотрит и вдруг зовет к себе камердинера, велит смотреть на улицу и сказать, что он видит на ней.

— Граф Милорадович изволит разъезжать на двенадцативесельном катере, — отвечает слуга.

— Как на катере?

— Так-с, ваше сиятельство: в городе страшное наводнение.

Тут Толстой перекрестился и сказал:

— Ну, слава Богу, что так, а я думал, что на меня дурь нашла.

Упомянутый в анекдоте граф М. А. Милорадович был в то время генерал-губернатором Петербурга. Он и в самом деле разъезжал по улицам города на катере, спасая утопающих. В тот день в Петербурге можно было увидеть и не такое. Рассказывают, что перед Зимним дворцом в какой-то момент проплыла сторожевая будка, в которой находился часовой. Увидев стоявшего у окна государя, часовой вытянулся и сделал «на караул», за что будто бы и был спасен.

То, что наводнения вошли в привычку и уже не представляют собой повода ни для стихийного страха, ни для серьезных раздумий, можно понять и из современного школьного фольклора. Отметим любопытный, но вполне объяснимый факт: большинство текстов детского фольклора адресовано не самим себе, малолетним несмышленишкам, а взрослым. Кто же в их возрасте не мечтает скорее преодолеть детство и стать, как все. Поэтому так ярко и проявляется их желание участвовать в общем диалоге. Вот вам наш ответ на ваши подсознательные, а то и сознательно придуманные страхи и опасения: Нева при угрозе наводнения просто торопится уйти из берегов. Парадокс? Но зато как ярко и выразительно:

— Придумайте сложно-подчиненное предложение из двух простых: «Наступила угроза наводнения» и «Нева вышла из берегов».

— Нева вышла из берегов, потому что наступила угроза наводнения.

Ленинградский писатель Сергей Довлатов с возрастом не растерял этой счастливой способности парадоксального мышления. Вот что он записывает в своей записной книжке, будучи далеко не в детском возрасте:

Некто гулял с еврейской теткой по Ленинграду. Тетка приехала из Харькова. Погуляли и вышли к реке.

— Как называется эта река? — спросила тетка.

— Нева.

— Нева. Что вдруг?!

Над подобным провинциальным мышлением приезжих смеялись в Петербурге еще задолго до Сергея Довлатова. Вот какой анекдот приводится в упомянутой раньше «Энциклопедии весельчака»:

— Как называется эта река? — спросил саратовец-простофиля, приехавший в Петербург.

— Нева, — отвечают ему.

— Странное дело, у нас в Саратове эта же река, а зовут ее Волгой.

И точно всяк молодец на свой образец: и рек-то не хотят называть единообразно.

Кроме Невы в городской анекдот попал и Обводный канал. Это крупнейшее искусственное гидрографическое сооружение в границах Петербурга вытекает из Невы в районе Александро-Невской лавры и впадает в реку Екатерингофка в самом устье Невы. Длина канала более 8 километров. Его строительство началось в 1803 г. и, в основном, завершилось к 1835 г. Почти сразу на его берегах стали возникать промышленные предприятия. Это последнее обстоятельство надолго определило отношение петербуржцев к каналу. Он был грязен, замусорен пароходными выбросами и отходами производства и, кроме того, прочно ассоциировался с тяжелым изнурительным трудом рабочих заводов и фабрик. Летними воскресными днями пологие берега Обводного канала заполнялись людьми. Здесь со своими многочисленными семьями отдыхали рабочие соседних предприятий, не имевшие возможности ни снять пригородную дачу, ни выехать на южный или заграничный курорт. С тех пор в Петербурге живет выразительный осенний, послеотпускной диалог, напоминающий старый добрый анекдот:

— Где отдыхал?

— На южном берегу Обводного канала.

Со временем Обводный канал и в самом деле превратился в сточную канаву с дурным запахом и нехорошей репутацией. Пройдет совсем немного времени — и Обводный канал в фольклоре назовут «Обводным». В 1928 г. в сатирическом журнале «Пушка» можно было познакомиться с характерным анекдотом:

— А где тут Обводный канал?

— А вот идите прямо и где от запаха нос зажмурите, туточки и канал зачнется.

Еще один петербургский анекдот посвящен небольшому, но хорошо известному петербуржцам водному потоку Карповке — речке, что с востока на запад пересекает Петроградскую сторону. Ее старинное название восходит к финскому *Korpi*, что переводится, по одним источникам, как «Лесная речка», по другим — «Воронья речка». Это будто бы хорошо укладывается в логику наименований старинных географических объектов древними финнами. Однако русские до сих пор предпочитают связывать Карповку с неким реальным человеком по имени Карп, или по фамилии Карпов. Неожиданным образом это обстоятельство нашло отражение в современном городском фольклоре. Это произошло в 1986 г., во время памятного

для многих ленинградцев матча-реванша по шахматам между двумя известнейшими шахматистами-антиподами Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым. Симпатии ленинградцев в этом поединке заметно склонялись в сторону последнего. Карпова недолюбливали. Помнится, по окончании шахматной баталии, закончившейся его поражением, по Петербургу молниеносно разнеслась и зажила искрометная шутка неизвестного остролова:

Ленгорисполком постановил переименовать речку Карповку в Каспаровку.

К внутригородским садам и окрестным паркам петербуржцы всегда относились бережно и ревниво. Городские сады любили за их более или менее чистый, а иногда и лечебный воздух, за тишину, которую они предоставляли посетителям, за спокойствие, которого так недоставало в суеде повседневной городской жизни. Даже несмотря на некоторые неудобства и недостатки.

Достоевский сказал:

— У каждого человека должно быть место, куда он мог бы пойти.

Это прочли и устроили Летний сад.

- Ты где работаешь?

— В Саду Отдыха.

— А отдыхаешь?

— В Саду Трудящихся.

- На какие грязи вы посоветуете мне ехать? — На Шуваловские.

- Вы одна гуляете в лесу? — А что же? Ведь лес не сад Народного дома, где одной женщине ходить опасно.

Если судить по фольклору, слава публичного сада при Народном доме была действительно весьма сомнительной. Как, впрочем, и благоустройство Шуваловского парка. Но это нисколько не умаляло любви горожан к городским садам и паркам и не снимало беспокойства за судьбу зеленых насаждений, если возникала хоть малейшая угроза их существованию.

— Отчего в Петербурге вырубают деревья?

— Очевидно, хотят довольствоваться лесами и парками.

— Какие же у нас леса?

— Помилуйте — вокруг каждого строящегося дома.

— А парки?

— Воздухоплавательный и несколько трамвайных.

В общую систему петербургских парков традиционно входили и великолепные парки ближних дворцовых пригородов, куда петербуржцы издавна любили выезжать на воскресный отдых.

— До какой вам станции, гражданин?

— Забыл вот... название такое алиментарное. Да! Вспомнил: до Детского Села, пожалуйста.

— Господин кассир, дайте мне, пожалуйста, билет в Петергоф.

— Старый или Новый?

— Нет уж, вы поновее, пожалуйста.

— А знаешь, мне наш Петергоф больше Венеции нравится.

— Да ведь ты в Венеции не был?!

— Все равно, я на карте ее видел. Ничего особенного.

Из двух традиционных бед, которые преследуют нас на протяжении всей жизни, с одной из них — с военными комендантами, на которых городской фольклор взвалил роль дураков, — мы уже встречались. Осталось поговорить о другой беде — петербургских дорогах.

Если верить толковым словарям, которые утверждают, что дорога — это полоса земли, выделенная для езды и ходьбы, то самой первой петербургской дорогой надо признать старинный Новгородский тракт, который вел из Москвы и Новгорода к древним русским поселениям на Неве. Впоследствии вдоль трассы этой дороги был прорыт Лиговский канал для питания водой фонтанов Летнего сада, а затем канал засыпали и проложили Лиговскую улицу.

Состояние дорог в Петербурге в первую очередь определялось болотистой почвой, обилием дождей и крайне неустойчивой погодой. В первые годы существования Петербурга государственная забота о дорогах распространялась только на те из них, которые вели к загородным царским резиденциям — Царскому Селу и Петергофу. Благоустройство остальных дорог вменялось в обязанности домовладельцев. Они должны были мостить участки перед своими домами камнем или булыжником. Интересно отметить, что к домовладельцам предъявлялись только два требования: начинать работы по мощению не раньше 15 мая, то есть в сухое время года, и не допускать мощения сразу по всей ширине улицы, чтобы не мешать проезду транспорта. Эту традицию неплохо бы возродить в наше время. Но не будем отвлекаться.

Новый этап в мощении улиц начался в 1832 г., когда по предложению инженера В. П. Гурьева в качестве дорожного покрытия стали применять так называемые торцы, то есть шестиугольные 15-сантиметровой высоты шашки из хвойных пород дерева. Торцовыми шашками были настланы 16 центральных петербургских улиц и набережных, в том числе Невский и Каменноостровский проспекты, Садовая и Большая Морская улицы и многие другие магистрали. Торцовое покрытие проезжей части обещало дорогам прекрасное будущее. Однако наводнение 1924 г., когда все шашки-торцы неожиданно всплыли, остановило триумфальное шествие торцовых покрытий в Ленинграде. На смену торцам пришел асфальт, первые опыты покрытия улиц которым начались в Петербурге еще в 1840-х гг.

Между тем, какими бы дорожными покрытиями ни пользовались в Петербурге, они никак не поспевали за стремительно растущими требованиями к качеству дорог. Дороги никогда не удовлетворяли требованиям петербуржцев. Сохранилась похожая на анекдот легенда об одном англичанине, который в XIX в. побывал в Петербурге.

— В русской столице мостовые есть, и очень хорошие, только ими никогда не пользуются.

— Как так?

— Очень просто! — ответил англичанин. — Зимой не пользуются ими, потому что они сплошь покрыты снегом, а летом — потому что они беспрерывно чинятся.

Дороги стали любимой темой и ленинградского городского фольклора. Кажется, только ленивый не говорил, что «в Ленинграде дорог нет, но есть места, где проехать можно». Ленинградские таксисты с удовольствием рассказывали такой анекдот.

Японец сел в такси и, наивно полагая, что можно вздремнуть, через несколько минут проговорил на ломаном русском языке:

— Не могу понять, что за дороги у вас в Ленинграде. В Японии полчаса не проехать, чтобы не заснуть. В Ленинграде можно ехать 24 часа — и не заснешь.

В конце 1970-х гг., в период невиданной по активности подготовки к Олимпийским играм 1980 г., решили сразу и навсегда покончить с проклятым дорожным вопросом. Весь Ленинград был перекопан. К тому времени относится анекдот, несколько вариантов которого дожили до наших дней. Вот один из них:

«Армянское радио» спросили:

— Будет ли Третья мировая война?

«Армянское радио», не задумываясь, ответило:

— Будет ли Третья мировая война, не знаем, но Ленинград окапывается.

Надо признать, что в последние время дороги начали приводить в порядок. Но отвратительное качество работ и непростительная спешка при их проведении очень скоро все возвращают на круги своя.

Не случайно первое, что обещает каждый новый руководитель города при вступлении в должность, — это привести в порядок дороги. И как всегда, губернатор обещает, а фольклор подводит итоги.

— Вы не знаете, почему весь Невский перекопали?

— Романов потерял свою любимую заколку.

- Вчера губернатор Яковлев заявил, что в Петербурге девяносто процентов дорог отремонтированы. — Странно. Я сутра до вечера каждый день езжу по всему городу. Неужели это только десять процентов?

Однажды губернатор Яковлев прилетел в аэропорт «Пулково», а служебная машина почему-то не пришла. Таксист домчал его до Смольного за десять минут.

— Что же это за дорога такая? — удивился Яковлев.

— Единственная в городе, о которой еще не прознал дорожный комитет и не успел перекопать, — ответил таксист.

Как бы то ни было, но исторически так сложилось, что, перефразируя известную формулу, все дороги в Петербурге заканчиваются улицами. И в буквальном, и в переносном смысле слова. Большая Новгородская дорога в конце концов стала Лиговским проспектом, Дорога за Кронверком — Кронверкским проспектом, Зелёная дорога — улицей Зеленина, Большая перспективная дорога — Невским проспектом. Примеры можно продолжить. В анекдоты почти все они попали уже в качестве улиц и проспектов.

— Почему Невский проспект так называется?

— Потому что на нем жил Александр Невский.

Это из ответов школьников на уроках. Их парадоксальный взгляд на историю позволяет проследить истоки так называемой вульгарной этимологии, в основе которой лежит множество легенд о происхождении тех или иных городских топонимов. С точки зрения фольклора, многие из них не только имеют право на существование, но являются еще и прекрасными образцами городской мифологии, ярко характеризующими те или иные этапы жизни и быта горожан. Вот еще один пример. Помните молодежный сленг незабываемых 1960-1970-х гг.?

— Чувак, как пройти на Невский?

— Да не пройти, а прихлясть, и не на Невский, блин, а на Брод.

- Какой самый популярный спорт в Петербурге?

— Хождеие по мостовой.

Этот анекдот извлечен нами из сатирического журнала «Лукоморье» за 1914 г. Согласитесь, что его актуальность не утрачена и сегодня. Вот еще один. Он так же был опубликован в начале века в журнале, на этот раз — в «Сатириконе»:

Вечером на Невском.

— Городовой! Не можете ли указать поблизости недорогого ресторана?

— А вот, барышня, идите прямо по Невскому до Аничкова моста... Потом поверните обратно, до Конюшенной... от Конюшенной поверните опять обратно до Аничкова моста — пока к вам не пристанет какой-нибудь господин. Вот тут вам недорогого ресторана будет совсем близко.

Название Невского проспекта стало нарицательным. В каждом районе Петербурга был свой Невский проспект, или Брод, по аналогии с названием известнейшей улицы мира Бродвея. На Васильевском острове это был Большой проспект, которым островитяне заслуженно гордились.

— Чем отличаются жители Васильевского острова от жителей Петроградской стороны?

— Петроградцы ходят только по Большому и по Малому, а василеостровцы еще и по Среднему.

- Молодой человек, скажите, пожалуйста, это Большой проспект?

Молодой человек поднимает голову, оглядывается, прикидывает...

— Да... значительный.

Свой Невский есть и у жителей Петроградской стороны. Это Кронверкский проспект, или улица Горького, как называли его в советское время. Анекдот перекликается с уже известным нам анекдотом о Невском проспекте, но мы его приводим исключительно ради сохранения удивительного аромата безвозвратно ушедшего времени.

Идет бабуля. Навстречу молодой человек. Бабуля спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, молодой человек, как пройти на улицу Горького.

— Во-первых, не молодой человек, а чувак. Во-вторых, не пройти, а кинуть кости. В-третьих, не на улицу Горького, а на Пешков-стрит, — отвечает молодой человек и уходит.

Бабуля подходит к милиционеру.

— Чувак, как кинуть кости на Пешков-стрит?

— Хиппуешь, клюшка?!

Там же, на Петроградской стороне, недалеко от Кронверкского проспекта, расположена восьмиугольная площадь, образованная пересечением Каменноостровского проспекта с улицей Мира, бывшей Ружейной. Архитектурный облик площади начал формироваться в 1901–1906 гг. фасадами трех зданий, возведенных по проекту архитектора В. В. Шауба, и завершился в 1952 г. строительством дома № 15 по проекту О. И. Гурьева. Долгое время площадь не имела никакого названия. Понятно, что вакуум заполнил фольклор. В народе ее называли «Ватрушка», или «Площадь звезды». Огромная неоновая конструкция в виде звезды была распластана над площадью в те недалекие времена, когда Каменноостровский проспект (тогда — Кировский) был дорогой к правительственным дачам на Каменном острове и украшался, не в пример другим городским магистралям, ярко и выразительно.

Наконец, в 1992 г. площадь получила свое первое официальное название — Австрийская, в честь дружбы между народами России и Австрии. Это была одна из первых международных акций первого мэра Санкт-Петербурга А. А. Собчака. Известно, что отношение к нему петербуржцев было далеко не однозначным. И потому праздник открытия новой площади не обошелся без зубоскальства.

— Вы слышали, австрийцы заплатили Собчаку двести тысяч долларов за наименование площади Австрийской?

— Да. И не только. Марсиане дали ему взятку в один миллион долларов за сохранение названия Марсова поля.

Площадь Ленина перед Финляндским вокзалом в советские времена была одним из главных идеологических центров города. Здесь проходили политические митинги, здесь школьников принимали в пионеры, сюда привозили многочисленных иногородних туристов. Понятно, что тон задавал памятник Ленину в центре площади. К его истории и к фольклору, связанному с ним, мы еще вернемся. Это тема отдельного разговора. А пока отметим, что с падением советской власти обрушилась и вся идеологическая система, так крепко, казалось, скроенная. Революционные памятники потеряли свой первоначальный смысл, не приобретя никакого нового. Это породило блестящие образцы городского фольклора.

— Сынок, а как найти площадь Ленина? — обращается старушка к новому русскому.

— Надо длину Ленина умножить на его ширину, — подумав, ответил тот.

Но улицы сами по себе не были бы столь привлекательны для жителей и гостей Петербурга, если бы не были украшены историческими или архитектурными памятниками, многие из которых давно уже превратились в городские символы. С одним из них — Адмиралтейством — мы уже знакомы. Адмиралтейство — одно из самых старых сооружений Петербурга. Его заложили как судостроительную верфь на левом берегу Невы по личным карандашным наброскам Петра I осенью 1704 г.

В 1719 г. была предпринята первая перестройка главного здания Адмиралтейства. Она осуществлялась под руководством «шпицного и плотницкого мастера» Германа ван Болеса. Именно тогда над въездными воротами был установлен высокий «шпиц с яблоком» и корабликом на самом острие «шпица». С тех пор ни одна перестройка, а их, не считая текущих ремонтов, было две: в 1727–1738 и в 1806–1823 гг., не посягнула на эту удивительную идею Ван Болеса. За три столетия своего существования «Адмиралтейская игла», как с легкой руки Пушкина ее стали называть в народе, превратилась в наиболее известную эмблему Петербурга. И каждый новый ремонт лишь обострял восторженное отношение к нему петербуржцев. В городском фольклоре сохранились следы этого восхищения.

— Посмотри-ка, — сказал один веселый балагур своему приятелю, — на шпице Адмиралтейства сидит большая муха.

— Да, я вижу, она зевает, и во рту у нее нет одного переднего зуба, — ответил тот.

В 1886 г. один из умельцев при ремонте Адмиралтейского шпиля непонятно каким образом, без всяких приспособлений обогнув «яблоко», добрался до кораблика и произвел необходимый ремонт. Однако ему два года не выплачивали обещанное вознаграждение за работу. Никто не мог подтвердить, что ремонт выполнен.

— Ну сходите и посмотрите, — не выдержал, наконец, мастер, — ведь я все сделал.

Другим объектом городского фольклора стала Петропавловская крепость. И хоть ей, благодаря сложившейся исторической ситуации, ни разу не довелось выполнить свои оборонительные функции, ее статус, заложенный в названии, сыграл определенную роль в ее мифологии. Тем более что крепость едва ли не с момента своего рождения использовалась в качестве политической тюрьмы. Впервые это произошло еще при Петре I, когда сюда в 1718 г. заточили опального царственного узника, сына императора Петра I царевича Алексея Петровича. При Екатерине II в Петропавловскую крепость была доставлена изловленная в Европе авантюристка княжна Тараканова. Здесь ожидали решения своей участи декабристы. Ужасы Петропавловского заточения познали террористы-народовольцы, студенты взбунтовавшегося Университета, члены низвергнутого Временного правительства и многие другие мнимые или подлинные противники режима. Так что репутация Петропавловской крепости в народе была устойчивой.

В ресторане. Лакей:

— Какой крепости чаю прикажете?

Посетитель:

— Только не Петропавловской!

Голос с другого стола:

— *И не Шлиссельбургской.*

Взрослым авторам анекдотов вторят дети. Ответ одного из них на уроке литературы не оставляет сомнений в знании школьниками отечественной истории, пусть даже своеобразном. Все названные в анекдоте друзья Пушкина и в самом деле сидели в Петропавловской крепости, и сидели именно в Трубецком бастионе.

— *Назовите декабристов — друзей Пушкина.*

— *Друзьями Пушкина были Рылеев, Кюхельбекер и Бастион Трубецкой.*

Мало чем отличается от детской наивной непосредственности реакция на питерские чудеса архитектуры многочисленных экскурсантов, причем как своих, доморожденных, так и иногородних.

На экскурсии в Петропавловском соборе.

— *Скажите, а какого размера Ангел на шпигеле собора?*

— *В натуральную величину.*

Турист экскурсоводу:

— *Вы говорите, что высота шпигеля Петропавловского собора 122 метра. А в той группе женщина говорит, что 123.*

Экскурсовод:

— *У меня данные зимние, а у нее летние. Тепло. Предметы расширяются.*

С 1718 г. Петропавловский собор стал царской усыпальницей. Здесь погребены все русские цари петербургского периода отечественной истории, за исключением Петра II и Иоанна Антоновича (Ивана VI). Это всегда вызывает неподдельный живой интерес посетителей собора.

На экскурсии в Петропавловском соборе:

— *А у вас тут похоронены копии или оригиналы?*

Мы уже вскользь упоминали о Ледяном доме, построенном для развлечения петербургской знати в морозную зиму 1739/40 г. по распоряжению императрицы Анны Иоанновны. Он предназначался для шутовской свадьбы князя М. А. Голицына и калмычки А. И. Бужениновой. С наступлением первого весеннего тепла, в апреле 1740 г. дом растаял, но легендарная память о нем живет в народе до сих пор. Особенно беспокоятся о судьбе Ледяного дома иногородние экскурсанты, которые замучили экскурсоводов одним и тем же вопросом:

— *А где сохраняется Ледяной дом Анны Иоанновны?*

Впрочем, экскурсантов всерьез беспокоит судьба не только пресловутого Ледяного дома.

На автобусной экскурсии по городу.

— А это вот Казанский собор.

Экскурсант своей соседке:

— Удивительно, как это только такую махину из Казани-то везли?

Апофеозом непосредственности выглядит анекдот, рассказанный автору этой книги одним из научных сотрудников Павловского дворца-музея.

Экскурсовод в Павловском парке рассказывает о дворце, который построил знаменитый архитектор Камерон. В группе экскурсантов вдруг раздается мужской шепот, обращенный к подруге:

— Вот видишь, оказывается, Де Камерон не только похабщину писал, но и дворцы строил.

В 1759 г. в Петербурге было основано училище для воспитания пажей и камер-пажей. В 1802 г. оно реорганизуется по типу кадетских корпусов и получает название Пажеский корпус. Училище располагается во дворце графа Воронцова на Садовой улице, построенном архитектором Растрелли. Одно время даже бытовало фольклорное название участка Садовой улицы вдоль Гостиного двора — ее называли «Пажеской». Это было весьма привилегированное учебное заведение, прием в которое контролировали едва ли не сами императорские особы. Среди легенд, преданий и анекдотов об императоре Николае I сохранился анекдот о резолюции, якобы поставленной им на одном генеральском прошении.

Некий отставной генерал-майор подал прошение о принятии его сына на «казенный кошт» в Пажеском корпусе. Дата прошения пришлась на сентябрь, и оно начиналось: «Сентябрейший государь ...».

Николай Первый наложил резолюцию: «Принять, дабы не вырос таким же дураком, как отец».

В 1918 г. училище было закрыто. В 1955 г. в стенах бывшего Пажеского корпуса разместилось вновь созданное Суворовское училище. Если его воспитанники и считают свое училище правопреемником Пажеского корпуса, то до уровня самосознания бывших кадетов, видимо, еще не доросли.

— Почему училище называется Суворовским?

— Потому что здесь учился Суворов.

В конце XIX в. в Петербурге появляется новый тип общественных зданий. Это были культурно-просветительские учреждения, вошедшие в петербургскую историю под названием народных домов. Они включали в себя театрально-концертные залы, библиотеки с читальными комнатами, воскресные школы, помещения для лекционной и кружковой работы, чайные буфеты, торговые лавки и многое другое.

Одним из крупнейших просветительских учреждений подобного рода в Петербурге был комплекс Народного дома императора Николая II на Петербургской стороне. Вокруг него был разбит сад с американскими горами, которые в народе прозвали «Американками». Народный дом был необыкновенно популярен как среди простого народа, так и среди актеров. В нем любили выступать многие знаменитые артисты.

Народный дом считался образцом современной архитектуры. Его изображения часто

появлялись в периодической печати, в специальной и популярной литературе. Среди петербургских филокартистов бытует легенда о том, как однажды в Стокгольме была заказана партия открыток с изображением этого дома. Из-за досадной ошибки иностранного переводчика в надписи на открытке слово «народный» было переведено как «публичный». Тираж открыток прибыл в Кронштадт, где при досмотре с ужасом обнаружили прекрасно отпечатанный текст: «Публичный дом императора Николая II». Заказчики пришли в неподдельный ужас, и вся партия открыток якобы тут же была уничтожена.

Но это был не единственный курьез, связанный со сложностями перевода названия «Народный дом». Долгое время в Петербурге рассказывали анекдот, который многие выдавали за правду:

Однажды во время визита в Петербург французских военных кораблей в Народном доме был устроен прием в честь моряков дружественного государства. На другой день во всех французских газетах появились крупные заголовки: «Reception dans la maison publique de Saint Petersbourg», что в переводе на русский язык означало: «Прием в публичном доме Санкт-Петербурга».

Впрочем, лексические особенности русского языка не повредили репутации другого петербургского публичного заведения — знаменитой Публичной библиотеки. Даже прозвище работниц этого учреждения культуры — «Публичные девушки» — ничуть не смущало их прелестных обладательниц. Специальное здание для библиотеки было возведено в 1796–1801 гг. на западном участке усадьбы Аничкова дворца по проекту архитектора Е. Т. Соколова. Торжественное открытие библиотеки состоялось в январе 1814 г. О том, каким значительным явлением в культурной жизни столицы стало открытие библиотеки, можно судить по крылатому выражению, сохранившемуся в арсенале городского фольклора. Судя по всему, именно с тех пор деловитые мужья, торопливо уходя из дома невесть куда, могли успокоить своих недоверчивых жен безобидной фразой о том, что бегут «Пропустить стопку-другую книг». Интересно отметить, что тогда же среди разночинной интеллигенции появилось новое необычное словосочетание: «Стеклянная библиотека». На эзоповом языке любителей пропустить стаканчик так величали питерские винные погребки.

Долгое время директором Публичной библиотеки был Дмитрий Фомич Кобеко, оставивший своеобразный след в городском фольклоре. Однажды он заказал собственный портрет, который велел повесить над входом в читальный зал отдела рукописей. В петербургских салонах появилась новая острота, которой щеголяли неисправимые зубоскалы:

— *Вы слышали? В Публичной библиотеке Кобеко повесился!*

Долгое время у библиотеки не было своего «небесного покровителя». Только в 1932 г. ленинградской «Публичке», как ее называли поголовно все питерцы, было присвоено имя М. Е. Салтыкова-Щедрина. С точки зрения творческой интеллигенции, выбор был неожиданным. Пантеон петербургских деятелей литературы предоставлял и другие, более яркие возможности. Некоторые писатели не только внесли более заметный вклад в русскую культуру, чем Михаил Евграфович Салтыков, но и служили в библиотеке. Попытку разобраться в ситуации предпринял фольклор.

Однажды на приеме у Сталина находилась делегация ленинградских деятелей культуры и искусства.

— *Было бы неплохо назвать вашу библиотеку именем какого-нибудь известного писателя, — с лукавой восточной улыбкой проговорил вождь.*

— *Какого же, Иосиф Виссарионович? — с готовностью предвкушая услышать имя любимого писателя, обратились в слух ленинградские товарищи.*

Сталин неторопливо раскурил трубку и, не дождавшись никаких предложений, хитро проговорил:

— *Салтыков-Щедрин тоже хороший писатель.*

У этого анекдота есть еще один весьма характерный вариант, который должен быть приведен. Хотя бы ради того, чтобы понять творческий процесс исследования темы, в результате которого в лаборатории городского фольклора рождается анекдот.

Когда Иосиф Виссарионович узнал, что Публичная библиотека «безымянная», он выразил недоумение. Кто-то из подхалимов предложил назвать Публичку именем «нашего дорогого товарища Сталина». Великий вождь пыхнул трубкой, расправил брови и возразил:

— *Пачему Сталин? Есть и другие хорошие писатели. Салтыков-Щедрин, например.*

Опыт подобострастного улавливания малейшего намека на желание любимого вождя у советского народа к тому времени уже был. Не зря он вырабатывался в лучших идеологических лабораториях КПСС с упорством, достойным лучшего применения. И соответственно, результаты были впечатляющими.

Сталин сказал:

— *Я думаю, что было бы неплохо назвать советские пятилетки именем вождя мирового пролетариата.*

И пятилетки называли сталинскими.

На рубеже XIX–XX столетий, в бурные и тревожные годы борьбы государства с революционным экстремизмом, в поле зрения городского фольклора попали петербургские следственные тюрьмы. Их было несколько. Одна из таких тюрем размещалась в бывшем «Литовском замке». Так петербуржцы называли построенное в 1787 г. на углу Крюкова канала и Офицерской (ныне — Декабристов) улицы необычное для петербургской архитектуры здание, фасады которого украшали семь круглых романтических башен. В начале XIX в. в замке был расквартирован так называемый Литовский мушкетерский полк. Одновременно с «Литовским» замок в народе называли «Семибашенным». С 1823 г. мрачные сырые помещения замка начали использовать в качестве следственной тюрьмы, которая просуществовала без малого целое столетие, вплоть до 1917 г. Благодаря этому замок приобрел в народе еще несколько фольклорных названий: «Петербургская Бастилия», «Каменный мешок», «Дядин дом», «Дядина дача». Замок пользовался в Петербурге печальной известностью. Сохранился опубликованный в свое время в журнале «Сатирикон» характерный анекдот:

— *Извозчик! К Литовскому замку.*

— *И обратно?*

— *Можно и обратно.*

— *Ждать-то долго?*

— *Шесть месяцев.*

В марте 1917 г. толпы опьяненных запахом свободы революционных петроградцев подожгли, а затем и разрушили Литовский замок, предварительно выпустив всех заключенных на свободу.

Судьба другой следственной тюрьмы, широко известной по ее фольклорному имени «Кресты», сложилась более благополучно. Она сохранила свой функциональный тюремный статус, дожила до нашего времени, и только в начале XXI в. в администрации города заговорили о переносе собственно тюрьмы в другое место и превращении ансамбля старинных тюремных зданий в гостиничный или деловой комплекс.

Тюрьма, о которой идет речь, находится на Арсенальной набережной. Здесь, в самом центре рабочего Петербурга, рядом с Финляндской железной дорогой, на территории, ограниченной Невой и Симбирской улицей, в 1890 г. был выстроен мрачный, из красного кирпича, комплекс для изолятора специального назначения. В комплекс, кроме собственно тюремных помещений, входили церковь и несколько зданий специальных служб. Все строения были объединены переходами и в плане представляли несколько крестов, за что изолятор и получил свое широко и печально известное прозвище — «Кресты». В центре каждого креста возвышалась сторожевая башня. От города тюрьму отделяла глухая кирпичная стена.

Автором и строителем тюремного комплекса был широко известный в Петербурге зодчий А. О. Томишко. Известен и анекдот об окончании строительства.

По окончании строительства тюрьмы Томишко был вызван к царю.

— Я для вас тюрьму построил, — бодро отрапортовал зодчий.

— Не для меня, а для себя, — резко проговорил император и неожиданно прервал аудиенцию.

Реакция императора на неосторожную оговорку, якобы допущенную архитектором во время аудиенции, оказалась пророческой. Правда, надо признать, что эта несчастная оговорка была далеко не единственной причиной, в результате которой Томишко стал героем петербургского фольклора. Другим поводом стала «говорящая» фамилия зодчего. Согласно расхожей фантастической легенде, проект следственного изолятора предполагал строительство тысячи одиночных тюремных камер. На самом деле их оказалось 999. Как утверждает фольклор, в последней, тысячной, «томится дух Томишки», как витиевато, обыгрывая фамилию архитектора, говорили «знатоки». Несчастный архитектор был якобы замурован в одной из камер, дабы секрет постройки умер вместе с ним.

Мы коснулись одной довольно любопытной особенности городской мифологии. Жизнь и смерть архитекторов и строителей в фольклоре самым невероятным, мистическим образом связана с окончанием строительства возводимых ими сооружений. Более того, именно такая смерть чаще всего им была предсказана заранее. Смерть сразу по окончании строительства постигла не только незадачливого Антония Осиповича Томишко. Граф Александр Сергеевич Строганов, бесменно руководивший строительством Казанского собора, скончался через двенадцать дней после его торжественного освящения. Та же судьба постигла и французского зодчего Огюста Монферрана, автора проекта и строителя Исаакиевского собора. Известно, что собор возводился в течение сорока лет. Длительность строительства породила в Петербурге немало толков.

— Говорят, приезжий ясновидец предсказал Монферрану, что он умрет, как построит Исаакий.

— То-то он так долго строит.

Отношение коренных петербуржцев к Исаакиевскому собору и его внешним достоинствам всегда было двойственным. С одной стороны, есть чем гордиться и на что равняться: «Всякий — сам себе Исаакий». С другой — тотальная борьба большевиков за абсолютное превосходство во всем, будь то советская медицина или советские слоны, которые обязаны были быть лучшими в мире, доводила все до абсурда и превращала в свою противоположность. В фольклорной интерпретации этой бессмысленной и бесперспективной борьбы внешние особенности Исаакиевского собора выглядели пародией на самое себя.

Едет американец в такси по Ленинграду. Проезжают мимо нового дома.

— *И сколько строилось это здание? — спрашивает американец у водителя.*

— *Да около года.*

— *Ну, у нас такой за полгода возводят.*

Проезжают мимо другого дома.

— *А этот? — спрашивает американец.*

— *Этот — за полгода — отвечает, наученный опытом, таксист.*

— *А у нас за три месяца.*

Вконец расстроенный таксист едет дальше. Вдруг машина врезается в Исаакиевский собор.

— *Черт возьми, — успевает воскликнуть, вылетая из машины, водитель, — еще вчера здесь ничего не было!*

До сих пор мощные объемы и гигантские размеры Исаакиевского собора вызывают у туристов и неподдельное восхищение, и искреннее удивление одновременно.

У Исаакиевского собора два туриста.

— *Такая громадина... Ты осмотри его изнутри, а я снаружи. Так дело у нас быстрее пойдет.*

В допетровской Руси монументальных памятников в привычном понимании этого слова не было. В память о крупнейших государственных или общественных событиях возводились церкви в честь святых, в дни поминовения которых эти события происходили. Троицкий собор был построен в честь Святой Троицы, в день празднования которой был основан Петербург. В день поминовения святого Сампсона произошло победоносное Полтавское сражение, и в память о нем был заложен Сампсониевский собор. В честь иконы Казанской Божией Матери, с которой ополчение под водительством Минина и Пожарского в 1612 г. шло на освобождение Москвы от польского нашествия, был построен Казанский собор. Примеры можно продолжить.

Но европейское влияние проникло и в эту сферу городской жизни. Еще при жизни Петр I заказывает скульптору Растрелли конный монумент «собственной персоны». По замыслу Петра, он должен был быть установлен на поле, где произошло победоносное Полтавское сражение. Но создание скульптуры затянулось, затем умер Петр, а потом и планы изменились. Сегодня эта замечательная растреллиевская скульптура стоит на Кленовой аллее, перед главным входом в Михайловский замок. Напомним, что эта скульптура Петра является первым монументальным памятником, созданным в России, но не первым, установленным в Петербурге. Первым был воздвигнут памятник основателю Петербурга Петру I на Сенатской

площади. С легкой руки Пушкина он широко известен как Медный всадник.

Памятник Петру I был торжественно открыт 7 августа 1782 г. Автором его был специально для этого приглашенный Екатериной II в Петербург французский скульптор Этьен Фальконе. Монумент представляет собой бронзового всадника, поднявшего на дыбы коня над бездной. По мысли скульптора, всадник олицетворяет собой Петра, «поднявшего Россию на дыбы». Однако в фольклоре этот образ интерпретируется иначе.

Петр два раза на коне через Неву перескочил. И каждый раз говорил:

— Все Божье и мое!

А на третий раз хотел прыгнуть и сказал:

— Все мое и Божье!

Да так и окаменел с поднятой рукой.

Тема Медного всадника — одного из главных символов Петербурга — не сходит со страниц классных сочинений питерских школьников, отдельные строчки из которых становятся достоянием школьного, а иногда и общегородского фольклора:

На коне сидит Петр I, он поднял передние ноги.

Медный всадник изображает Петра Великого, вставшего на дыбы на своей лошади.

Скульптор перебирал много камней для памятника Петру и наконец выбрал бронзу.

Современная мифология Медного всадника продолжает оставаться столь же яркой и выразительной:

— Ты слышал, Серегу в Питере крупно штрафанули! Врезался, понимаешь, по пьяному делу в лошадь с мужиком.

— Ну и как он, бедняга?

— Все как положено: «мерседес» всмятку, а сам в больнице валяется.

— А тот мужик с лошастью?

— А что с ним делается, с бронзовым?

В 1873 г. в сквере перед Александрийским театром по проекту скульптора М. О. Микешина был установлен памятник Екатерине II. Памятник давно уже стал одним из любимых объектов городского фольклора. Наименее обидные его прозвища: «Микешинская сонетка», «Печатка» или «Катка». Место встреч и свиданий молодежи в сквере перед Александрийским театром называется «У Катки». Мифология бронзового монумента богата и разнообразна. Еще в XIX в. начались разговоры о том, что место для установки памятника выбрано вовсе не случайно. Будто бы так и должна стоять лицемерная распутница — спиной к искусству и лицом к публичному дому, который, по одной версии, находился на Невском проспекте, на месте Елисеевского магазина, по другой — на Малой Садовой улице. Записные столичные зубоскалы и остроумцы ни на минуту не оставляли памятник без внимания:

Туристы внимательно разглядывают бронзовые фигуры екатерининских сподвижников на скамье, или «Екатерининской скамейке», как ее называют в народе, вокруг ее пьедестала, которые жестами демонстрируют размеры своих детородных органов. Один только Державин виновато разводит руками, да Екатерина Дашкова исподлобья всматривается в хвастливую жестикуляцию своих знаменитых современников. А над ними возвышается величественная и недосыгаемая императрица с лукавой улыбкой на чувственных губах и скипетром-эталонном в монарших руках.

Одна из легенд утверждает, что под памятником зарыты «несметные богатства», которые вот уже полтора столетия будоражат умы городских властей. Будто бы при закладке монумента одна из экзальтированных придворных дам в эмоциональном порыве сорвала с себя перстень и бросила его в котлован. Ее примеру якобы последовали многие присутствовавшие.

Драгоценности посыпались в таком изобилии, что торжественную закладку пришлось на некоторое время задержать. Кстати, если верить современным городским слухам, то уже в советское время у новых хозяев Смольного не однажды возникала мысль о раскопках в Екатерининском сквере. Однако дело дальше кабинетных разговоров так и не продвинулось. С этими слухами тесно связана легенда о будто бы принятом в 1950-х гг. решении о переносе памятника Екатерине на другое место. Якобы она заслоняла вид на Театр имени А. С. Пушкина с Невского проспекта.

Особой популярностью пользовались в народе стихи, посвященные как самой императрице, так и ее памятнику:

Матушка Екатерина,
Будь здорова, как скотина,
Добродушна, как свинья,
Плодовита, как земля.
Где стоит такая дама,
Позади которой драма,
Слева — просвещение,
Справа — развлечение,
А спереди не всякому доступно?

Этакая пикантная игра, в которой и правила всем понятны, и ответ заранее известен. Позади памятника — театр драмы, слева — Публичная библиотека, справа — сад Отдыха, а спереди — Елисейский магазин, цены на товары в котором доступны далеко не всякому. Это про него в советские времена сложилась поговорка, обращенная к детям: «Смотрите, детки, как ели наши предки». Обращались-то к детям, а отвечали сами себе: «Спереди сласти, а сзади — страсти».

30 августа 1834 г. в центре Дворцовой площади был торжественно открыт грандиозный памятник победителю Наполеона в войне 1812-1814 гг. Александру I — Александровская колонна, — «Александрийский столп», или «Колонна победы», как его стали называть в разговорной речи. Колонна сооружена по проекту архитектора Огюста Монферрана. Объектом городского фольклора Александровская колонна стала едва ли не сразу после ее торжественного освящения. Как известно, колонна не врыта в землю и не укреплена на фундаменте. Она держится исключительно с помощью точного расчета, ювелирной пригонки всех частей и собственного веса. Согласно одному из многочисленных преданий, в основание колонны был зарыт ящик отличного шампанского, чтоб стояла вечно, не подвергаясь ни осадке, ни наклону. Но ничто не помогало унять страхи обывателей. К колонне долго не могли привыкнуть. Вот какой анекдот записал Петр Андреевич Вяземский:

Когда была воздвигнута Александровская колонна в память Александра I, графиня Толстая

крепко запретила кучеру своему возить ее в близости колонны.

— Не ровен час, — говорила она, — пожалуй, и свалится она с подножия своего.

Одним из самых скандальных памятников, установленных русским императорам в Петербурге, был конный монумент Александру III. Он был открыт 23 мая 1909 г. на Знаменской площади столицы (ныне — площадь Восстания), перед Николаевским вокзалом. Современники почти единодушно воспринимали памятник как редкий образец сатиры в монументальной скульптуре. И действительно, приезжих, вступавших в город с Николаевского вокзала, встречала грузная фигура царя с тяжелым взглядом тайного алкоголика, каким, и, может быть, не без оснований, считали его современники, на откормленном тучном битюге, как бы пригвожденном к гробовидному пьедесталу. Почти сразу разразился скандал. Верноподданная часть петербургского общества требовала немедленно убрать позорную для монархии статую. Демократическая общественность, напротив, приветствовала произведение такой обличительной силы. В спор включилась Городская дума. И только автор памятника Паоло Трубецкой, итальянский подданный, воспитывавшийся вдали от «всевидающего ока» и «все-слышающих ушей», оставался невозмутимым и, как утверждает один анекдот, отшучивался:

— Политикой не занимаюсь, я просто изобразил одно животное на другом.

В салонах рассказывали и другой анекдот. Молва утверждает, что его автором, да и героем тоже, был князь Цицианов, один из потомков знаменитого питерского остролова XIX столетия грузинского князя Дмитрия Евсеевича Цицианова.

Один грузинский князь по поводу этого памятника сказал:

— Я знаю, что Саса зопя, но зачем же это так подчеркивать?

Надо сказать, что памятник и в самом деле вызывает неоднозначные чувства. Если верить фольклору многие петербуржцы испытывали по отношению к нему обыкновенную неловкость, они стыдились его. По их мнению, такой памятник недостоин ни его оригинала, ни Петербурга. И пускались во все тяжкие, чтобы хоть как-то сгладить ситуацию.

— Приезжал по делам англичанин один... Мой знакомый. «Покажите мне, — говорит, — новый памятник, что Трубецкой сделал». И так мне, братцы, обидно сделалось, что повел я его к фальконетовскому Петру Великому, показал!

— Ну, и что же он?

— Ничего, хвалил.

Судьба монумента оказалась печальной. В 1937 г. памятник был снят с площади, к тому времени уже не Знаменской, а Восстания. По официальной версии, он будто бы мешал трамвайному движению. Долгое время памятник хранился во дворе Русского музея, отделенный от города чугунной решеткой. По меткому выражению фольклора, он стал «узником Русского музея».

Не случайно одной из первых побед демократической общественности в постсоветском Петербурге считается освобождение памятника Александру III из-за решетки Русского музея. Голос фольклора: «Свободу узнику Русского музея!» — был услышан. Памятник освободили из заточения и установили... перед входом в Мраморный дворец. Во дворе. На низком пьедестале, еще совсем недавно занятом «ленинским броневиком». Говорили, что временно. Что при этом имелось в виду, неизвестно. На историческом месте памятника Александру III перед

Московским вокзалом стоит обелиск «Городу-герою Ленинграду».

В свое время в Петербурге на Манежной площади существовал помпезный памятник великому князю, третьему сыну Николая I Николаю Николаевичу (старшему). Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он был командующим Дунайской армией. Памятник был выполнен по модели скульптора П. Канонико.

Между тем, среди членов царской семьи Николай Николаевич считался фигурой довольно одиозной. Несмотря на то что великий князь достиг чина генерал-фельдмаршала, особенными полководческими способностями, по мнению современников, он не обладал. В свете был более известен своим неуравновешенным характером. В последние десять лет жизни Николай Николаевич страдал тяжелым психическим заболеванием. Об этом свидетельствует семейный анекдот, родившийся внутри царствующей династии и ставший известным всему Петербургу.

Когда на Манежной площади поднялся конный памятник великому князю Николаю Николаевичу (старшему), персоне ничем не примечательной, его брат Михаил был очень поражен. Еще тогда, когда Николай Николаевич сошел с ума, он очень удивился:

— Как это человек такой непомерной глупости может, тем не менее, сойти с ума!

После революции, согласно ленинскому декрету о сносе памятников, «воздвигнутых в честь царей и их слуг», памятник Николаю Николаевичу был разобран и уничтожен.

Как мы уже знаем, в Петербурге, столице государства, в ранний период его существования принято было ставить памятники только царствующим особам и полководцам. Кажется, впервые этот принцип был нарушен при установке памятника Ивану Андреевичу Крылову. И то ему отказали в праве стоять на одной из городских площадей и «задвинули» в Летний сад. Может быть, поэтому споры о месте его установки долгое время занимали весь литературный и художественный Петербург. Памятник предполагали установить в сквере перед зданием Публичной библиотеки, где долгое время служил Иван Андреевич; на Васильевском острове у здания Университета, почетным членом которого он был с 1829 г.; на могиле в Некрополе мастеров искусств, где в 1844 г. он был похоронен. Выбор, однако, пал на Летний сад. Причем, если верить городскому анекдоту, это место было определено самим баснописцем еще при жизни. Вот как это выглядит в анекдоте, извлеченном из записной книжки вездесущего П. А. Вяземского:

Крылов сидел однажды на лавочке в Летнем саду. Вдруг... его. Он в карман, а бумаги нет. Есть где укрыться, а нет чем... На его счастье, видит он в аллее приближающегося к нему графа Хвостова. Крылов к нему кидается:

— Здравствуйте, граф. Нет ли у вас чего новенького?

— Есть: вот сейчас прислали мне из типографии вновь отпечатанное мое стихотворение, — и дает ему листок.

— Не скупитесь, граф, и дайте мне 2–3 экземпляра.

Обрадованный такой неожиданной жадностью, Хвостов исполняет его просьбу, и Крылов со своею добычею спешит за своим «делом».

И следовательно, местонахождение памятника было определено «деловым» интересом Крылова.

О том, что граф Хвостов был неисправимым графоманом, над которым потешался весь читающий Петербург, мы уже знаем.

Пьедесталом памятника Крылову служит гранитный куб, полностью покрытый бронзовыми рельефами на сюжеты его басен, выполненными П. К. Клодтом по рисункам известного художника А. А. Агина. Несмотря на некоторую массивность и даже тяжеловесность, особенно ощутимую среди легких беломраморных скульптур Летнего сада, «Дедушка Крылов», как его стали называть горожане, сразу же стал необыкновенно популярен. К нему приходят родители с маленькими детьми, гуляющие пары, туристы и просто любопытные. Вокруг памятника всегда много людей и животных.

Особенно любим памятник Крылову ребятишками дошкольного возраста. Некоторые из них попали в городской фольклор.

Одна мама, гуляя со своей дочкой по городу, все время натыкалась на памятники Ленину или его соратникам. И ей постоянно приходилось рассказывать об этом дочери. А когда они дошли до памятника «Дедушке Крылову», плоды воспитания тут же обрушились на маму.

— Мам, — проговорила девочка, глядя на пьедестал, испещренный сценками из жизни животных, — это Ленин и его соратники?

Известно, что Адмиралтейство задумывалось Петром I одновременно и как судостроительная верфь, и как военная крепость. Стапеля для строительства кораблей были обращены к Неве, а крепостная стена — в сторону возможного нападения шведов. Северная война к тому времени еще не закончилась. Однако ко второй половине XVIII в. надобность в Адмиралтействе как крепости окончательно отпала. Постепенно эспланада перед ним, которую в народе чаще всего называли «Адмиралтейской степью», теряла свои фортификационные черты. Уничтожались земляные валы с бастионами, засыпались рвы с водой. Еще в 1816 г. на месте наружного канала был разбит бульвар. Остальная территория представляла собой огромное неухоженное пыльное поле, которое в городе прозвали «Петербургской Сахарой».

Сад на всей этой гигантской территории был разбит только в 1872 г. и назван Александровским в честь Александра II, хотя в народе он был широко известен как «Адмиралтейский» или «Сашкин сад». В 1876-1880-х гг. в саду, напротив башни Адмиралтейства, был сооружен фонтан, а еще через несколько лет на территории у фонтана были установлены бюсты Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова и М. И. Глинки. Это было время, отмеченное заметным снижением художественного уровня монументальной скульптуры. Реакция фольклора была незамедлительной. В конце XIX в. появился анекдот:

— Почему бюсты вокруг фонтана перед Адмиралтейством такие маленькие?

— Ничего, они в саду. Подрастут.

Негативное отношение петербуржцев к скульптуре Александровского сада усилилось с появлением еще одного монумента — памятника Н. М. Пржевальскому. Памятник великому путешественнику и исследователю Средней Азии, отлитый по модели скульптора И. Н. Шредера, был установлен в 1892 г. В то время никто не мог предполагать, что почетный член Академии наук и почетный гражданин Петербурга генерал-майор Николай Михайлович Пржевальский, запечатленный в бронзе, окажется похожим на «лучшего друга всех скульпторов, путешественников и географов» Иосифа Виссарионовича Сталина. Но так распорядилась насмешливая и непредсказуемая судьба. И родилась очередная легенда. Рассказывали, как однажды, путешествуя по Азии, Пржевальский неожиданно отклонился от

маршрута, завернул ненадолго в Грузию, встретился там с некой грузинской красавицей Екатериной Георгиевной — будущей матерью Сталина, влюбился в нее и осчастливил, став, как утверждает эта фантастическая легенда, отцом ребенка.

Смушает, правда, верблюд, прилегший отдохнуть на землю возле пьедестала. Он кажется совершенно случайным и необязательным под бюстом импозантного мужчины в мундире гвардейского офицера с погонями. Сохранилась легенда о том, что Географическое общество, членом которого был Пржевальский, еще при установке памятника указывало городским властям на неуместность «корабля пустыни» в непосредственной близости к морскому символу Петербурга — Адмиралтейству. Не вняли. И тем самым открыли небывалые возможности для мифотворчества.

Туристы у памятника Пржевальскому:

— *А почему Сталин с верблюдом?*

— *А это символ долготерпения русского народа.*

Один из лучших образцов советской монументальной скульптуры в Ленинграде — памятник А. С. Пушкину, исполненный по модели скульптора М. К. Аникушина, — был установлен в сквере на площади Искусств в 1957 г. Памятник стал несомненной творческой удачей скульптора. Он так естественно вошел в архитектурную среду площади, что кажется, будто стоит на этом месте еще с первой четверти XIX в., с тех самых пор, как архитектор Карл Росси закончил строительство Михайловского дворца и распланировал площадь со сквером перед ним. Даже придирчивый городской фольклор практически не смог найти ни одного изъяна в фигуре Пушкина. Разве что непропорционально длинная, вытянутая вперед правая рука поэта, на которую обратил внимание детский фольклор:

На площади стоит Пушкин с протянутой рукой.

Сквер вокруг памятника Пушкину стал любимым местом отдыха не только туристов, но и жителей окрестных кварталов. Здесь всегда многолюдно. Над памятником кружатся стаи прожорливых голубей.

У памятника Пушкину стоят пионеры и отдают честь. К ним подходит мальчик:

— *Это кому вы честь отдаете?*

— *Пушкину.*

— *Это который «Муму» написал?*

— *Ты что?! «Муму» Тургенев написал.*

Через минуту подошел снова:

— *Не пойму я вас, ребята, «Муму» Тургенев написал, а вы честь Пушкину отдаете.*

А вот два туриста из Франции.

— *Не пойму, — говорит один другому, — попал Дантес, а памятник Пушкину.*

И, наконец, снова наши, питерские:

Проходят два читателя-детективоглотателя мимо памятника Пушкину.

— Ха, написал каких-то «Мертвых душ», и на тебе — памятник поставили.

— А мне кажется, их написал Гоголь.

— Тем более.

Сидит мужик в сквере у памятника. Вдруг голос сверху:

— Послушай, друг. Постой за меня часок. Дело срочное.

Мужик согласился и залез на пьедестал. А Пушкин с него сошел. Прошел час. Другой. Нет Пушкина. Надоело мужику стоять. И пошел он искать Пушкина. По Михайловской. На Невский. По галерее Гостиного. В бывший Толмазов переулок. В 27-е отделение милиции.

— Вам тут Пушкин не попался?

— А у нас тут все Пушкины. Вот медвежатник. Вот форточник. Вот бомж.

— А в уголке?

— Да тоже Пушкин. Рецидивист.

— А он что?

— Да чуть ли не каждый вечер ловит голубей и гадит им на головы. Говорит, в отместку.

Чтобы не казалось, что с проблемой литературного невежества фольклор столкнулся впервые, или, как мы любим говорить, такого никогда не было, приводим анекдот, опубликованный в сатирическом журнале «Пушка» в 1927 г.:

Проходят двое мимо мемориальной доски с надписью: «Здесь жил Пушкин».

— Интересно, за что же это ему такую доску приклепали?

— Не иначе, как самый аккуратный жилец покойничек-то был.

Большевики-ленинцы, отняв в 1917 г. у народа веру в Бога, взамен предложили ему языческое поклонение идолам, скульптурные изображения которых заполнили улицы и площади городов, кабинеты, лестничные площадки и залы заседаний советских учреждений, красные уголки заводов и фабрик, ленинские комнаты воинских подразделений и пионерские уголки в школах. В основном это были памятники Ленину и Сталину. Это был поистине единый в двух лицах коммунистический бог, имя которого даже произносилось вместе, одной торопливой скороговоркой: «ЛенинСталин». Поклонение им приобретало все более необычные, если не сказать экзотические, гипертрофированные формы. У подножия этих каменных, бронзовых, бетонных и алебастровых истуканов пионеры клялись в верности делу «Ленина-Сталина», комсомольцы гневно обличали врагов народа и требовали их немедленной казни, а партийцы клятвенно обещали в ближайшие годы построить рай на земле. Под присмотром недремлющего взгляда «Ленина-Сталина» производились записи в актах бракосочетания и рождения детей. На могилах умерших произносились последние заверения в верности и преданности почившего делу «Ленина-Сталина». Пожалуй, в присутствии памятников «Ленину-Сталину» не совершались разве что акты зачатия.

Обожествление Ленина началось еще при жизни вождя. С его непосредственного согласия имя Ленина присваивалось фабрикам и заводам, городам и поселкам. Однако то, что началось после его смерти, заслуживает особого внимания историков и социологов. Памятники вождю Октябрьской революции не устанавливались, пожалуй, только в деревенских банях и городских общественных туалетах.

Ленинград в этом смысле мало чем отличался от других населенных мест. Уже 7 ноября 1924 г. в Ленинграде, у Финляндского вокзала, был открыт первый памятник Ленину. Монумент был исполнен по модели скульптора С. А. Евсеева и архитекторов В. А. Шуко и В. Г. Гельфрейха. Первоначально памятник был установлен в непосредственной близости к южному фасаду Финляндского вокзала, в память о прибытии Ленина в Петроград в апреле 1917 г. В 1930 г. от памятника к Неве была проложена аллея, а в 1945 г. памятник перенесли на 180 метров ближе к набережной и установили на более высокий фундамент. Вокруг памятника был разбит сквер.

Памятник представляет собой ставшую с тех пор традиционной фигуру пламенного оратора с призывно вытянутой вперед рукой, выступающего с башни стилизованного броневика, — этакий запоминающийся величественный зримый образ революции.

Объектом городского мифотворчества памятник стал почти сразу после его открытия. Так как Ленин в глазах народа был первым советским царем, то и монумент ему привычно сравнивали с памятниками особам, царствовавшим до революции.

После появления на Знаменской площади памятника Александру III горожане, отправлявшиеся к Московскому вокзалу, любили крикнуть кучеру:

— *К пугалу!*

Когда же поставили памятник Ленину у Финляндского вокзала, то извозчики, лукаво подмигивая, уточняли:

— *К какому, вашеество? К Московскому аль к Финляндскому?*

Среди первых анекдотов о памятнике записан этакий монолог философствующего обывателя:

— *Вот как правители обустроиваются и государством управляют: Петр сидит на коне, за спиной у него Исаакиевский собор как оплот православия, с одной стороны — Адмиралтейство, корабли строить, с миром торговать, с другой — Сенат и Синод, государством управлять, а рукой он указывает на Университет и Академию наук — вот куда нужно стремиться. Ленин влез на броневик, с одной стороны у него райком партии и тюрьма «Кресты», неугодных сажать, с другой — Артиллерийская академия, обороняться, за спиной — вокзал, чтобы, если что, сбежать, а указывает он на Большой дом — «все там будете!»*

Пожалуй, главная мысль всего этого монолога: Ленин направляет в сторону, противоположную той, куда указывает Петр I.

Но особенное внимание фольклора памятник приобрел позже, когда непосредственная реакция на Октябрьскую революцию сменилась на опосредованную, когда ее стали воспринимать через сомнительные достижения советской власти либо через ее пропагандистские символы. Монументальная скульптура в этом смысле представляла собой бесценный материал. Памятники вождю революции стали подвергаться остракизму в первую очередь, поскольку они были, что называется, рядом, у всех на виду.

В словаре лагерно-блатного жаргона, которым нельзя пренебрегать уже потому, что внутренняя свобода и раскованность в тюрьмах и лагерях позволяли их обитателям говорить то, о чем могли только подумать, боясь произнести вслух, по другую сторону колючей проволоки, памятники Ленину в Ленинграде занимали далеко не последнее место. Так, произнести подчеркнуто патриотическую речь в красном уголке называлось: «Трекнуть с броневичка», а сам памятник у Финляндского вокзала имел несколько прозвищ: «Трекало на броневичке», «Финбанское чучело», «Экспонат с клешней», «Лысый камень», «Ленин, торгующий пиджачком». Вспоминали старый, но всегда актуальный анекдот:

Дзержинский обращается к Ленину:

— Владимир Ильич, где вы такую жилеточку достали?

Ленин закладывает большой палец левой руки за пуговицу жилетки:

— Эту? — затем резко выбрасывает правую руку вперед и вверх: — Там!

Несколько позже фольклор обратил внимание на некую композиционную связь памятника с Большим домом и превратил эту формальную связь в смысловую. В годы перестройки она уже не могла импонировать хозяевам мрачного символа сталинской эпохи на другом берегу Невы. Забеспокоились о чистоте мундира. Фольклор ответил анекдотом.

Партийное собрание в Большом доме. Голос с места:

— Товарищи, Ленин, который указывает рукой на Большой дом, как бы приветствуя его, дискредитирует нашу историю. Предлагаю повернуть его лицом к Финляндскому вокзалу.

Голос из президиума:

— Возражаю. Тогда он будет указывать в сторону Финляндии, а туда и без его указания бегут наши граждане.

6 ноября 1927 г., к 10-й годовщине Октябрьской революции, перед главным входом в здание Смольного был открыт еще один памятник Ленину. Авторы памятника скульптор В. В. Козлов и архитекторы В. А. Шуко и В. Г. Гельфрейх повторили к тому времени уже канонизированную позу выступающего Ленина. В советской иерархии памятников «вождю всемирного пролетариата» этот монумент признан одним из лучших. Он стал официально утвержденным эталоном всех последующих памятников вождю. Его авторское повторение было установлено во многих городах Советского Союза. Вместе с тем Ленин с характерно вытянутой рукой оказался удобной мишенью для остроумных зубоскалов и рискованных пересмешников. С тех пор о многочисленных памятниках подобного рода стали говорить: «Сам не видит, а нам кажется», а в эпоху пресловутой борьбы большевиков с пьянством и алкоголизмом безымянные авторы знаменитой серии анекдотов ««Армянское радио» спросили...» умело пародировали методы войны с ветряными мельницами:

— Куда указывает рука Ленина на памятнике у Смольного?

— На одиннадцать часов — время открытия винно-водочных магазинов.

После знаменитого XX съезда партии и доклада Хрущева о культе личности Сталина, когда идеологический пресс был в значительной степени ослаблен, изменилось и отношение к Ленину. Это было время, когда в советском искусстве предпринимались попытки переосмыслить образ Ленина, придать его облику чисто человеческие качества,

противопоставив их привычным чертам государственного и политического деятеля. Что из этого получилось, можно судить по анекдоту, героем которого стал памятник Ленину в Таврическом саду. Памятник выполнен скульптором В. Б. Пинчуком и установлен вблизи главного входа в сад в 1957 г.

— Папа, а кто этот маленький? — спросил сын отца у входа в Таврический сад.

— Кто-кто... — растерялся папа. — Ильич в пальто, вот кто.

Продолжением петербургских улиц являются их мосты. Это наблюдение кажется верным не только потому что количество улиц в Петербурге не так уж намного превышает количество мостов, а еще и потому что именно мосты выполняют, если можно так выразиться, роль совокупной топонимической памяти города. Сколько бы переименований ни претерпевали городские улицы, мосты, которые первоначально были названы так же, как и улицы, в створе которых они стоят, чаще всего сохраняют память о первом названии. Их, как правило, не переименовывали. А если это случалось, фольклор тут же этот факт подвергал остракизму. Вот анекдот о некоем гипотетическом постановлении губернатора Петербурга:

«В связи с Указом Президента о посмертном присвоении за особые революционные заслуги лейтенанту Шмидту Петру Петровичу воинского звания капитан 3-го ранга, мост Лейтенанта Шмидта в Петербурге переименовать в мост Капитана 3-го ранга Шмидта».

В 2007 г. мосту Лейтенанта Шмидта было возвращено его историческое название. Теперь он — Благовещенский. Это был первый в Петербурге постоянный мост через Неву. Он строился целых семь лет и был торжественно открыт в 1850 г. В Петербурге того времени был популярен анекдот, главная, говоря современным языком, фишка которого приписывалась неизвестному питерскому остро слову князю Меншикову.

У князя Меншикова с графом Клейнмихелем была, что называется, контра; по службе ли, или по другим поводам, сказать трудно. В шутках своих князь не щадил ведомства путей сообщения. Когда строились Исаакиевский собор, постоянный мост через Неву и Московская железная дорога, он говорил:

— Достроенный собор мы не увидим, но увидят дети наши; мост мы увидим, но дети наши не увидят; а железной дороги ни мы, ни дети наши не увидят.

Надо сказать, что строительство мостов вообще, а через Неву особенно, дело не легкое. Глубоководная и непредсказуемая Нева не на шутку сопротивлялась возведению мостов. Через пятьдесят лет после строительства Благовещенского моста в городе развернулась эпопея возведения Большеохтинского моста. Оно также растянулось на несколько лет, что, конечно же, не обошлось без внимания фольклора.

— Папа! Что же делала Пенелопа, чтобы обмануть своих женихов?

— Какую-то трудную, нескончаемую работу.

— Какую же именно?

— Гм... она или Охтинский мост строила, или Государственную думу обустроивала.

В первой четверти XVIII в. Фонтанка служила границей города. Первый мост через нее в створе будущего Невского проспекта перекинули солдаты квартировавшего поблизости строительного батальона подполковника Аничкова. Мост был со шлагбаумом. В ночное время он опускался,

как бы запирая город. Очень скоро имя подполковника Аничкова дало название мосту. Впрочем, в обиходной речи его иногда называли Аничкиным — по имени какой-то никому не известной Ани, Анички.

— Назовите питерский мост с женским именем.

— Аничкин.

За почти что трехвековую историю мост несколько раз перестраивался. С 1785 по 1841 г. он представлял собой знакомую нам композицию с каменными башнями, наподобие сохранившихся Чернышева и Старо-Калинкина мостов. В то время Фонтанку пересекали семь подобных однотипных конструкций. Все они были разводными. Подъемные механизмы располагались под сводами башен. Калинкин мост уже давно не разводится, однако студенты Кораблестроительного института, что находится рядом с мостом, до сих пор эксплуатируют эту давнюю функцию старинного моста.

— Иванов! Почему опоздали на лекцию?

— Калинкин мост развели, профессор.

Но вернемся к самому знаменитому из петербургских мостов. Как известно, мост украшают четыре фигуры коней с водничими, изваянные крупнейшим русским скульптором-анималистом Петром Карловичем Клодтом. Мощные фигуры прекрасных диких животных, динамичные классические скульптуры обнаженных юношей, непривычная для монументальной скульптуры близость восприятия в сочетании с некоторой неоднозначностью, улавливаемой в тексте памятной бронзовой доски, укрепленной на одном из гранитных кубов, служащих пьедесталами для клодтовских коней: «Лепил и отливал барон Петр Клодт в 1841 году», породили соответствующий фольклор, пикантная фривольность которого с лихвой искупается добродушной незлобивостью собственно фольклорных текстов. Вот анекдот, напрямую пародирующий двусмысленность бронзовых слов:

Стоит на Аничковом мосту мужик и справляет малую нужду. Подходит милиционер и вежливо начинает стыдить мужика:

— Как же это, гражданин... В центре города... На таком месте... Небось питерский рабочий...

— Рабочий, рабочий ... — нетерпеливо отмахивается мужик. — Не видишь, что написано: «отливал барон Клодт». Как барону — так можно, а рабочему — так нет?!

В эпоху императора Павла I, страстного почитателя воинского устава и армейского порядка, городской фольклор живо обращался к малейшей возможности посмеяться над солдафоном в царской короне.

— Разводы на мостах плохие, — раздраженно бросил Павел Петрович встречавшему его с прогулки фон Палену.

Наутро все мосты в Гатчине были расписаны свежими разводами.

Однако не случайно Петербург называют музеем мостов. К мостам петербуржцы относятся как к одним из самых замечательных достопримечательностей своего города. Триумфальное шествие мостостроения в городе позволило поставить питерские мосты в один ряд с

уникальными, только Петербургу свойственными явлениями природы. Это входит в сознание петербуржцев с младых ногтей. Вслушайтесь в ответ петербургского школьника:

— *Какие явления природы связаны с Ленинградом?*

— *Белые ночи... Наводнения... Развод мостов.*

Развод мостов — явление уникальное. Петербург, кажется, единственный город в России, где в проектах мостов предусматриваются разводные пролеты для обеспечения свободного прохода под ними крупнотоннажных судов с высокими трубами и мачтами. И думается, вряд ли выглядит случайным интерес сексуально озабоченной части юного населения города к такому необычному явлению, как подъем мостовых пролетов в вертикальное положение. Анекдоты на тему таких ярких и выразительных фаллических символов не устают будоражить податливые умы петербуржцев.

По сообщению агентства Рейтер в Петербурге, на Неве затонула баржа с виагрой. В настоящее время петербуржцы не могут добраться домой и на работу, потому что опустить разводные мосты не представляется возможным.

Глава 5. Трудовой ритм города

Жизнь ямщика была неразрывно связана с лошадью. И если в деревне полноправным членом крестьянской семьи испокон веков была корова, то в городе то же самое можно было сказать об извозчичьей лошади, хотя большинство питерских извозчиков личных лошадей не имели. Они принадлежали хозяину, у которого ямщик работал. Но традиционно домашнее обращение к лошадям оставалось.

Мощнейшему импульсу промышленного развития, который был задан Петербургу едва ли не с момента его возникновения, город обязан даже не столько своему столичному статусу, сколько географическому положению, доставшемуся ему от природы. Полноводная Нева с ее

многочисленными рукавами и не менее многочисленные другие естественные, а затем и искусственные водные протоки вокруг невской дельты предоставили городу такие транспортные возможности, не воспользоваться которыми было бы просто грешно. Уже осенью 1704 г. Петр I закладывает на левом берегу Невы судостроительную верфь — Адмиралтейство. Вдоль Невы, сначала на левом, а потом и на правом берегу, возникают и другие промышленные предприятия: канатный и смоляной дворы, партикулярная верфь, буяны для складирования и хранения товаров, пристани для их разгрузки, первый Гостиный двор для торговли плодами производства.

В этом смысле характерна судьба Обводного канала. Еще до того как он полностью вошел в промышленную эксплуатацию, на его берегах, как грибы после дождя, один за другим начали возникать фабрики и заводы. Их было так много, что реакция городского фольклора едва поспевала за событиями. Как правило, она была отрицательной. Обводный канал, который в народе называли «Новой канавой», подвергся уничижительной оценке: «Батюшка Питер бока наши вытер, а матушка Канавка совсем доконала».

Традиционным производством для Петербурга всегда было строительство кораблей. Известно, какое значение придавал Петр строительству военно-морского флота. Он не оставлял его без внимания даже во время частых отлучек из Петербурга. В фольклорной энциклопедии петербургской жизни первой четверти XVIII в. сохранился характерный обмен «посланиями» между царем и первым генерал-губернатором Петербурга А. Д. Меншиковым:

Петр I — Меншикову:

Высылаем сто рублей
На постройку кораблей.
Напишите нам ответ,
Получили али нет.

Меншиков — Петру:

Получили сто рублей
На постройку кораблей.
Девяносто три рубли
Пропили и прое....
Остается семь рублей
на постройку кораблей.
Напишите нам ответ,
Строить дальше али нет.

Петр — Меншикову:

Воля царская моя:
Я не знаю них...,
С кем пили, кого е...
Мне, чтоб были корабли.

Петербургское Адмиралтейство в начале XVIII в. было единственным в Европе судостроительным предприятием, которое могло похвастаться величественным зрелищем — спуском корабля на воду перед самыми окнами императорского дворца. Спуском руководил адмирал Ф. А. Головин, отчего в Петербурге все новые корабли называли «новорожденные детки Головина». Сам царь лично вручал старшему мастеру спущенного корабля на

серебряном блюде по три серебряных рубля за каждую пушку. Говорят, что еще несколько лет после смерти Петра мастер в день спуска нового корабля в память о великом императоре одевался в черную траурную одежду. Только при жизни Петра I, то есть с апреля 1706 по январь 1725 г., на стапелях Адмиралтейской верфи было построено более 40 кораблей, а до середины 1840-х гг., когда Адмиралтейство как судостроительное предприятие полностью утратило свое значение, на воду было спущено около трехсот кораблей.

Вслед за Адмиралтейством в Петербурге появились и другие судостроительные заводы: Охтинский, Ново-адмиралтейский, Балтийский, Северный. Спуски кораблей в воду торжественно обставлялись. Ритуал спуска тщательнейшим образом разрабатывался в высочайших кабинетах и согласовывался лично с императором, на спуске присутствовали многочисленные члены царской семьи, а зачастую и сами царствующие особы. Служились торжественные молебны, произносились речи, на счастье разбивалось шампанское, награждались строители. Однако не все проходило гладко. Так, 1 января 1799 г. со стапеля должны были сойти сразу четыре корабля: «Михаил», «Эммануил», «Святая Анна» и «Благодать». На спуске присутствовал сам Павел I. Но дело не заладилось. Первые три сошли со стапеля вполне благополучно, а последний застрял. Вскоре в городе появился анекдот:

Молодой князь А. С. Меншиков, будущий морской министр, сказал, обращаясь к императору:

— «Анна» сошла славно, а «Благодать» велит себя подождать.

Известный петербургский салонный остро слов как в воду глядел. Ждать пришлось долго. Корабль «Благодать» был спущен на воду только 1 августа 1800 г.

Но еще более мощными темпами, чем судостроение, в Петербурге развивалось строительство зданий, как общественных и производственных, так и гражданских. Благодаря строительству в Петербурге появлялись новые имена предпринимателей, вовлеченных в возведение зданий и сооружений. Они становились известными наравне с именами вельможных сановников. Среди них было и имя Василия Федуловича Громова. Это был один из наиболее ярких представителей потомственной лесоторговой фирмы «Громов и К°». В Петербурге его называли «Лесным королем», хотя и не только это ставилось в заслугу известному лесопромышленнику. Большую часть доходов он отдавал на благотворительность, принимая участие в строительстве церквей, больниц для бедных и детских приютов.

Героем петербургского городского фольклора Громов стал благодаря популярному анекдоту, который любили рассказывать петербуржцы в пору строительства Исаакиевского собора. Как известно, под фундамент собора было забито более десяти с половиной тысяч деревянных свай. Петербуржцев восхищало все — и их впечатляющее количество, и технология забивки, и качество самого леса, поставляемого известной петербургской фирмой «Лесного короля». Патриотические чувства выплескивались наружу.

Однажды при забивке свай под фундамент Исаакиевского собора одна из них неожиданно легко ушла в землю. Поначалу это не вызвало особенного удивления. Все знали о топком петербургском болоте. Вслед за первой начали забивать другую сваю, но и та скрылась в болотистом грунте. Установили третью, четвертую... Все они бесследно исчезали из глаз строителей. Вдруг в Петербург из Нью-Йорка пришло сообщение:

— Вы испортили нашу мостовую.

— Причем здесь мы? — раздраженно ответили из Петербурга.

— Но на торце бревна, торчащего из земли посреди нашей дороги, стоит клеймо вашей

фирмы «Громов и К°», — пришел ответ из Америки.

Городские анекдоты сохранили память о строительстве и других петербургских зданий.

Случилось однажды Екатерине II прогуливаться вместе с флигель-адъютантом генералом Левашовым. Увидев в том месте, где, как ей казалось, стояли прескверные домишки, два огромных и прекрасной архитектуры каменных дома, сказала:

— Боже мой! Как еще строят здесь! И какие хорошие строения! Давно ли сие место было скверное, а теперь какие дома стоят.

— Так, государыня, — ответил Левашов, — но жаль, что фундаменты у этих домов слабы.

— Как слабы? Место, кажется, здесь сухое и высокое.

— Так, государыня, однако один из них построен на фундаменте из кофея, а другой на фундаменте из углей.

— Как это? — спросила государыня, удивясь.

— А вот так. Это дом вашего кофешенка, получающего жалованья 200 рублей, а этот комиссара угольного, получающего жалованья только 150 рублей в год; дом же один приносит до 7 000 рублей дохода.

Император Александр II, проезжая по Большой Конюшенной улице, обратил внимание на новый дом и спросил:

— Чей это дом?

Ему ответили:

— Булочника Вебера.

— У него хорошие дрожжи, — отметил государь.

Речь в последнем анекдоте идет о доме № 13 по Большой Конюшенной улице. А недалеко от него, на участке № 7/9 по Невскому проспекту стоит хорошо известный петербуржцам дом, в котором ныне размещаются кассы Аэрофлота. Однако не все знают, что первоначально дом возводился как банковское учреждение и принадлежал банкиру Михаилу Ипполитовичу Вавельбергу.

Дом выстроен в 1912 г. на одном из самых престижных участков Петербурга, на углу Невского проспекта и Малой Морской улицы, по проекту модного в то время петербургского архитектора М. М. Перетятковича. Здание представляет собой величественное сооружение, облицованное мощными блоками темного, грубо обработанного гранита, выполненное в стиле итальянских дворцов эпохи Возрождения. В Петербурге его прозвали «Дворец дождей», или «Денежное палаццо». Но в истории петербургской архитектуры он остался под именем своего первого владельца: «Дом Вавельберга». Сохранился анекдот о том, как богатый и немногословный банкир принимал дом от строителей.

Вавельберг долго водил строителей по многочисленным лестницам, коридорам и переходам и, не найдя к чему придраться, в конце концов, остановился у входных дверей. Долго молча смотрел на бронзовую табличку с надписью «Толкать от себя». Потом повернулся к

строителям и проговорил:

— Это не мой принцип. Переделайте на «Тянуть к себе».

Как мы уже говорили, по берегам Обводного канала одно за другим появлялись промышленные предприятия. В 1860 г. на левом берегу канала было основано предприятие по выпуску резиновой обуви — «Товарищество Российско-Американской резиновой мануфактуры». В 1908 г. предприятие, в полном соответствии с популярной заводской маркой, представлявшей собой пару черных равнобедренных треугольников, было названо «Треугольником».

В 1922 г. по настоянию рабочих и цвет заводской марки, и название самого завода были изменены. Они стали красными. Это, впрочем, никак не изменило чудовищных условий труда на заводе. Как и до революции, его называли «Резиновой каторгой».

Вероятно, под стать условиям труда было и качество продукции этой резиновой фабрики, которую давно уже окрестили «Гондонной». Анекдоты о резиновых изделиях «Красного треугольника» пользуются успехом у петербуржцев до сих пор.

Заспорили русский и американец, чья резина лучше.

— Однажды наш соотечественник выпал из окна сто первого этажа, — сказал американец. — Долетев до тридцатого, он зацепился подтяжками за выступ стены, был подброшен до первого и остался жив. Такая у нас резина.

— Ну и что? — охотно подхватил русский. — Наш соотечественник однажды в галошах «Красного треугольника» упал с Исаакиевского собора. Долетел до мостовой. Сам вдребезги, а галоши целы.

Качество продукции всегда было притчей во языцех городского фольклора. Даже тогда, когда в начале 1990-х гг. пресловутая идея перестройки охватила буквально все слои общества, в анекдотах можно было разглядеть недоверие к качеству собственной продукции. Иногда причина такого недоверия прозрачна, иногда скрыта в двусмысленных каламбурах. Для тех, кому имена и названия из того замечательного времени ничего не говорят, напомним, что Собчак был первым всенародно избранным мэром Петербурга, Кравчук — первым Президентом новой, свободной Украины, а КПСС — аббревиатура названия Коммунистической партии Советского Союза.

Ленинградское швейное объединение «Большевичка» и западногерманская фирма «Бурда моден» организовали совместное предприятие под названием «Бурда большевистская».

Ленинградская фабрика «Скороход» выпустила партию сапог на платформе... КПСС.

Бизнесмены Киева и Петербурга, создадим новую фирму «Собчук и Кравчук»!

Вторым после промышленного производства рычагом, с помощью которого Петербургу удалось опередить в развитии остальные города петровской России, была торговля. Городской фольклор к торговле относился с особым вниманием. Это и объяснимо. Часть населения города участвовала в ней в качестве продавцов и абсолютно все — в качестве покупателей. Понимала значение торговли и городская администрация. Для торговли создавались условия. Первый деревянный Гостиный двор появился на Троицкой площади — административном центре раннего Петербурга. Затем на Васильевском острове, рядом с вновь созданным морским портом, был построен каменный Гостиный двор. Но и он не вмещал всех желающих. Весной, с

приходом иностранных кораблей, рядом с Гостиным двором, в сквере позади торговой Биржи, разворачивалась торговля экзотическими заморскими диковинами: говорящими попугаями, хохочущими обезьянами, ленивыми черепахами. Этот стихийный рынок просуществовал вплоть до пушкинской поры. До нас дошел анекдот:

Некто из простолюдинов-украинцев облюбовал серого попугая, но, узнав от его владельца, что он стоит сто рублей, искренне возмущился:

— *За что же?*

— *Да ведь он умеет говорить, — ответил продавец-иностранец.*

На следующий день украинец принес продавать петуха за сто рублей.

— *За что же такая цена? — спросили у него.*

— *Он, конечно, не говорит, но зато дюже думает, — ответил находчивый петербуржец.*

Остатки первого каменного Гостиного двора и сегодня можно увидеть на Васильевском острове. В нем расположен один из факультетов Санкт-Петербургского университета.

Новый Гостиный двор был построен на углу Невского проспекта и Садовой улицы в 1785 г. Благодаря Гостиному двору петербургская фразеология обогатилась такой идиомой, как «Гостинодворская галантерейность» — елейная, подобострастная навязчивая обходительность «Гостинодворских сидельцев», как в старину называли продавцов. При этом вовсе не исключалось и самое обыкновенное хамство. Появилось и расхожее выражение «Гостинодворская публика». Оно относилось к посетителям театральных представлений из низкого, купеческого и ремесленного, сословия.

На галерее Гостиного двора располагались лотки торговцев ситников, калачей и кренделей. В проходах ютились торговцы пирожками по три копейки. Прохожий покупает пирожок, радостно надкусывает его и вдруг, поперхнувшись, кричит:

— *Да у вас в пирожках нитки холщевые!*

— *А тебе за три копейки с бархатными? — не смутясь, отвечает пирожник.*

Впрочем, с точки зрения городского фольклора, на качество уличных пирожков времена не влияют. В социалистическом Ленинграде горячие уличные пирожки были одним из самых любимых лакомств студенческой и рабочей молодежи. Однако даже они их называли не иначе как «Пуля в живот».

Однажды американское Центральное разведывательное управление решило выяснить происхождение необычного названия одного из районов Ленинграда — Веселый Поселок.

Послали опытного шпиона. Тот без всяких приключений добрался до Ленинграда, но по дороге в Веселый Поселок был раздавлен в автобусной давке и бесславно погиб. Второй агент оказался более удачлив. Он благополучно доехал до места назначения и с чувством выполненного долга купил пирожок с мясом, чтобы утолить голод. Едва надкусив, он почувствовал резкие боли в желудке и через короткое время скончался от отравления. ЦРУ посылает третьего. Проанализировав печальный опыт коллег, третий преодолевает все преграды, взяв с собой американские еду и воду. С интересом разглядывая Веселый Поселок, он не замечает, как к нему торопливо приближаются двое мужчин с радостными

возгласами:

— А вот и третий!

Поняв, что это окончательный провал, третий надкусывает ампулу с ядом и замертво падает к ногам незнакомцев.

Но вернемся в дореволюционную эпоху. На рубеже XIX и XX вв. самой известной и популярной торговой фирмой в Петербурге считалось торговое предприятие братьев Елисеевых. Слава их продовольственных магазинов распространилась далеко за пределами Петербурга. Елисеевы успешно торговали в Москве, Киеве, Париже. Их магазины отличались не только обилием и разнообразием продовольственных товаров, но и роскошью интерьеров.

Магазин колониальных товаров в Петербурге был построен Елисеевыми в 1903–1907 гг. по проекту одного из крупнейших архитекторов и общественных деятелей конца XIX — начала XX вв. Г. В. Барановского в самом центре города, на углу Невского проспекта и Садовой улицы. Это было яркое, чуть ли не вызывающее сооружение в новомодном стиле модерн. Архитектурный облик здания не сразу был принят взыскательными петербуржцами. Магазин Елисеева и в самом деле выпадал из привычного архитектурного ряда Невского проспекта. Не случайно в народе его долго называли «Кондитерским пирогом». Коммерческое назначение этого необычного здания подчеркивали огромные витринные окна и мощные аллегорические скульптуры Промышленности, Торговли, Искусства и Науки на фасадах.

В советское время Елисеевский магазин превратился в ленинградский гастроном № 1 с обязательным специальным отделом по обслуживанию партийной и советской номенклатуры — «Спецхавальником», как его окрестили в народе. При этом прилавки магазинов были удручающе однообразны. На них ничего, кроме скромного дежурного ассортимента товаров, не было. По анекдоту:

Возвращается купец Елисеев из мира иного в наши дни и, конечно, прямехонько — в свой магазин, на Невский. Смотрит, интерьеры, вроде, в порядке, иллюминация — тоже.

— Все будто по-прежнему, — замечает Елисеев, — магазин мой торгует, и Романов у власти... Только вот у входа стояло у меня по бочке икры — красной и черной... кому они мешали?

Между тем в ленинградском фольклоре Елисеевский магазин всегда оставался неким символом старого Петербурга и всегда вызывал в советском человеке чувство гордости за свой город и, замешанные на дрожжах исторической памяти, осторожные надежды на изменение общественного строя. Эта странная ностальгическая смесь, в которой неизвестно, чего было больше — печали по прошлому или тоски по будущему, породила уникальные образцы фольклора.

Телефонный разговор между Нью-Йорком и Петербургом:

— А в сквере, где стоял памятник Екатерине, что сейчас?

— Памятник Екатерине.

— А напротив, где был Елисеевский магазин?

— Елисеевский магазин.

— А там, где был Зимний?

— Зимний.

— А кто правит?

— Романов.

— Господи, тогда я срочно возвращаюсь.

В 1970-е гг. появился и зажил самостоятельной жизнью один из многочисленных вариантов расхожей поговорки: «Елисеев торгует, Мариинка танцует, Романов правит». Поговорка дошла до наших дней как напоминание о нашем недавнем прошлом, хотя мало кому из современных читателей известно, что возникла она из обыкновенного политического, как считали в то время, анекдота:

Иностранец, бывший петербуржец, возвращается из Советского Союза на родину. Его встречают тревожными вопросами:

— Ну, как в Петербурге?

— В Петербурге по-прежнему, — отвечает он. — Зимний стоит, Романов правит, Елисеев торгует.

Напомним, что «хозяином» Ленинграда в описываемое в анекдоте время был случайный однофамилец русских императоров, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Григорий Васильевич Романов, которого с ядовитой издевкой называли в народе «последним Романовым». Кстати, именно он возглавлял армию партийной и советской челяди, которая не без удовольствия пользовалась услугами «Спецхавальника» Елисеевского магазина.

Бывший владелец прекрасных Елисеевских магазинов в Москве и Петербурге уже в советское время побывал там. У него спросили:

— Ну, как нашли разницу до революции и после?

Он ответил:

— Ходят в них, как и прежде, и знать, и челядь. Только раньше с парадного хода входила знать, а с черного — челядь, а теперь наоборот.

В начале 1990-х гг., когда все стало постепенно возвращаться на «круги своя», одним из первых был переименован гастроном № 1. Он вновь стал Елисеевским. В фольклоре к этому времени был проведен своеобразный референдум, который выявил характерный для того времени разброс мнений. Сегодня он кажется странным, хотя результат «референдума» выглядит вполне предсказуемым.

На заседании комиссии по переименованию.

— У кого есть предложения по переименованию продовольственного магазина № 1, бывшего Елисеевского?

— Предлагаю в честь его основателя назвать «Магазин имени Елисеева».

— В связи с изменением ассортимента товара предлагаю назвать: «Магазин памяти

Елисеева».

— Предлагаю магазин передать потомкам его основателя и назвать: «Магазин Елисеева».

Надо полагать, услугами старого, еще дореволюционного Елисеевского магазина пользовались не только рядовые покупатели, но и многочисленные питерские рестораны, в том числе, возможно, и ресторан «Вена», что находился неподалеку от магазина, в доме № 13/8 по Малой Морской улице. Не зря же в фольклоре о нем сохранился характерный анекдот:

— Чем отличаются заседания в ресторане «Вена» от заседаний Венского конгресса?

— Тем, что из заседаний в ресторане «Вена» всегда уходят сытыми.

Советская власть разрушила традиции петербургской торговли сразу и надолго. Скучно и однообразно стало в немногочисленных ресторанах и пусто на прилавках магазинов. Городской фольклор не мог не отреагировать на эти достижения большевиков в области экономики.

Стоит человек перед пустым прилавком мясного магазина и материт Романова. Его тут же забирают в КГБ, где вежливо интересуются, чем же так не угодил гражданину товарищ Романов.

— А тем, что триста лет Романовы правили, а продуктов не смогли заготовить и на семьдесят.

Приехал в Ленинград Сенькин, первый секретарь Карельского обкома КПСС. Гуляет по Невскому с Романовым, первым секретарем Ленинградского обкома. Все проходящие здороваются с Сенькиным:

— Здравствуйте, Иван Ильич!

— Здравствуйте, Иван Ильич!

Романов обиделся.

— Что это вы так популярны в Ленинграде?

— А это не ленинградцы, это наши карелы за мясом приехали.

Идут по Садовой улице русский и американец. Видят: на углу огромная толпа.

— Что это? — спрашивает американец.

Русский подходит к толпе и вскоре возвращается.

— А-а, это яблоки выбросили, — успокоил он американца.

Американец извиняется, подходит к толпе, заглядывает внутрь, возвращается.

— Да, — соглашается он, — у нас такие тоже выбрасывают.

Понятно, что все это не могло не привести к определенным выводам. Фольклор воспользовался

для этого популярным среди ленинградцев 1970-х гг. кондитерским магазином. У него было романтическое название «Мечта». Он располагался в доме № 72 по Невскому проспекту. Его хорошо знали буквально все ленинградцы. Это был фирменный магазин, и поэтому здесь чаще, чем в других торговых точках, можно было приобрести подарочную коробку конфет, детские карамельные радости в виде конфет «раковые шейки» или побаловать себя другими кондитерскими дефицитами. Однако и здесь стали наблюдаться постоянные перебои с продуктами. Ассортимент товаров сокращался, а порой полки и витрины магазина встречали покупателей девственной чистотой. И тогда, как это часто происходило в общественной жизни, ситуацию прокомментировал городской фольклор. Появилось шуточное «постановление Ленгорисполкома»:

В связи с изменившейся ситуацией переименовать кондитерский магазин «Мечта» в магазин «Утраченные иллюзии».

И промышленность, и торговлю в единый производственно-торговый хозяйственный комплекс связывал городской транспорт. В XVIII, XIX да и в начале XX в., в основном, это был конный транспорт, без которого Петербург того времени невозможно представить.

Конный транспорт развивался вместе с городом. Если в середине XVIII в. количество извозчиков в городе едва превышало три тысячи, то к началу следующего оно выросло почти вдвое. С ростом города неизбежно возрастали оживление и теснота на улицах. Все это требовало какого-то упорядочения движения транспорта. В 1732 г. была предпринята первая попытка ввести в Петербурге правила движения. По улицам предписывалось «ездить смирно и на конях не скакать». Вскоре появилось и первое ограничение скорости: она не должна была превышать 12 верст в час. Однако на лихих питерских извозчиков никакие ограничения не действовали.

Екатерина II, желая удивить скоростью езды в России императора Иосифа II, приказала найти извозчика, который бы взялся на перекладных доставить императора в Москву в 36 часов. Такой ямщик нашелся и был приведен пред государыней.

— Берусь, матушка, — сказал он, — доставить немецкого короля в тридцать шесть часов, но не отвечаю, будет ли цела в нем душа.

Благосклонное отношение петербуржцев к скоростям, которые развивали тогдашние лихачи, проявилось и в другом анекдоте. Его героем стал отец Александра Сергеевича Пушкина Сергей Львович, который, высмеивая городских тихоходов, не щадил даже товарищей по писательскому цеху своего сына.

Комедиограф Алексей Данилович Копьев был известен в Петербурге не только своими остротами и проказами, но и худобой запряженной в карету четверки лошадей, которую с целью экономии вечно недокармливали. Однажды он ехал по Невскому проспекту. В том же направлении двигался пешком отец Александра Пушкина. Копьев предложил его подвезти.

— Благодарю, — ответил Сергей Львович, — но не могу, я спешу.

Жизнь ямщика была неразрывно связана с лошадью. И если в деревне полноправным членом крестьянской семьи испокон веков была корова, то в городе то же самое можно было сказать об извозчичьей лошади, хотя большинство питерских извозчиков личных лошадей не имели. Они принадлежали хозяину, у которого ямщик работал. Но традиционно домашнее обращение к лошадям оставалось. «Расправляйте ножки по питерской дорожке», — говорили ямщики своим кормильцам и выезжали на улицы города, где над ними могли и добродушно пошутить, и

безнаказанно посмеяться, и, чего доброго, просто отдать городовому. Впрочем, в фольклоре остались по большей части беззлобные шутки и розыгрыши, типа «Провези вокруг фонаря, не слова не говоря» или «Поезжай на угол Малой Охты и Тучкова моста». Сохранились и анекдоты.

— *Извозчик, какого ты мнения о Чацком?*

— *Помилуй, барин, рази можно в Питере всех извозчиков знать?*

Во второй половине XIX в. в Петербурге впервые появилась конка, или, как тогда говорили на официальном языке петербургской бюрократии, конно-железная дорога. Она стала первым видом общественного рельсового транспорта. Конка представляла собой двухэтажный с открытой верхней частью — империалом — вагон на колесах, в который впрягали лошадей. Скорость конки не превышала восьми километров в час, что, естественно, вызывало снисходительные улыбки нетерпеливых и вечно спешащих петербуржцев. На рабочих окраинах и вагончики были одноэтажные, и впрягали в них таких захудалых кляч, что скорость передвижения снижалась до пяти-шести километров. Вслед конке неслись издевательские выкрики: «Конка, догони цыпленка».

Конка была громоздким и не очень удобным видом транспорта. К тому же огромный, неуклюжий вагон, движущийся посреди улицы, в сознании обывателя трансформировался в образ некой слепой, бессознательной и непредсказуемой силы, представлявшей постоянную угрозу для жизни. Мрачноватым юмором веет от анекдотов о конке.

Встречаются две женщины.

— *Слыхала? На Невском конкой девочку раздавило.*

— *Уж не моего ли Ванюшку?*

— *Господи, твой же Ванюшка мальчик!*

— *А, станет конка разбираться?!*

Конка стала предтечей современного городского общественного рельсового транспорта. Для того, чтобы появился трамвай, оставалось немного. Надо было заменить живую силу впряженных в вагоны лошадей на мощь электрических моторов.

Первые трамваи начали регулярное движение по улицам Петербурга в 1907 г. Впрочем, в фольклоре трамвай оставался таким же видом транспорта, как и вагоны конно-железной дороги, — неуклюжим, медлительным и опасным. Не случайно впоследствии вагоны трамвая прозвали «Американками» — за внешнее сходство с огромными американскими пульмановскими железнодорожными вагонами. Подстерегавшая петербуржцев на каждом шагу опасность попасть под колеса трамвая рождала соответствующий фольклор.

— *Послушайте, господин! Как мне попасть в Обуховскую больницу?*

— *Видите, вон трамвай идет?*

— *Понимаю. Нужно сначала попасть на него.*

— *Нет, под него.*

- Слышали, какое несчастье случилось на Литейном? На Пуришкевича налетел трамвай.

— Ну, ну?

— И не раздавил его.

Вместе с неумолимым развитием этого нового вида передвижения трамвайная тема в городском фольклоре властно занимала свое место. Обратите внимание на злободневность, если можно так выразиться, тематических выкриков кондуктора при объявлении очередных трамвайных остановок в анекдоте 1930-х гг.:

— Граждане, платите, пожалуйста, сколько раз вам говорить...

— Некрасиво даже с вашей стороны... Улица Некрасова.

— Гражданка! Сойдите с подножки. Встаньте на площадку!.. Площадь Восстания.

— Мальчик, тебе сходить здесь... Проспект Юных Пролетариев.

— У кого еще нет билетов?! Заячий переулок.

— Биржа труда! Шестов больше нет!

Постепенно к трамваю привыкали. Он входил в повседневную жизнь ленинградцев и становился персонажем анекдотов. Вот трамвай 6-го маршрута, который проходил по 8-й линии Васильевского острова. Все ленинградские трамваи имели отличительные, соответствующие его маршруту световые обозначения в виде двух круглых одноцветных или разноцветных огней над лобовым стеклом. Благодаря этому горожане издали легко узнавали свой маршрут. У маршрута № 6 огни были синие. Пожилые ленинградцы это должны хорошо помнить. Впрочем, и новое поколение петербуржцев знакомо с отличительными огнями трамвайных маршрутов. В настоящее время в большинстве случаев они восстановлены. Правда, сейчас они не вызывают такие дикие первобытные ассоциации, как это было в те далекие времена, когда появился этот анекдот:

В одном из домов на 8-й линии каждый вечер открывалась форточка и в ней показывался обнаженный человеческий зад. По просьбе жителей в доме появился милиционер, который выяснил, что это неприличное действие каждый вечер прodelывала некая старушка.

— Что же вы, бабушка... в вашем возрасте... и не стыдно? — обратился к ней милиционер.

— И, сынок, чего же стыдно-то? — отвечала старуха. — Меня чирьи замучили, так мне доктор посоветовал лечиться синим светом. Так я и лечусь, как только трамвай «шестерка» появляется: у него огни-то синие.

Автомобильный транспорт входил в быт петербуржцев постепенно. Долгое время он оставался привилегией избранных. Но и он становился все более и более привычным. Во всяком случае, в документальных кадрах о жизни революционного Петрограда автомобиль уже появляется довольно часто. Может быть, поэтому в головах питерских школьников, помешанных на технике, «смешались в кучу» не «кони, люди», как это было в XVIII и XIX вв., а люди и автомобили. Вот что они пишут в своих школьных сочинениях:

Вдруг к Смольному подъехал автомобиль в штатском пальто.

В 1955 г. в Ленинграде была введена в эксплуатацию первая линия метро. Среди первых станций была и станция «Владимирская». В народе она известна под именем «Владимир». Через несколько десятилетий ее соединили подземным переходом с вновь открытой станцией «Достоевская». Забеспокоились ревнители правильного русского языка. И появился новый анекдот:

В Петербурге открылась новая станция метро, названная в честь жены великого русского писателя «Достоевская».

Похожие ассоциации вызывают у петербуржцев и гостей города и другие названия станций метрополитена.

Приезжий у станции метро «Василеостровская»:

— Николая Островского знаю... Василия Островского не знаю...

Железная дорога давно уже стала в Петербурге одним из видов внутригородского транспорта. Это и понятно. При ее зарождении вокзалы, откуда дорога начиналась, старались строить на границе города. Но город постоянно разрастался, его границы расширялись, и часть железнодорожных путей при этом уже проходила по городским кварталам. Так железной дороге пришлось частично взять на себя внутригородские перевозки. Ею до сих пор широко пользуются жители спальных районов при поездках на работу и обратно.

Железная дорога между Петербургом и Москвой была сдана в эксплуатацию в 1851 г. Названная Николаевской в честь императора Николая I, в эпоху которого была построена, она была в полном смысле прямой, или прямолинейной, как и характер самого Николая. Говорят, предваряя проектирование, Николай наложил на географическую карту линейку и провел прямую черту между двумя столицами. «Чтоб не сбиться с линии, не то повешу», — отрезал царь, передавая карту строителям. Ослушаться императора остерегались. Дорога действительно получилась прямой как стрела. Если не считать одного отрезка почти в самой середине железнодорожной колеи, связанного с особенностью местности. На этом участке подъем оказался настолько крут, что его пришлось обогнуть. Однако тут же родилось фольклорное объяснение этому обстоятельству. Будто бы так на карте, переданной Николаем I строителям, карандаш обошел выступавший перед линейкой палец императора. Переспрашивать не рискнули, и случайное полукружие, старательно повторенное на местности, так и осталось. Этот участок до сих пор называется «Палец императора».

В отличие от европейских железных дорог, железнодорожная колея в России была несколько шире. В Петербурге по этому поводу с удовольствием рассказывали забавный анекдот.

Император Николай Павлович утверждал окончательный проект дороги. Нерешенным оставался единственный вопрос: какой должна быть стальная колея — узкой, как в Германии, или шире, на чем настаивали отечественные инженеры. Царь с утра был не в духе. Ему надоели споры и препирательства строителей. Он раздражался.

В последний раз просматривая проект, на мгновение задумался и размахисто написал: «На х... шире». Но никакого знака в конце не поставил. Ни восклицательного, ни вопросительного. С тех самых пор колея российских железных дорог на несколько сантиметров шире, чем в Европе.

Как мы уже говорили, Николаевской железная дорога была официально названа после смерти Николая I, в царствование которого была построена. Но в 1923 г. она была переименована. В честь Октябрьской революции ее назвали Октябрьской. Это окончательно запутало фольклор.

Мало того, что революция произошла не в октябре, а в ноябре, так ведь и новые поколения о ней знают все меньше и меньше. Но название употребляется до сих пор, хотя попытки осмыслить это обстоятельство в фольклоре существуют.

В связи с переходом на единый общеевропейский календарный стиль Октябрьская железная дорога переименована в Ноябрьскую.

Николаевская железная дорога была не первой, с которой познакомился Петербург. Еще в 1837 г. была введена в эксплуатацию Царскосельская железная дорога, которая затем была продолжена до Павловска. Статус первой и старейшей в России этой железной дороги поддерживается в умах петербуржцев самыми разными способами и средствами. Так, в мемориальном зале на втором этаже Витебского, бывшего Царскосельского вокзала экспонируются живописные картины железнодорожного быта того времени, а на перроне установлен макет первого поезда, курсировавшего между столицей и его ближайшими пригородами более 170 лет назад. Свидетельства почтительного уважения к патриарху железных дорог России сохранились и в фольклоре.

На Витебском вокзале, у макета первого поезда:

— Смотри, какой старый паровоз.

— Да... говорят, еще Петр Первый на нем ездил.

Глава 6. Горожане

В том, что питье на Руси патронировалось государями, ничего удивительного не было. Государственная монополия на водку приносила неслыханные доходы. Чтобы понять, насколько они «неслыханны», приведем только один пример. Церковь Воскресения Христова, что у Варшавского вокзала, в народе называют «Копеечной». Бытует легенда, что церковь строилась не только на пожертвования членов общества трезвенников, но и на деньги специального налога...

Для Петербурга понятие «многонациональный» никогда не было ни пропагандистской идеологической формулой, ни расхожим литературным штампом. Петербург действительно с самого своего рождения был многонациональным. Если не считать солдат петровской армии и шведских пленных, то первыми строителями Петербурга были финны, издавна населявшие Приневскую низменность. Первым архитектором был швейцарец итальянского происхождения Доменико Трезини. Первым генерал-полицимейстером — португальский еврей Антуан Девиер. Это было первое поколение петербуржцев. Прорубив «окно в Европу» для россиян, Петр Великий широко распахнул двери России для европейцев. В Петербург буквально хлынул поток ремесленников и торговцев, корабелов и волонтеров, кондитеров и строителей разных национальностей. И не только из зарубежных стран. В XIX в. фольклор предложит формулу, которая выкристаллизуется в поговорку. Ею будут гордиться многие поколения истинных петербуржцев: «Псковский да витебский — народ самый питерский». Петербург и в самом деле славился не только своими иноземными, но и отечественными провинциальными корнями, гордился своей многонациональностью. На масленичных и пасхальных гуляньях балаганные деды, неторопливо раскручивая бумажную ленту потешной панорамы с изображениями различных городов, бойко слагали рифмованные строки:

А это город Питер,
Которому еврей нос вытер.
Это город русский,
Хохол у него французский,
Рост молодецкий,
Только дух немецкий!
Да это ничего — проветрится.

Ему вторил другой балаганный затейник с накладной бородой и хитровой улыбкой плутоватого деда:

Черной Речкой немцы завладели,
В Павловске евреи засели,
А с другой стороны чухонские иностранцы —
Господа финляндцы.

Вопреки расхожему мнению, ведущему свое начало от блестящей пушкинской метафоры «на берегу пустынных волн», Петербург вырос далеко не на пустом месте. Только в границах исторического центра города существовало около сорока различных поселений. Некоторые из них еще до шведской оккупации Приневья принадлежали Новгороду. Но большинство этих поселений были финскими. До сих пор в топонимике многих исторических районов Петербурга отчетливо слышатся финские интонации: Купчино, Парголово, Автово, Кавголово, Шушары, Коломяги...

В начале XVIII в. район от Мойки в сторону современной Дворцовой площади, где находилась финская слобода, называли «Финскими шхерами». Проживали финны и на Выборгской стороне. Они старательно подчеркивали свою самостоятельность и автономность и даже Петербург называли по-своему — «Пиетари». Авторитет трудолюбивых и добросовестных финских крестьян в Петербурге был настолько высоким, что среди русских молочниц сложилась языковая традиция произносить слова «молоко», «масло», «сливки» на финский манер. Этим они старались продемонстрировать высокое качество своего товара. А широко распространенный в Петербурге XIX в. образ девушки-молочницы с Охты был запечатлен Пушкиным в «энциклопедии петербургской жизни» — поэме «Евгений Онегин»:

С кувшином охтенка спешит,

Под ней снег утренний хрустит.

Кроме молока финские крестьяне снабжали постоянно растущее население столицы и другими продуктами как животноводства, так и земледелия. Постепенно складывался так называемый «Финский пояс Петербурга», обитатели которого, или «Пригородные чухны», как их называли в обиходной речи, долгое время довольно успешно справлялись с этой задачей.

Финские крестьяне были постоянными и неперенными участниками всех, особенно зимних, петербургских народных гуляний. Тысячи извозчиков наезжали в Петербург на две короткие масленичные недели со своими легкими расписными, празднично украшенными санками, которые, как и их возниц, петербургские обыватели называли «Вейками» — от финского слова «veikko», что в переводе означает «друг», «товарищ», «брат». Считалось, что не прокатиться на масленице, как тогда говорили, «на чухне», все равно что и самой масленицы не видеть. Это было красиво и весело. А главное — дешево. Дешевле, чем у русских ямщиков. Плата за проезд в любой конец города составляла тридцать копеек. Широкой известностью пользовалась в Петербурге поговорка финских легковых извозчиков, которую, коверкая язык, любили повторять горожане: «Хоть Шпалерная, хоть Галерная — все равно тридцать копеек». В доказательство сравнительной доступности финских извозчиков приводился анекдот о своих, доморощенных «Ваньках»:

Нанимает одна дамочка извозчика, чтобы доехать от Николаевского вокзала до Николаевского моста. «Ванька» за такой пробег требует полтинник.

— Помилуй, Господь с тобой! — восклицает барыня. — Полтинник? Двугривенный! Тут два шага.

А «Ванька» ей в ответ:

— Широко шагаешь, барыня, штаны порвешь.

О неторопливых, добродушных финнах, приезжавших на праздники в Петербург, по городу ходили веселые анекдоты.

Приехал чухна на Пасху в Петербург и по совету русских приятелей пошел в церковь.

— Ну, как, — спросили его друзья, когда тот вернулся, — понравилось?

— Понравилось-то понравилось, только вот ничего не понял.

— ?!

— Выходит поп и, обращаясь к толпе, кричит: «Крестовский остров», а толпа ему хором отвечает: «Васильевский остров».

Русские хохочут над простодушным финном, которому в пасхальном приветствии: «Христос воскрес — воистину воскрес» слышатся названия островов. Финн не понимает, но тоже смеется.

До сих пор в Петербурге бытует ругательство: «чухна парголовская». Это ругательство пришло к нам издалека. Известен петербургский анекдот, относящийся к середине XIX в.

Николай I при посещении Первой гимназии грубо сказал директору, указывая на одного из учеников:

— А что там у вас за чухонская морда?

Директор что-то пробормотал, на что Николай I добавил:

— Первая гимназия должна быть во всем первой. Чтоб таких физиономий у вас тут не было.

Впрочем, скорее всего, приведенное ругательство имеет не национальный, а территориальный характер, по типу «шпана лиговская». Правда, не исключено, что этимология ругательства иная. Мы знаем, что в арсенале городского фольклора имеются самые неожиданные варианты эмоциональной брани с примесью инонациональных особенностей: от пренебрежительного «чухна» и раздражительного «Сатана-Пергана» до оскорбительного «вейки — от х... шейки».

Советская власть нанесла жестокий и непоправимый удар по финскому поясу Петербурга. Многие финские судьбы были исковерканы. Одни финны подверглись чуть ли не насильственной ассимиляции — им менялись родовые имена и фамилии на русифицированные варианты. Другие были выселены в глубинные районы страны. Третьи тихо доживали отпущенные им нелегкой судьбой годы и незаметно вымирали. Анекдоты на эту тему горчат неистребимой безысходностью.

В Петербурге осталось всего два финна: фининспектор и Финкельштейн. И то впоследствии выяснилось, что это один человек.

Перевозжу с немецкого и финского на... Волковское.

На старинном «многонациональном» Волковском кладбище издавна существует лютеранский участок, где финны, исповедующие эту религию, находят последнее упокоение.

Другой национальной общиной, оставившей значительный след в петербургском городском фольклоре вообще и в анекдоте в частности, были евреи. И не только потому, что играли довольно заметную роль в политической, деловой и общественной жизни города, но еще и потому, что авторами многих анекдотов о евреях в Петербурге были они сами. Евреи и в самом деле народ не только активный, умный, талантливый и деловитый, но и щедро одаренный природой таким спасительным свойством, как самоирония.

Согласно документальным свидетельствам, первые евреи появились в Петербурге при Петре I, хотя, как известно, лично он к ним относился с осторожностью. Правда, при этом всегда, говоря о евреях, подчеркивал, что для него важнее их деловые качества. Но, по большому счету, только после присоединения к России Польши и Литвы, в результате чего евреи, проживавшие на этих территориях, автоматически стали подданными Российской империи, они постепенно начали появляться в столице. В городском фольклоре известно, что первыми шутили по этому поводу сами евреи:

— Что было раньше Петербурга? — говорили они. И сами себе отвечали: — Пустыня. Вот теперь Бердичев.

Постепенно центр российской еврейской жизни перемещался в Петербург. Достаточно напомнить, что, если в 1881 г. в Петербурге насчитывалось 16 826 евреев, то уже через 20 лет, в 1900 г., их было более 30 000. Между тем процесс этот сопровождался различными, порой совершенно абсурдными ограничениями. Так, например, Сенат почти одновременно издал два указа, взаимоисключающих друг друга. По одному из них, в Петербурге имели право жить фармацевты, но только до тех пор, пока не становились торговцами. По другому — еврей-торговцы могли селиться и жить в Петербурге до тех пор, пока не поменяют своей профессии.

Встречаются в поезде два еврея. Оба Рабиновичи.

— Вас за что выслали? — спрашивает один.

— Я дантист, но мне надоело лечить зубы, и я стал торговать. А вас?

— Мне противно стоять за прилавком, я поменял профессию, вот меня и выселяют.

— Знаете, есть комбинация.

— Какая?

— Давайте поменяемся документами. Не все ли равно русскому правительству, какой Рабинович служит, а какой торгует.

Среди ограничений, официально предусмотренных для евреев в дореволюционной России, была и служба в царской армии. Обязательному призыву в армию евреи не подлежали. Но в армии они все-таки были. В основном вооруженные силы пополнялись евреями через своеобразный армейский институт кантонистов. Это были самые низшие солдатские школы, на обучение в которые брались двенадцатилетние, а зачастую и семи-восьмилетние мальчишки. Среди них было много еврейских детей. Идея Николая I, при котором эти школы появились, сводилась к возможности таким образом принудить еврейских ребятишек перейти в православие. Для обратившихся предусматривались даже специально предусмотренные льготы: освобождение от податей, списание недоимок и т. д. Правда, даже это не помогало: в казармах мальчишки ухитрялись молиться своему Богу и сохранять религиозные убеждения и традиции предков. В Петербурге на эту тему ходили анекдоты.

Однажды по случаю Пасхи весь двор в парадной форме присутствует на богослужении, и царь целует присутствующих, говоря:

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес, — отвечают ему.

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес.

— Христос воскрес!

— Никак нет. Это неправда.

Оказалось, что часовый был евреем.

Хорошо известно, что после «победы социалистической революции» антисемитизм в России вообще и в Петрограде в частности усилился. Среди множества причин этого, казалось бы, странного в условиях провозглашенного революцией абсолютного равенства всех народов и вероисповеданий явления рискнем назвать две наиболее очевидные. Во-первых, евреи, как люди наиболее забитые и угнетаемые множеством узаконенных социальных и административных ограничений при царизме, приняли активнейшее участие в революционном движении, а именно это им не могли простить народные массы, которые, несмотря на все уверения советского агитпропа, революцию, по большому счету, не приняли. Во-вторых, евреи, по сравнению с абсолютным большинством многомиллионного российского населения, в силу

многовековой религиозной традиции были людьми более грамотными, и это давало им возможность занимать более привлекательные должности в партийной иерархии, в народном хозяйстве и в армии. Это вызывало атавистическую зависть, переходящую в обыкновенную ненависть, позволявшую виновниками нищеты, неустроенности и бедствий видеть евреев. При этом нельзя забывать о кровавых методах «огня и меча», с помощью которых большевики добивались своих политических и экономических целей. Понятно, что как среди исполнителей этих средневековых акций, так и среди их жертв были евреи. Но в массовом сознании все жертвы были уравнины в правах на смерть, а выделялись и выделялись только исполнители. Так или иначе, но даже смерть «вождя всех трудящихся» Ленина, которая повергла страну в многодневный траур, стала поводом для антисемитских выпадов.

Комсомолец агитирует бабушку:

— *Ленин умер, а идеи его живы.*

Бабушка отвечает:

— *Вот то-то, милоч, и худо, что Ленин умер, а иудеи его живы.*

Перед картиной «Ленин на субботнике». Ленин, расталкивая толпу экскурсантов: — Товарищи! Рядом со мной изображены Зиновьев и Троцкий. Это ложь. Эти товарищи по субботам не работают.

— *Почему РСФСР читается одинаково слева направо и справа налево? — Чтобы и Ленину, и Троцкому было читать одинаково удобно.*

Встречаются на том свете Карл Маркс с Лениным.

— *Вы какой национальности, Владимир Ильич?*

— *Я — русский.*

— *Да, да, конечно. А я немецкий.*

Цветущее древо государственного антисемитизма регулярно приносило свои горькие плоды. Смачные анекдоты ненавязчиво напоминали, кто есть кто. Чтобы не забывали.

Трамвай идет по Ленинграду. Кондуктор объявляет остановки:

— *Площадь Урицкого.*

— *Бывшая Дворцовая, — комментирует старый еврей.*

— *Улица Гоголя.*

— *Бывшая Малая Морская, — добавляет он.*

— *Проспект 25-го Октября.*

— *Бывший Невский.*

— *Замолчите, наконец, товарищ еврей, бывшая еврейская морда.*

— А вы знаете, что Ломоносов еврей?

— С чего бы это?

— Его настоящая фамилия Ораниенбаум.

Наконец, евреи попробовали огрызнуться.

В отделе кадров:

— Имя?

— Аркадий.

— Отчество?

— Исаакович.

— Еврей?

— Нет.

— Но ведь Исаакович?

— По-вашему, если Исаакиевская, то уже не церковь, а синагога?

Накануне московских Олимпийских игр 1980 г., в обмен на некоторые уступки Запада, был разрешен выезд евреев из Советского Союза. Поток эмиграции оказался таким мощным, что не появиться анекдотам на эту захватывающую тему было просто нельзя. И они появились.

Если эмиграция пойдет такими темпами, то в стране останутся всего два еврея: в Ленинграде — Аврора Крейсер и в Москве — Мишка Талисман.

После такой эмиграции в Ленинграде останутся всего два еврея: Аврора Крейсер и Дора Говизна.

Ситуацию прокомментировал даже далекий Сыктывкар. Вот анекдот из «Обстоятельного собрания современных анекдотов», выпущенного в свет сыктывкарским издательством в 1991 г.:

Ленинградский жилищно-строительный трест соревнуется с гражданами, уезжающими из СССР: кто больше квартир сдаст государству. Евреи обгоняют.

В конце 1980 — начале 1990-х гг., благодаря известным демократическим изменениям в России, положение заметно стабилизировалось. Выезд евреев из страны несколько сократился. Ленинградские евреи тут же на это отозвались, сравнив два знаменитых канала — Грибоедова здесь, у нас в России, и Суэцкий там, в Египте. Посредником выступили армяне.

«Армянское радио» спросили:

— Чем отличается канал Грибоедова от Суэцкого канала?

— Евреи на канале Грибоедова живут по обе его стороны.

Но и с уменьшением процента еврейского населения в ленинградском социуме антисемитизм никуда не делся.

У памятника Суворову в величественной позе стоит генерал. Мимо проходит старый еврей.

— *Товарищ генерал, — с сильным акцентом обращается он к генералу, — это памятник Суворову?*

— *Суворову, Суворову, — передразнивая и сильно картавя, отвечает генерал.*

— *Да что же вы мне-то подражаете? Вы ему подражайте.*

Однако отношение к пресловутому «еврейскому вопросу» все-таки заметно изменилось. Как со стороны русских, так и со стороны самих евреев. В фольклоре эти изменения еще едва заметны, но при желании их можно разглядеть. Вот анекдот, появившийся в самом начале перестройки.

— *Дорогие товарищи, приглашаем вас в Дом культуры имени Первого мая на Карла Маркса, 37, на кинофестиваль «Израиль сегодня». За два часа вы побываете в Израиле, приятно отдохнете, встретитесь с хорошими людьми.*

— *Простите, но при чем там Карл Маркс?*

— *А Карл Маркс там ни при чем. Карл Маркс там — проспект.*

Твердыми продолжателями дела Ленина — Сталина в национальной политике остаются только настоящие русские патриоты. Их лозунг всегда был последовательным и недвусмысленным:

Октябрьская революция — это результат жидомасонского заговора... и мы никогда не отступим от ее завоеваний.

Оглядываясь назад, надо признать, что во времена перестройки само понятие патриотизма было настолько дискредитировано, что им опасались пользоваться даже с самыми благородными намерениями. Трудно сказать, в какой среде, русской или еврейской, появился короткий анекдот, который как ушат ледяной воды обрушился на головы доморощенных ура-патриотов:

В России осталось два русских патриота. В Москве — Кобзон, в Петербурге — Розенбаум.

Тлеющие угли антисемитизма время от времени вспыхивают. Понятно, что не сами. Их старательно пытаются превратить в пламя. Для этого вовсе не обязательно, чтобы героями анекдотов стали замечательные певцы, исполнители подлинно патриотических песен, евреи с подозрительно нерусскими фамилиями Иосиф Давыдович Кобзон и Александр Яковлевич Розенбаум.

После спектакля «Евгений Онегин» в Мариинском театре к дирижеру за кулисы подходит еврей.

— *Скажите, пожалуйста, Онегин еврей?*

— *Нет.*

— *А Татьяна?*

— Нет.

— А Ольга?

— Нет.

— А Ленский?

— Да, — раздражается дирижер.

— Ну вот, сразу и убили.

Ну а если угли разгорелись еще недостаточно, можно подбросить еще один анекдот:

Туристы из Израиля в Петербурге. Гид объясняет:

— *Перед вами Дворцовая площадь и Эрмитаж.*

Его прерывает старый еврей:

— *Скажите, пожалуйста, где у вас тут синагога?*

— *А напротив, через Неву — Петропавловская крепость...*

— *Молодой человек, я же у вас спрашиваю: где у вас синагога?*

— *А вот это — Адмиралтейство...*

— *Вы что, русского языка не понимаете? Где у вас синагога?*

— *Вы меня извините, я молодой гид, а что такое синагога?*

— *Ну, это, где евреи собираются, поют.*

— *А! Это у нас называется Филармония. Так это за углом.*

Поводом к возникновению анекдотов могло послужить любое, даже самое безобидное обстоятельство. Всем известны личная дружба и сценическое товарищество двух замечательных московских актеров Александра Ширвинда и Михаила Державина. И все бы ничего, если бы не фамилия одного из них. Она никак не вписывалась в рамки подлинно русского патриотизма.

На совещании администрации Ленинского района Ленинграда.

— *Товарищи, от наименования «Ленинский» уже слегка подташничает. Почему бы не переименовать наш район в Державинский. Тем более, он тут жил и его особняк является украшением района.*

— *Хорошо бы. Но как можно называть целый район именем друга Ширвинда!?*

Армяне в истории Петербурга впервые упоминаются в указе от 1711 г., который предписывал как чиновникам, так и обыкновенным обывателям «армян как возможно приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда». Понятно, что часть армянских купцов по завершении дел в Петербурге возвращалась на родину. Но

некоторые приживались в сыром петербургском климате и оставались, как тогда выражались, «на вечное житье». Через десять лет после упомянутого указа армянская община в Петербурге насчитывала около тридцати дворов, а на Васильевском острове, в районе 3-й линии, уже существовала Армянская улица. В 1740 г. армянской общине было разрешено построить свою церковь там же, на 3-й линии Васильевского острова, на дворе армянина Луки Ширванова.

Армяне, проживавшие в Петербурге, были купцами и профессиональными военными, врачами и педагогами, чиновниками и торговцами.

Интерактивное радио. Звонок в студию:

— *Здравствуйте.*

— *Здравствуйте. Говорите, пожалуйста. Мы вас слушаем.*

— *Меня зовут Лена. Вчера на Кузнечном рынке я нашла кошелек. В нем три тысячи долларов, две тысячи дойчмарок и документы на имя Гарика Акопяна. Исполните, пожалуйста, для него хорошую песню. Спасибо.*

И второй анекдот:

Вокруг Медного всадника бегают, восторженно причмокивая и размахивая руками, армянин.

— *Вах, какой армян! Какой армян! Вах! Вах!*

— *Какой же это армянин? — удивленно спрашивает его прохожий.*

— *Это же русский царь Петр Первый...*

— *Какой царь?! Какой царь?! Ты что, не видишь написано: Газон Засеян?*

В составе сложной и многочисленной этносоциальной структуры населения Петербурга грузинам отдельная строчка не отведена. Их численность настолько незначительна, что растворена в графе «прочие». Однако, если судить по городскому фольклору, грузины в Петербурге составляют довольно заметную группу. В основном эти гордые и красивые люди вошли в фольклор в качестве героев городских анекдотов, связанных с предприимчивостью и повышенной деловой активностью.

Стоят на Дворцовой площади два грузина. Подходит человек:

— *Извините, у вас штаны грязные.*

Никакой реакции.

— *Извините, пожалуйста, у вас на брюках пятно.*

Вновь никакой реакции.

— *Простите, товарищ. Я к вам... У вас пятно на брюках...*

Наконец один из грузин оборачивается:

— *Паслушай, дорогой. Пасматри вокруг. Сколько прекрасного. А ты на мой зад смотришь.*

Автобус подходит к Манежной площади. Голос по трансляции:

— Следующая остановка кинотеатр «Родина».

— У «Родины» выходите? — обращается мужчина к стоящему впереди грузину. Грузин молчит.

— У «Родины» выходите? — нервничает мужчина.

Грузин молчит.

— Выходишь у «Родины»? — в исступлении кричит пассажир.

— Сам некрасивый! — орет грузин и лезет в драку.

Стоит грузин на Невском проспекте и, не обращая внимания на толпу, считает деньги.

— Простите, как пройти к Эрмитажу? — обращается к нему прохожий. Грузин, не поднимая головы, продолжает считать.

— Простите, вы не знаете, где Эрмитаж? — повторяет прохожий.

Грузин продолжает молча считать деньги.

— Извините, как пройти...

— Паслушай, — раздражается грузин, — что ты заладил «Эрмитаж, Эрмитаж». Дело делать надо.

Стоят на Невском проспекте грузины и о чем-то оживленно разговаривают. Подходит прохожий:

— Молодые люди, будьте так любезны, скажите, пожалуйста, как пройти к Эрмитажу?

Грузины его не замечают. Прохожий осторожно дотрагивается до одного из них и повторяет вопрос:

— Сто раз извините, но вы случайно не знаете, как пройти к Эрмитажу?

Наконец, один грузин оборачивается:

— Ты такой вежливый, ну, прямо настоящий ленинградец. Прайди, как хочешь.

На экзамене.

— Итак, Тоги, кто возглавил первую русскую кругосветную экспедицию?

Тоги молчит.

— Крузенштерн, — слышится подсказка.

— А-а! Наш земляк! Только немножко или немец, или еврей.

— Кто же это?

— Грузин Штерн!!! — радостно восклицает Гоги.

Заканчивается война между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Президент США выслушивает доклад начальника штаба:

— Наши войска заняли всю территорию СССР: Урал, Сибирь, Среднюю Азию, Кавказ...

— А это что за красная точка на берегу Финского залива? — нетерпеливо прерывает президент, тыча пальцем в карту.

— Это последний очаг сопротивления — город Ленинград.

— Мы что, не взяли Ленинград?

— Ленинград мы взяли. А это грузины Мальцевский рынок удерживают.

Традиционно сложилось так, что многие питерские рынки оказались под контролем торговцев из южных республик бывшего Советского Союза. Это Кузнечный рынок, который в фольклоре известен как «Кузнецы», или «Восточный», и Мальцевский рынок — «Мальцы», или «Черный». «Черным» называют также Невский рынок. О роли выходцев с Кавказа в жизни петербургских рынков можно судить по приведенному нами фантастическому анекдоту.

Как мы уже говорили, сфера деятельности грузин в Петербурге обширна и многообразна и, конечно же, не ограничивается торговлей на продовольственных рынках. Но есть одна область, приоритет в которой, судя по анекдоту, грузинам вообще не нужен. Нельзя сказать, что поведение грузин в Петербурге так уж целомудренно и безупречно, но то, что грузинские мужчины по отношению к своим женщинам ведут себя по-рыцарски, всем хорошо известно.

Заспорили грузин и ленинградец, где эхо лучше — в Грузии или в Ленинграде. Поехали в Грузию. Пошли в горы.

— Бляди-и-и-и...

И в ответ слышали многократное:

— Бляди... Бляди... Бляди...

Вернулись в Ленинград. Встали посреди Исаакиевской площади и крикнули:

— Бляди-и-и-и...

И через мгновение слышали со стороны Московского вокзала:

— Идем...

Говорить о чукчах в Петербурге как о некой национальной общности бессмысленно. Скорее всего, надо говорить о новом популярном герое целого цикла анекдотов, условное, собирательное имя которого — чукча. Некая литературная метафора, веселая карнавальная маска. Нечто сродни Штирлицу, Чапаеву, Вовочке или поручику Ржевскому. На самом деле анекдоты о чукчах — это анекдоты о глупых, тупых людях, или дураках, как принято говорить о них в народе, и к самим чукчам никакого отношения не имеют.

Из великого множества анекдотов о чукчах нас интересуют только те немногие, что имеют прямое отношение к самому Петербургу, к его реалиям или персонажам его истории. Их немного. Но они играют исключительно важную роль в петербургском городском фольклоре, пожалуй, такую же, как иногородние частушки про Петербург. И те и другие отражают взгляд на Петербург со стороны, извне.

Приезжает чукча в Ленинград, знакомится с биографией Ленина и впервые для себя открывает, что Ульянов и Ленин — это один человек, Маркс и Энгельс — это два человека, а Слава КПСС — вообще не человек.

Стоит чукча, упершись в Казанский собор, и толкает его. Собралась толпа.

— Что ты делаешь, чукча?

— Да вот, собор купил. Домой толкаю.

— Ну и далеко уже оттолкал?

— Да вроде далеко. Чемоданов уже не видно.

Правда, анекдоты об абстрактном или виртуальном чукче породили другие анекдоты, в которых обыгрываются этнические особенности героя. Популярный ленинградский певец, композитор и киноактер Виктор Цой прямого отношения к чукчам не имеет. У него другая национальная принадлежность. Но для фольклора гораздо важнее то обстоятельство, что он не такой, как все, не похож на других да еще и лицо его несет черты восточного происхождения. Именно это и делает его таким привлекательным для фольклора.

Выступает Виктор Цой с концертом в Петербурге. Во время перерыва вышел в гардероб покурить, к нему подходит милиционер.

— Что, чукча, пришел на Цоя посмотреть?

Из других достаточно крупных национальных диаспор Петербурга следовало бы выделить татар и немцев, да вот незадача: анекдотами о татарах, или анекдотами татарскими, к сожалению, мы не располагаем, а пару немецких анекдотов, посвященных немецкой принцессе, ставшей великой русской императрицей Екатериной Второй, мы уже рассказали на соответствующих страницах.

Говорить о национальностях в Петербурге, с одной стороны, просто уже потому, что в последние годы происходит мощный и необратимый процесс самоидентификации населения по национальному признаку. Своей национальностью начинают гордиться. Но с другой стороны, Петербург — это не «лоскутное многонациональное одеяло», где каждый лоскуток отделен от другого лоскутка ярко выраженным пограничным стежком. Скорее, Петербург представляет собой некий кипящий «плавильный котел», в котором многие компоненты давно уже сплелись в совершенно новую субстанцию, имени которой зачастую петербуржцы даже не знают. Впрочем, понятие «не знают» довольно условно. Фольклор на этот вопрос уже давно ответил:

— Национальность?

— Петербуржец.

Это примерно то же самое, что и понятие «Родина», в которое петербуржцы вкладывают свой

собственный, особый смысл:

— Где родился?

— В Ленинграде.

— А где живешь?

— В Купчине.

Родился в Петербурге, учился в Петрограде, работал в Ленинграде, хочу умереть в Петербурге.

Родился в Петрограде, живу в Ленинграде, но тоскую по родине.

Ленинградом наш город был на протяжении почти семидесяти лет. За это время сменились три поколения граждан, которые с гордостью называли и называют себя ленинградцами. Однако на эти три поколения пришлось самые страшные годы XX столетия. Гражданская и Отечественная войны, террор и блокадный голод смертельной косой прошли по сотням и сотням тысяч ленинградцев. От года к году их становилось все меньше и меньше. А их единственными привилегиями в этом мире до сих пор остаются почетное имя «ленинградцы» да коммунальные квартиры без всяких элементарных удобств — вечный крест и тяжкая ноша, сопутствующая им от рождения до кончины. Актуальность популярных в свое время анекдотов остается по-прежнему высокой:

— Ленинградцы? Какие ленинградцы? Все ленинградцы лежат на Пискаревском кладбище.

- Где можно встретить коренного ленинградца?

— В бане и в коммунальной квартире.

Уникальность понятия «ленинградец» состоит еще и в том, что в глазах всего мира ленинградцы являются не только прямыми наследниками дореволюционной петербургской культуры, но и представителями высочайшей культуры социалистического периода жизни города. И уже поэтому естественное уменьшение количества людей, родившихся в советском Ленинграде, давно вызывает беспокойство и озабоченность городского фольклора.

Старушка входит в переполненный ленинградский автобус. Никто ей не уступает место.

— Неужели интеллигенции не осталось в Санкт-Петербурге? — горестно вопрошает старушка.

— Интеллигенции, мамаша, до х..., а вот автобусов мало.

Но, как сказал Михаил Булгаков словами незабвенного профессора Преображенского, разруха начинается в головах. Интеллигенции было мало не только среди рядовых ленинградцев. Помните, мы говорили, что в старом Петербурге на роль «дураков» фольклор выбрал военных комендантов? В советские времена такими «козлами отпущения» стали первые секретари обкомов КПСС. Городской фольклор приписывал им такие образцы непроходимой глупости, которые простодушным военным комендантам и не снились.

С 1962 по 1970 г. должность первого секретаря Ленинградского обкома КПСС занимал

Василий Сергеевич Толстиков. По воспоминаниям ленинградцев, это был обыкновенный партийный чиновник, простодушие которого граничило с глуповатостью. По сохранившимся от того времени анекдотам можно легко судить об умственных достоинствах «хозяина Ленинграда».

Однажды в Ленинград приехала делегация американских конгрессменов. Встречал их первый секретарь Ленинградского обкома Толстиков. Тут же состоялась беседа. Один из конгрессменов среди прочего заинтересовался:

— Каковы показатели смертности в Ленинграде?

Толстиков уверенно и коротко ответил:

— У нас в Ленинграде смертности нет.

После просмотра нового кинофильма «Проводы белых ночей», в котором есть сцена развода Дворцового моста, Толстиков пришел в ярость, топал ногами и брызгал слюной от злости:

— Я вас сотру в порошок! — кричал он. — Вот тут у вас молодые люди гуляют, а перед ними поднимается бетонный мост, что это за символ?

При всей уникальности Петербурга как города с высочайшими культурными традициями ему не удалось избежать двух наиболее характерных для всех крупных промышленных и торговых мегаполисов пороков: мужского пьянства и женской проституции. Городской фольклор на ту и другую темы значителен по количеству и многообразен по жанрам и видам. Не составляют исключения и анекдоты, посвященные этим асоциальным явлениям.

Пьянство в Петербурге имеет давние традиции. Конечно, нельзя безоговорочно утверждать, что в пагубном распространении «питейного дела» виновен исключительно Петр I, но трудно умолчать о том, что первый петербургский трактир на Троицкой площади открыл и назвал «Австерией четырех ветров» именно он. А знаменитый кабаk вблизи Морского рынка в начале будущего Невского проспекта вообще носил его монаршее имя: «Петровское кружало». Традиция питья и в самом деле была заложена основателем Петербурга, хотя в фольклоре есть свидетельства того, что эта неизлечимая страсть внедрена в незапамятные времена на генетическом уровне.

Князь Цицианов, известный поэзией рассказов, говорил, что в деревне его одна крестьянка разрешилась от бремени семилетним мальчиком, и первое слово его в час рождения было:

— Дай мне водки!

В том, что питье на Руси патронировалось государями, ничего удивительного не было. Государственная монополия на водку приносила неслыханные доходы. Чтобы понять, насколько они «неслыханны», приведем только один пример. Церковь Воскресения Христова, что у Варшавского вокзала, в народе называют «Копеечной». Бытует легенда, что церковь строилась не только на пожертвования членов общества трезвенников, но и на деньги специального налога, которым были обложены все питейные заведения тогдашней России. Налог составлял всего одну копейку с каждой тысячи рублей дохода, но и этого будто бы хватило на все строительство.

Государственное присутствие в водочной торговле в Петербурге было более чем демонстративным. Над входами в кабаки вывешивались российские гербы, а над стойками и

столами красовались портреты царствующих монархов. Как утверждает фольклор, портреты исчезли только при Николае I.

Однажды в кабаке прямо под портретом Николая I разбушевался пьяный купец. Ругался матом и рассказывал срамные анекдоты. Кабатчик попытался его урезонить:

— И не совестно? Под портретом императора!

— А мне насрать на императора! — шумел купец.

На следующий день на стол Николая I лег письменный рапорт об этом вопиющем случае. Император прочитал донесение и сказал:

— Во-первых, мне тоже насрать на этого купца. А во-вторых, впредь мои портреты в кабаках не вешать.

Со временем исчезло и само слово «кабак». Репутация кабаков в России была низкой. Дело усугублялось еще и тем, что в кабаках традиционно подавались только спиртные напитки: пиво и водка. Закуска не полагалась. Так повелось еще в Казанском ханстве, откуда после завоевания Казани в 1552 г. при Иване Грозном они были занесены в Московию. Не случайно в народе кабаки называли шалманами, что в переводе с татарского означает «аркан с петлей». В XIX в. кабаки заменили трактирами. Их владельцам предписывалось предлагать посетителям и закуску. Но и трактиры не смогли облагородить питейный промысел. Поиск наиболее подходящих названий для обозначения русских питейных заведений растянулся на годы. Казалось, что найдись подходящее название, и с его помощью любой пивной или закуской можно будет придать новый, более высокий нравственный статус. Уже в советские времена появились рюмочные, распивочные, бары. Но память о старинных русских кабаках в народе никуда не исчезла.

У входа в бар гостиницы «Европейская» стоят двое мужчин и рассуждают:

— Гм, «бар». А если прочесть наоборот, получается «раб». Что же, мы с тобой — рабы? Уж лучше бы «кабак» написали, с обеих сторон одинаково получается.

Впрочем, советские трудящиеся не отличались ни капризной разборчивостью, ни интеллигентской брезгливостью. Пили везде, где только можно себе представить: в подъездах, в лифтах, в подворотнях, в дворовых скверах, на детских площадках, на садовых скамейках и даже в туалетах. При этом понятия о приличиях, морали и нравственности приобретают весьма специфические особенности.

Иностранец справляет малую нужду в сквере у Пушкинского театра.

— Молодой человек, как же вам не совестно? Это же Петербург... Центр города... В двух шагах отсюда общественный туалет...

— Простите, но я не посмел. Там два джентльмена пьют вино.

Лицом к Исаакиевскому собору стоит мужик и мочится на колонну. Сзади подходит интеллигентного вида мужчина и робко дотрагивается до плеча мужика.

— Простите, как пройти к Казанскому собору?

— Зачем тебе Казанский? Ссы здесь.

— Вчера обедал у Карамышева, на Невском. Очень прилично, даже ложки подают серебряные.

— Да что ты?! А ну покажи!

Масштабы пьянства были столь велики, что пьяный человек на улицах Ленинграда перестал вызывать всякую реакцию прохожих. Пьяных обходили стороной, если они могли еще стоять, их перешагивали на тротуарах, если они лежали поперек дороги, они не вызывали удивления, если валялись в скверах и подъездах.

На скамейке у Нарвских ворот спит пьяный. Милиционер пытается его разбудить:

— Вставай, чего разлегся.

Пьяный открывает глаза и, не отрываясь от скамейки, озирается по сторонам:

— Где я нахожусь... Где я?

— У Нарвских ворот.

— Так пойди и закрой ворота, а то в жопу дует, — и поворачивается на другой бок.

Горбачев в сопровождении первого секретаря обкома КПСС Зайкова проезжает мимо Московского вокзала. На тротуаре валяется пьяный. Горбачев укоризненно Зайкову:

— Смотри, что у тебя делается.

— Это не наш, Михаил Сергеевич, это москвич.

— А ты откуда знаешь?

— Наши в таком виде еще работают.

Пьяный на улице:

— Где я?

— На Невском.

— К черту подробности. В каком я городе?

В последние годы возникла новая мода на питье. Все большую и большую популярность среди молодежи приобретает пиво. Но и такой малоалкогольный напиток вполне может грозить серьезными беспорядками. Представление о пьяных погромах сохранилось с незабываемого 1917 г. Тогда в Петрограде слухи о ставших доступными винно-водочных царских погребах спровоцировали пьяные бунты, закончившиеся смертью от перепоя многих участников дикого разгула. Печальный опыт современных «репетиций» подобных спектаклей есть, к сожалению, мы уже имеем возможность наблюдать в пьяных пивных дебошах футбольных фанатов на улицах и в вагонах метро после спортивных матчей. Реальную опасность развития такого рода событий фольклор видел уже давно.

— Алло, Смольный?

— Да.

— У вас пиво есть?

— Нет.

— А где есть?

— В Зимнем.

— Ура-а-а-а!!!

Наш небольшой экскурс в историю петербургского пьянства мы начали с фантастического анекдота о семилетнем мальчике, первыми словами которого при рождении были: «Дай водки!» Закончить этот рассказ хочется другим анекдотом. Его героем стал современный ровесник того мальчика. Обратим внимание на то, что и ему, как персонажу нашего далекого прошлого, всеми силами непреерекаемого отцовского авторитета стараются привить старинные русские питейные традиции.

Сын возвращается домой из школы:

— Папа, я сегодня четверку принес.

Отец, не отрываясь от телевизора:

— Молодец, сынок! Поставь в холодильник.

Напомним, что одним из самых популярных сортов пива, выпускаемого петербургским пивзаводом «Балтика», является «Балтика № 4», или «Четверка», как ее любовно именуют в народе.

Петербург как крупный морской порт на берегу Финского залива с самого начала своего существования обладал всеми признаками европейского портового города. В том числе и отрицательными.

Проституция была неприятной, но неотъемлемой и естественной его принадлежностью. За тысячи лет мировой цивилизации технология спроса и предложения человеческого тела ничуть не изменилась. В Вавилоне ли, в Риме, Париже или Петербурге проституция всегда занимала соответствующее место в социальной иерархии. Отличие состояло разве что в прозвищах, которые с неподдельным изяществом носили служительницы неистребимого культа эроса. В Петербурге они были свои: «Невские ласточки», «Дамы из Гостиного», «Парколенинские промокашки», «Евы с Галерной гавани», «Петровские мочалки», «Невские дешевки», «Лиговские бляди». Носители подобных прозвищ излучали такой яркий спектр петербургской топонимики, что по ним можно было легко изучить географию города. Понятно, что фольклор не ограничивался только присвоением прозвищ. Были на эту тему и анекдоты.

В Петербурге уже начались сельские работы: дамы стали усиленно ЖАТЬ руки и КОСИТЬ глазом.

Пристала на Лиговке брюнетка. Через час будет считать мои деньги своей собственностью.

- Можно ли совершить половой акт на Невском проспекте?

— Нет, потому что будет много советчиков.

В 1901 г. на углу Невского проспекта и современной улицы Восстания была открыта гостиница «Эрмитаж». Затем она была переименована в «Отель дю Норд». Но вскоре и это название было переведено на русский язык — гостиница стала называться «Северной». Такой каскад переименований родил соответствующий анекдот о разочарованиях, частенько постигавших питерских камелей:

— Никому из этих мерзавцев мужчин нельзя верить: говорил, что его можно найти в Отель дю Норд, а оказался в Северной гостинице.

Надо сказать, что к созданию репутации Петербурга как города свободной и доступной любви невольно приложила свою руку и природа. Долгая мрачная холодная зима и затяжная весна в конце мая в Питере сменяется коротким и ярким летом с удивительным явлением прозрачных белых ночей. Люди, сбрасывая с себя тяжелые зимние одежды, стремительно высвобождают все свои эмоции и чувства. Понятно, что, по закону отражения, душевное обнажение порождает и свою обратную сторону — обнажение телесное. Для многих это не более чем метафора, и обнажение ограничивается легкими летними одежками. Но некоторые представительницы слабого пола понимают это буквально и скидывают с себя буквально все... по первому требованию клиента. Так петербургские белые ночи стали неким сомнительным символом городской проституции.

«Армянское радио» спросили:

— Что будет, если у всех блядей в стране начнут светиться глаза?

— Везде будут белые ночи, как в Ленинграде.

«Московское радио» задало своим провинциальным коллегам один вопрос:

— Правда ли, что у всех блядей блестят глаза?

«Армянское радио» отвечать отказалось.

«Одесское радио» сообщило:

— Если бы это было правдой, то в Одессе были бы белые ночи.

Петербургское радио обиделось:

— Просим без намеков.

Демографические последствия сексуальной близости понятны. Однако с этим далеко не все в Петербурге желали мириться. В середине XIX в. в Петербурге появилась поговорка, сначала в «рижском» варианте, а затем, с появлением железной дороги между Москвой и Петербургом, и в «московском»: «Съездить в Ригу» или «Съездить в Москву». Справедливости ради надо сказать, что ни Москва, ни Рига прямого отношения к смыслу этой изощренной фразеологической конструкции не имеют. Эта фраза типично петербургская, и родилась она среди прекрасной половины населения Северной столицы.

Речной и морской пассажирский транспорт играл заметную роль в повседневной жизни

старого Петербурга. Первыми средствами сообщения между многочисленными островами дельты Невы были паромные или лодочные переправы. Развивалось и пароходное сообщение. В XIX в. особенно любили петербуржцы морские путешествия в Кронштадт. Постепенно пассажирские суда овладели всей территорией Финского залива. Регулярное сообщение было налажено с Ригой. Путешествие по морю оказывалось гораздо дешевле железнодорожного и поэтому пользовалось большой популярностью у населения. Но ходить на убогих каботажных суденышках было небезопасно. Пассажиров укачивало. Их постоянно тошнило. Родилась даже пословица: «В Ригу хочется» или «Съездить в Ригу», то есть хочется рвать, вытошнить, от слова «рыгать». Название города Риги в этом смысле стало просто удобным эвфемизмом, более благозвучным, чем кажущееся вульгарным слово «рыгать».

Со временем появился и второй смысл этой идиомы. Иносказательно «Съездить в Ригу» означало тошноту во время известных физиологических изменений женского организма в связи с беременностью. Таким витиеватым образом в целомудренном XIX в. беременные женщины сообщали окружающим о своем новом состоянии.

Но как только наладилось более или менее регулярное железнодорожное сообщение с Москвой, петербургские красавицы тут же поменяли географические ориентиры. Дело в том, что количество дней, необходимых для тайного избавления от нежелательной беременности, совпадало со временем, вполне достаточным для деловой поездки в Москву и возвращения обратно. Таким образом, можно было легко сослаться на необходимость рабочего короткого путешествия и, не вызывая досужего любопытства, никуда не выезжая из Петербурга, благополучно уладить все вопросы собственного физического состояния. Эвфемизм «Съездить в Москву» превратился в удобный предлог для вынужденного исчезновения из глаз докучливых доброжелателей. Остается только сожалеть, что, если верить фольклору, не все заканчивалось благополучно.

— Вы слышали, вчера девушка кинулась в воду?

— Она была в меланхолии?

— Нет, она была в Москве.

Многочисленные попытки борьбы с пьянством и проституцией никаких серьезных результатов не давали. В отчаянье власти прибегали то к одним мерам, то к другим. Так, в социалистическом Ленинграде возникла целая сеть уникальных исправительных учреждений — вытрезвителей. В них методами советских тюрем и психушек пытались привести в чувство подобранных на улицах пьяных. Но и они, как этого и следовало ожидать, ничего, кроме озлобления и ненависти пьющего населения к органам правопорядка, не давали.

Раннее утро. На набережную Фонтанки у Чернышева моста из вытрезвителя выходит мужик. Небритый. Помятый. Побитый. Глядит — у парапета мальчик с удочкой.

— Дай, — говорит мужик, — и мне попробовать.

Мальчик боязливо протягивает мужику снасти. Тот закидывает леску и неожиданно вылавливает... золотую рыбку.

— Не губи меня человек, я исполню любое твое желание.

Удивился мужик, однако ответил скоро:

— Хочу, чтобы по всей Фонтанке плыли гробы с ментами.

— Но ведь среди милиционеров есть и хорошие, — осторожно вставил мальчик.

Мужик снова задумался.

— А хорошие, — задумчиво проговорил он, — пусть плывут в хороших гробах.

Формально милиция как организация, обеспечивающая охрану общественного порядка в городе и борьбу с преступностью, стала правопреемницей городской полиции. Функции и той и другой целиком совпадали. Напомним, что в 1718 г. в Петербурге была впервые создана Главная полицмейстерская канцелярия, а в 1917-м постановлением Петросовета образована городская рабочая милиция. В остальном — все то же.

Роняет старушка на Большом проспекте Васильевского острова платок. Милиционер подбегает, поднимает платок и подает бабушке:

— Вы уронили, бабуля.

— Спасибо, сынок, до революции жандарм матом обругал бы.

— Что ты, бабушка, нас за это е...

По Невскому проспекту идет милиционер. Видит, бабушка плачет.

— Что случилось, бабушка?

— Ах, сынок, кошелек украли. Последние десять рублей.

— Вот вам, бабушка, десять рублей. Не плачьте.

— Сынок, может, и кошелек отдашь?

Недоверие к милиции росло день ото дня. И закончилось полной и абсолютной уверенностью населения в том, что поведение стражей порядка поощряется их руководством.

Инспектор ГАИ просит у начальника ГАИ оказать ему денежную помощь. Через некоторое время последовал ответ:

— В порядке оказания материальной помощи установить на скоростном участке Московского шоссе дорожный знак «Ограничение скорости 40 км/час» сроком на один месяц.

Глава 7. Эпоха войн и революций

Зачем фольклору понадобилась тихая и незаметная, серенькая, как мышка, Надежда Константиновна? Пожалуй, для тех же целей, что и официальной пропаганде. В советской идеологической системе присутствие неслышной и невидимой Надежды Константиновны удачно оттеняло человеческие, гуманные черты непримиримого и бесстрастного вождя. А в фольклоре образ его подруги, безответной Наденьки...

Первая половина XX в. для России вообще и для Петербурга в особенности сложилась драматически. Войны и революции практически без остатка заполнили все ее годы. Едва ли не с самого начала столетия страну один за другим сотрясали политические катаклизмы. В 1904 г. разразилась Русско-японская война, закончившаяся страшным поражением России в Цусимском проливе и падением Порт-Артура. В январе 1905 г., вслед за «Кровавым воскресеньем», когда было расстреляно мирное шествие рабочих с петицией к царю, началась Первая русская революция. В 1914-м — Первая мировая война, в 1917-м произошли сразу две революции — буржуазная в феврале и социалистическая в октябре. С 1918 по 1922 г. вся территория России была охвачена кровопролитной братоубийственной Гражданской войной. В конце 1939 г. разразилась Советско-финляндская война, по большому счету означавшая вступление Советского Союза во Вторую мировую войну, и, наконец, с июня 1941 по май 1945 г. длилась Великая Отечественная война.

Понять и оценить происхождение и смысл этих исторических событий и, главное, предугадать их было непросто. Непонимание порождало страх. В начале века неблагоприятную роль барометра общественного мнения взяло на себя искусство. Например, символизм в литературе и особенно в поэзии и театре наиболее точно формулировал общественные предчувствия социальных сдвигов и тревожные ожидания кровавых ужасов. Однако то же общество требовало от культуры и другого. На уровне совокупного подсознания всех его членов общество понимало, что для обыкновенного выживания необходимо не так уж много. Надо было чем-то либо компенсировать, либо уравновесить страх перед будущим.

Именно тогда, в начале XX в., появился социальный заказ на особый вид культуры — смеховой. А поскольку смеховая культура ведет свое происхождение от древнего языческого карнавала, то наиболее ярко она проявилась в театральном искусстве. Безумные каскады веселых и смешных эстрадных интермедий и цирковых клоунад буквально обрушились на головы петербуржцев, давая счастливую возможность зрителям хоть на время забыться от житейских тревог и политических бурь, бушевавших вокруг.

Откликнулся на социальный заказ и фольклор. Появились политические анекдоты, которые в

первую очередь были рассчитаны на смеховую реакцию. И хотя все понимали, что смысл анекдота состоит совсем в другом, что в задачу анекдота входит не столько вызвать смех, сколько разбудить ассоциативное мышление, но именно за этот смех были более всего ему благодарны. Смех обладал целительным свойством, он пробуждал живительные силы организма. Этот опыт выживания с помощью смеха будет успешно повторен в будущем. Не будем забывать, что смех спасал даже в период страшной блокады Ленинграда во время Великой Отечественной войны. До нас дошли анекдоты, рожденные и бытовавшие в те годы, когда казалось, что в людях исчезла даже сама физиологическая способность смеяться. С эти феноменом мы еще встретимся.

А пока специально оговоримся вот о чем. В нашем повествовании встретятся анекдоты как современные тем событиям, о которых они рассказывают, так и те, что родились позже. Мы их не отделяем друг от друга и делаем это сознательно. И те и другие выполняют одну и ту же задачу: первые свидетельствуют о тех или иных событиях и интерпретируют их, вторые ссылаются на свидетельства других и тоже интерпретируют. Первые делают это непосредственно, вслед за событиями, и потому их интерпретация всегда точна, хотя и не всегда достаточно глубока, вторые — не всегда точны, но зато они появились благодаря приобретенному историческому опыту и явились результатом зрелого размышления. И уже поэтому отличаются большей глубиной оценок.

Итак, вернемся в начало XX столетия. Вплотную к Октябрьскому государственному перевороту 1917 г. Петроград приблизился в начале октября, когда скрывавшийся после драматических июльских событий сначала в Разливе, а затем в Финляндии Ленин вернулся в столицу. С этого момента начинается деятельная подготовка большевиков к вооруженному восстанию. К концу октября разногласия по поводу времени начала восстания среди заговорщиков прекращаются. Точку в споре единомышленников поставила знаменитая фраза: «Вчера было рано, завтра будет поздно». Правда, если верить фольклору, Ленину, как это нам внушали в течение семидесяти лет, она не принадлежит. Согласно городской мифологии, эту фразу уже потом придумал английский писатель Джон Рид, ставший свидетелем тех событий и описавший их в своей широко известной книге с эффектным названием «Десять дней, которые потрясли мир». А что же Ленин? У фольклора на этот счет есть свой ответ.

Некоторые большевики хотели сделать Октябрьскую революцию летом под предлогом того, что летом юнкера всегда уходили в отпуск. Но Ленин с ними не согласился. Он сказал:

— Раз Октябрьская — значит осенью. А праздник будет ноябрьский.

С тех пор никто в мире так и не понял этой изощренной большевистской логики. В одном из современных анекдотов разговаривают два младших научных сотрудника. Русский и американец.

— Послушай, Вась, что такое социализм?

— Понимаешь, Джон... Это когда октябрьские праздники справляют в ноябре. И так всё.

Зимний надо было брать летом, потому что летом все намного дешевле.

Трескучая большевистская фразеология, многие образцы которой со временем превратились в идеологические пропагандистские лозунги и манифесты, до сих пор в фольклоре подвергается осмеянию.

Одна грузинская барышня, влюбленная в лидера меньшевиков Чхеидзе, ходила за ним на все митинги и собрания.

Однажды, выступая, Чхеидзе сказал, что в современной России нет такой партии, которая могла бы взять власть в свои руки.

Подпрыгнул лысый человек и крикнул:

— Есть такая партия!

Барышня повернулась в его сторону и цыкнула:

— Сядь на место, жалкий выскочка!

Теперь мы знаем, что бывает, когда не слушают женщин.

О причинах революции сказано так много и так патетично, что фольклор, пытаясь снизить большевистский пафос о ее всемирно-историческом значении до уровня обыкновенного бунта, предлагает свою версию. Смысл ее сводится к домашнему конфликту в семье Ильича. Вот как это выглядит в «воспоминаниях» Надежды Константиновны Крупской:

Поехал как-то Володя в 1917 году в Питер в командировку на один день. А вернулся только через два. Так ему там пришлось революцию устроить, чтобы хоть как-то оправдать свое отсутствие в ночь с 25 на 26 октября.

Верная жена и ближайший помощник Ленина Надежда Константиновна Крупская родилась в Петербурге, здесь же впервые встретила с Лениным, с которым больше уже никогда, ни в самом Петербурге, ни в ссылке, ни в эмиграции, не расставалась. Петербургский фольклор о Надежде Константиновне рисует нам образ невзрачной и непривлекательной, безынициативной и скучной женщины, в минуты случайного редкого отдыха скрашивающей одиночество уставшего от политических бурь и революционных потрясений вождя.

Среди партийных товарищей у Крупской были многочисленные прозвища. Все они удивительным образом соответствовали тому представлению, которое сложилось о ней в народе. Ее называли «Глазунья», «Рыба», «Минога».

Зачем фольклору понадобилась тихая и незаметная, серенькая, как мышка, Надежда Константиновна? Пожалуй, для тех же целей, что и официальной пропаганде. В советской идеологической системе присутствие неслышной и невидимой Надежды Константиновны удачно оттеняло человеческие, гуманные черты непримиримого и бесстрастного вождя. А в фольклоре образ его подруги, безответной Наденьки, позволял снизить оглушительную патетику большевистской трескотни до уровня заурядного фразерства тщеславных и амбициозных людей, игравших на подмостках революционного балагана героические роли спасителей человечества. Присутствие Надежды Константиновны удивительным образом все упрощало, все ставило на свои места. Было бы странно, если бы фольклор не воспользовался такой замечательной находкой.

Сразу после свадьбы Надежда Константиновна спрашивает Владимира Ильича:

— И где мы, Володя, проведем медовый месяц?

— В Разливе, Наденька, в шалаше. Только для конспирации со мной поедешь не ты, а товарищ Зиновьев.

На выставке висит картина «Ленин в Польше». На картине шалаш, из которого торчат две пары ног — мужские и женские.

— Это шалаш в Разливе, — объясняет гид, — ноги принадлежат Дзержинскому и Крупской...

— А где же Ленин?

— Ленин в Польше.

Минует несколько десятилетий, и фольклор дойдет до переоценки ценностей. Значение Надежды Константиновны Крупской окажется гораздо важнее того, что представлялось раньше. Осознание того, что могло быть и хуже, породило выводы, зафиксированные в новом анекдоте:

На памятнике жене вождя установили мемориальную доску с признательностью от потомков: «Н. К. Крупской, не оставившей наследников. Благодарная Россия».

Попытка фольклора придать революционным событиям не политический, а бытовой характер кроется в инстинктивном недоверии народа к марксизму как к некоей научной теории, требующей своего подтверждения на практике. Известно, что еще в 1918 г. академик Павлов говорил, что «если то, что делают большевики с Россией, есть эксперимент, то для такого эксперимента я пожалел бы даже лягушку». Тем не менее, теория научного коммунизма с маниакальным усердием более семидесяти лет внедрялась в сознание масс. О том, какие это дало результаты на практике, можно судить из диалога современных студентов, трансформированного фольклором в анекдот:

— Ты куда?

— На экзамен по научному коммунизму.

— Если бы коммунизм был научным, сначала попробовали бы на собаках.

Между тем революционные матросы ворвались в Зимний дворец, где заседало Временное правительство. Попытки интерпретировать это событие до сих пор предпринимаются на всех этапах всеобуча. Вот как это делают иностранные студенты, обучающиеся в русских вузах:

Троцкий гарцевал на белом коне по Иорданской лестнице. За ним бежали большевистские войска. Они хотели арестовать Керенского и набить карманы яйцами Фаберже.

Так или иначе, революция, которая начиналась под лозунгом «Даешь Зимний!», свершилась. До сих пор не умолкают споры, был ли на самом деле штурм Зимнего дворца, или это была позднейшая грандиозная мистификация, придуманная большевиками. Известно только, что впервые штурм Зимнего дворца был продемонстрирован народу в 1927 г. в фильме Сергея Эйзенштейна «Октябрь». Но этот фильм был художественным, и у режиссера было право на вымысел, тем более что его творческая фантазия подпитывалась политическим заказом на этот фильм, создававшийся к 10-летию юбилею известных событий. Другое дело, что очень скоро эйзенштейновские кадры из игрового кинофильма были канонизированы и выдавались за документальные. И только один фольклор пытается примирить оппонентов:

Прораб Керенский досрочно сдал Зимний дворец к ноябрьским праздникам.

На другой день начался так называемый «Второй штурм Зимнего», о котором мы уже упоминали на страницах о пьяных погромах в Петрограде. Вернемся еще раз в те бурные дни. Революционные матросы, оказавшись в святой святых русской монархии, неожиданно выяснили, что в подвалах Зимнего дворца хранятся столетние запасы царского вина. Это привело их в бешенство. Мало того, что живут во дворцах и спят на белых простынях, так еще

и запасы вина на годы вперед имеют! И начался новый штурм. Никакие попытки большевиков остановить пьяную вакханалию не приводили к успеху. Привлеченные к наведению порядка воинские подразделения сами были не прочь полакомиться за чужой счет. Разбушевавшиеся революционеры выстрелами из винтовок разбивали бочки с вином, напивались до потери сознания и тут же тонули в потоках алкоголя, рвущегося из погребов на невскую набережную. Может быть, и повелась на Руси с тех самых пор традиция отмечать праздник 7 ноября пьяным застольем: «Октябрь весело справляем, по бутылке распиваем». И может быть, с тех пор у самого Ленина выработалась стойкая аллергия на всякое пьянство.

— *Давайте выпьем, Владимир Ильич, — предложил однажды верный Дзержинский.*

— *Нет, батенька, больше не пью. Помню, как-то в ангеле нализались. Занесло на Финляндский вокзал, взобгался на бгоневичок и такое нес, до сих пор разобгаться не могут.*

И в другие дни, обращаясь к тому же Дзержинскому, Ильич не раз будто бы говаривал:

— *Вы думаете, Феликс Эдмундович, революцию совершили мы, большевики? Хрен вам, революцию совершила пьяная матросня! Вечером 25 октября ко мне домой завалились три пьяных матроса... а дальше как отрезало.*

Повальное пьянство, если верить фольклору, еще раз подтвердило старую истину о том, что в нем-то и кроется главная причина всех без исключения бед России. В том числе и революции.

Хмурое петроградское утро 1917 года. 26 октября. Ленин тяжело открывает глаза, поднимает голову и тут же опускает на валик дивана. Голова трещит. Гадко во рту. Подводит память. Над ним склоняется верный Дзержинский.

— *Феликс Эдмундович, где же мы вчера были?*

— *У девочек, Владимир Ильич, — шепчет Дзержинский, — у девочек.*

— *И что же?*

— *Пили, Владимир Ильич, много выпили.*

— *И что же?*

— *Спорили и кричалиж.*

— *А потом?*

— *Взяли Зимний, Владимир Ильич.*

— *Погорячились, Феликс Эдмундович, погорячились...*

Впрочем, беда состояла еще и в том, что в тумане беспробудного пьянства возбужденное сознание видело еще и спасение России:

От многого было бы избавление, если бы, допустим, в апреле 17-го Ильич был таков, что не смог бы влезть на броневик.

Владимир Ильич хорошо знал склонность пролетарского человека к зеленому змию. Еще накануне переворота, находясь в квартире Фофановой, он, согласно фольклору, шлет отчаянную записку в ЦК:

Товарищи цекисты, передайте питерскому пролетариату, что пьянка пьянкой, но чтоб в ночь на 26-е на революцию вышли все поголовно. За два отгула, конечно.

Поверить в благополучный исход большевистской авантюры даже в то время было непросто. Ну, поиграли в революцию. Ну, захватили власть. Так ведь ее никто и так не любил. Но все это временно. Все образуется. Многие годы фольклор пытается разобраться в причинах этого недоверия собственным предчувствиям.

«Армянское радио» спросили:

— Почему победила Октябрьская революция в Петрограде?

— Потому что штаб революции разместился в Институте благородных девиц.

— Если бы они были менее благородны, то революционные матросы взяли бы штурмом не Зимний, а Смольный.

Это в анекдоте. А в жизни в 1917 г. здание Смольного, в котором еще совсем недавно располагался Институт благородных девиц, а ныне разместился штаб революции, вызывало ощущение двойственности. У одних Смольный пробуждал чувство гордости: все-таки штаб революции, для других его репутация была запятнана дореволюционным прошлым. Казалось, в самом названии «Институт благородных девиц» крылось что-то неприличное и стыдное. Над Смольным потешались, подвергая его невиданному остракизму.

— Собираюсь разводиться...

— Как... Вы столько лет вместе... Ваша жена прекрасная добродетельная женщина...

— Все это так. Но в прошлом она окончила Смольный. А нынче я даже имени института не переносу.

На радостном фоне революционных лозунгов о скорой счастливой жизни мало кто расслышал недоумение, которое было зафиксировано фольклором.

1917 год. Петроград. Внучка декабриста слышит шум на улице и посылает прислугу узнать, в чем дело. Вскоре прислуга возвращается:

— Там революция, барыня.

— О, революция! Это великолепно! Мой дед тоже был революционером! И что же они хотят?

— Они хотят, чтобы не было богатых.

— Странно... А мой дед хотел, чтобы не было бедных.

Отрезвление началось очень скоро. И, судя по фольклору, началось сверху. Согласно одному из анекдотов, сразу после Октябрьского переворота Ленин взобрался на броневик и произнес речь:

— Товарищи! Революция, о которой так долго мечтали большевики, свершилась! Теперь, товарищи, вы будете работать восемь часов в день и иметь два выходных дня в неделю.

Дворцовая площадь потонула в криках «ура!»

— В дальнейшем вы, товарищи, будете работать семь часов в день и иметь три выходных дня в неделю.

— Ура-а-а-а!

— Придет время, и вы будете работать один час и иметь шесть выходных дней в неделю.

— Ура-а-а-а-а!!!

Ленин повернулся к Дзержинскому:

— Я же говорил вам, Феликс Эдмундович, работать они не будут.

Не помогали даже придуманные большевиками субботники, которые, по замыслу их организаторов, должны были приобщить пролетариат к всеобщему радостному труду. В конце концов субботники стали еще одним инструментом принуждения к работе. Над ними смеялись. О них сочиняли анекдоты:

Ленин — Дзержинскому:

— Происки империализма: завтра субботник, а у меня надувное бревно стащили.

- Вы слышали, Ленина вчера арестовали?

— За что же?

— За ношение ствола на субботнике.

От нежелания работать до повсеместного дефицита продуктов и всеобщего голода дистанция не очень большая. Первыми почувствовали приближение голода в городах. Большевики понимали, насколько это опасно. Они хорошо помнили, что Февральская революция в Петрограде была спровоцирована отсутствием хлеба в магазинах. Чтобы решить продовольственную проблему в городах, началась реквизиция запасов зерна в деревне, организованная якобы для нужд фабричного и заводского пролетариата. Но в результате оказалось, что продовольствия не стало ни в городе, ни в деревне. В народе сочиняли невеселые частушки и горькие куплеты.

Наступила эра

РСФСРа.

В небе стало серо.

Голод и холера,

«Редерера» нет.

Люди стали худеньки,

Нет ни у кого деньги.

Раньше ели пудинги,

Кексы и омлет.

А теперь ковриги

Жрут лишь только в Риге,

А у нас ни фиги

Нет.

Сказать, что не было знаменитого шампанского «Генрих Редерер», приготовленного из самых

лучших французских вин, — это еще ничего не сказать. Не было вообще ничего.

Столяр в хозмаге:

— *Гвозди пятидюймовые есть?*

— *Нет.*

— *А трехдюймовые?*

— *Тожже нет.*

— *Верно. Товарищ Ленин не зря говорил: «Революция, и никаких гвоздей».*

В голодном Петрограде люди перешли на конский корм. Но, даже набивая пустое брюхо овсом, добродушно шутили:

— *Отчего прежде люди по тротуарам ходили, а теперь посреди улицы прут?*

— *Оттого, что на конский корм перешли: нажремся лошадиной еды — вот нас на лошадиную дорогу и тянет.*

Смертельная петля голода все сильнее и сильнее сжимала горло несчастной России. Чтобы хоть как-то решить эту проблему, большевики начали тотальное изъятие церковных ценностей, по сути своей более похожее на откровенный грабеж, чем на государственную конфискацию. Несмотря на мощное пропагандистское обеспечение этой акции, производимой якобы для нужд голодающих трудящихся, оценки ее в низовой культуре отличались полным единодушием. Вот как расшифровывались в фольклоре фамилии крупнейших деятелей революции, превращенные в обыкновенные аббревиатуры, которыми в целях секретности якобы пользовались руководители Советского государства в телеграммах друг другу:

ТРОЦКИЙ — Ленину: «Трудное Ограбление Церквей Кончено. Исчезаю. Исчезаю».

ЗИНОВЬЕВ — Троцкому: «Зачем Исчезать. Нужно Ограбить Все, Если Возможно».

ЛЕНИН — Троцкому: «Лева, Если Награбил, Исчезай Немедленно».

Пример оказался заразительным. Волны бандитских ограблений и мелкого воровства захлестнули Россию.

Куприн вернулся на родину. Поставил чемодан на платформу вокзала и всплеснул руками:

— *Как же ты изменилась, моя Россия!*

Наклонился за чемоданом — а его и след простыл. Куприн снова всплеснул руками:

— *Узнаю тебя, моя Россия!*

В этом контексте неудивительны рассказы о том, как некий американский миллионер, посетив в 1920-х гг. Петроград, запальчиво спросил сопровождавших его лиц: «На что вам, большевикам, такой город, что вы с ним будете делать?»

В этом месте сделаем небольшое отступление.

Современный петербургский писатель Андрей Битов в своих публичных выступлениях и в интервью не раз высказывал одну и ту же любопытную мысль. Делал он это так часто, что со временем она приобрела вполне сложившуюся пословичную форму и тем самым уже вошла в золотой фонд петербургской городской фразеологии. В варианте, услышанном нами, эта фраза звучит так: «Если Питер не столица, то зачем же он тогда».

И в самом деле! Петербург с самого своего рождения строился не столько как город, удобный для проживания, сколько как государственный центр, столица, большинство зданий и сооружений которой возводилось для исполнения городом исключительно административных, столичных функций. В значительной степени именно этим был заранее определен его статус. Это был не просто Дом, хранимый божествами семейного очага — Пенатами, а Большое Присутственное Место, Огромная Чиновничья Канцелярия с Парадным Подъездом, украшенным античными колонными портиками, Гигантские Имперские Апартаменты под открытым небом с надежным караулом лейб-гвардии по периметру. Петербург с самого начала застраивался представительскими дворцами и зданиями, специально предназначенными для министерских учреждений, коллегий и ведомств; воинскими казармами, скорее похожими на дворцовые сооружения; особняками, в которых предусматривались огромные помещения для торжественных приемов; загородными дачами, по убранству ничем не уступающими тронным залам царских хором; кафедральными соборами, рассчитанными на одновременное присутствие многих тысяч человек. Может быть, трагедия социалистического Ленинграда в том и состояла, что после переезда в 1918 г. правительства Советской России в Москву Петроград, а затем и Ленинград и в самом деле не знал, как использовать и сохранять всю эту столичную роскошь, неожиданно свалившуюся в руки большевиков и в одночасье оказавшую никому не нужной. Ни для жилья, ни для присутствия. И когда, в силу сложившихся обстоятельств, все это богатство превратили в жилье, вот тогда все и начало рушиться и разваливаться. Так что, может быть, прав был тот неведомый миллионер с его риторическим вопросом? И не с этих ли пор началась стремительная провинциализация некогда славной столицы огромного и могущественного государства?

Участь великого «города с областной судьбой» всегда волновала и тревожила его жителей, вызывая непонимание. Но проявлялось это разве что в кухонных разговорах да в осторожных и небезопасных анекдотах.

Московский тренер говорит своим питомцам:

— В Ленинграде никогда не будет своей классной команды. И знаете почему? Они даже во время тайм-аутов обсуждают один и тот же вопрос: если революция была в Ленинграде, то почему столицей сделали Москву?

Между тем, страна оказалась в полной изоляции. Прошло совсем немного времени, и городской фольклор не преминул точно сформулировать ситуацию, в которую угодила великая держава:

От Востока Советский Союз отделяет Великая Китайская стена, а от Запада — Великая Октябрьская революция.

Осмысление городским фольклором такого и в самом деле яркого исторического события, как Октябрьская революция, продолжается до сих пор. Со временем непосредственная реакция сменилась на опосредованную. Революцию стали воспринимать либо через сомнительные достижения советской власти, либо через ее пропагандистские символы. В первую очередь остракизму подверглась монументальная скульптура. Это и понятно. Памятники были, что называется, у всех на глазах. А о том, какую роль они играли в системе идеологического

перевоспитания народа после революции, говорит хотя бы тот факт, что уже в апреле 1918 г. был утвержден ленинский план монументальной пропаганды с более чем убедительным названием: «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции». В Петрограде план осуществлялся под руководством наркома просвещения А. В. Луначарского. К нему сходились все предложения по уничтожению монументов, не угодных новой власти, и установке новых памятников. От предложений не было отбоя. Включился в этот процесс и фольклор.

Луначарский обратился к известному литератору:

— Мы решили поставить памятник Достоевскому. Что бы вы посоветовали написать на пьедестале?

— «Достоевскому от благодарных бесов».

Вряд ли многие простые люди в пролетарской России были знакомы с романом Достоевского «Бесы», но представление об этих исчадиях ада в народе существовало. Знали и о политическом терроре, и о революционных экспроприациях — большевистском методе финансирования борьбы за власть.

Другое дело творческая интеллигенция, печальная роль которой в формировании массового революционного сознания пролетариата хорошо известна. Чего стоит один роман Горького «Мать»? Или его же «Буревестник»? Осознание собственной роли в революции к Горькому пришло поздно, как, впрочем, и к другим представителям культуры.

В голодном Петрограде Горький самым разным дамам — знакомым и незнакомым — выдавал справки: «Сим удостоверяю, что предъявительница сего нуждается в продовольственном пайке, особливо же в молочном питании, поскольку беременна лично от меня, от буревестника революции».

Шаляпин пришел к художнику Коровину и говорит:

— Мне сегодня выступить перед конными матросами. Скажи мне, ради Бога, что такое конные матросы?

— Не знаю, что такое конные матросы, но знаю, что уезжать надо.

Безжалостное и беспощадное время оставляет среди нас все меньше и меньше участников и очевидцев той революционной поры. Но мы знаем из фольклора, что даже среди них все чаще и чаще происходит неумолимый и мучительный процесс переосмысления тех давних событий.

Старый горец встречает своего друга:

— Послушай, помнишь, ты мне в семнадцатом году рассказывал о какой-то заварушке в Питере? Так чем все это тогда кончилось?

Два старика встречаются в трамвае.

— Слушай, а я тебя помню!

— Чего ты помнишь?

— Да мы вместе Зимний брали, ты еще на ступеньки упал, за пальто зацепился, и винтовка в сторону полетела. Было такое?

— Да вроде было. А как ты меня узнал-то?

— Да как же — по пальто и узнал! Два глубоких старика стоят под аркой Главного штаба и вспоминают, глядя на Дворцовую площадь:

— А помнишь, вон там мы залегли с пулеметом?

— А помнишь, вон там стояли наши с Путиловского?

— А помнишь?

— А помнишь?

— Да-а, поторопились... поторопились...

Ветераны уходят, унося с собой тяжкое бремя ответственности за случившееся в незабываемом 1917 г. На смену им приходят новые поколения. К счастью, души детей не отягощены комплексами. Их неожиданные взгляды на историю, их блестящие оговорки при устных ответах и гениальные ошибки в письменных сочинениях давно вошли в золотой фонд петербургского городского фольклора.

— Почему так быстро взяли Зимний дворец?

— Потому что лестницы там были слишком широкие.

- Кого свергли в 1917 году? — Зимнее правительство.

Революционные матросы ворвались в Зимний дворец, но бежали по паркету осторожно, чтобы не портить искусство, принадлежащее народу.

Табун солдат ворвался в Зимний дворец, вытащил из-под стола Временное правительство и посадил в Брестскую крепость.

- Что по плану Ленина нужно было захватить в первую очередь? — Телеграфные столбы.

- В 1917 году происходила великая октябрьская революция.

— Каждый год седьмого ноября в нашей стране совершается революция.

Соревнование на батуте впервые придумал неизвестный матрос, который, ворвавшись в 1917 году в Зимний дворец, увидел кровать Николая II.

Давыдов был матросом Путиловского завода.

Штаб революции находился в Смольном, а раньше там находился Институт благородных девиц.

Со временем фразеологическое сочетание «Штурм Зимнего», которое в системе большевистской идеологии играло вполне определенную, едва ли не основную роль, стало приобретать второй, третий, четвертый смыслы. «Штурм Зимнего» у курсантов военных

училищ стал обозначать стремительный личный туалет перед утренней поверкой; у школьников — вход в школу перед началом занятий, давку в раздевалке по окончании уроков или очередь к буфетному прилавку на большой перемене. Среди актеров бытует известная формула успеха: «Берем сцену штурмом, как большевики Зимний». Правда, в последнее время на это появился не менее категоричный ответ:

Участники конкурса за кулисами перед выходом на сцену:

— *Берем сцену штурмом, как большевики Зимний в семнадцатом году.*

— *Но какой толк от того, что они его взяли!?*

И наконец, теперь можем и мы подвести некоторые итоги. Сделаем это в полном соответствии с недоброй памяти советской партийной методологией изучения истории КПСС.

— *Каковы основные итоги Великой Октябрьской социалистической революции?*

— *Дров наломали, а топить нечем.*

Между тем, жизнь в «стране победившего социализма» складывалась довольно парадоксально. Чем меньше продуктов первой необходимости было в магазинах, тем ярче и изобретательнее становились пропагандистские акции власти. Громадная роль в этой пропаганде принадлежала кино. Еще бы! Ведь даже Ленин назвал кино «важнейшим из искусств». На фильмы об октябрьских событиях в интерпретации апологетов социалистического реализма не жалели ни сил, ни средств. Начиная с 1927 г., когда, как мы об этом уже говорили, к 10-летию юбилею октябрьских событий Сергей Эйзенштейн снял свой знаменитый фильм «Октябрь», массовые съемки с участием солдат и матросов, безвозмездно и в любых количествах предоставляемых Министерством обороны, регулярно проходили в интерьерах и экстерьерах Зимнего дворца. А поскольку все это происходило на глазах любопытных и заинтересованных прохожих, то и непосредственная реакция на съемки мгновенно выкристаллизовывалась в фольклоре.

На Дворцовой площади идут натурные съемки фильма об Октябрьской революции. Снимается эпизод штурма Зимнего дворца. Толпы прохожих кричат юнкерам, мелькающим в окнах Зимнего:

— *Продержитесь чуть-чуть, ребята, мы вам поможем!*

На Дворцовой площади Бондарчук снимает эпизоды фильма «Красные колокола». Возле Зимнего женский батальон Бочкаревой. Баррикады из дров, пулеметы и другой революционный антураж. Вокруг киношников — любопытные, милиция. К милиционеру подходит старушка:

— *Милок, что здесь делается?*

— *Да вот, бабка, — говорит милиционер, — сейчас Зимний штурмом брать будут!*

— *Да что ты, милый, — забеспокоилась старушка, — скажи им, что ИХ здесь нет, ОНИ все в Смольном!*

Еще один вариант того же анекдота:

Снимается фильм «Залп «Авроры»». Раздается залп. Солдаты, матросы, рабочие бросились

на штурм Зимнего. Навстречу им спешит проходившая мимо старушка:

— *Куда ж вы бежите, милые? Они теперь в Смольном сидят.*

Кстати говоря, роль этих двух величайших, противостоявших друг другу символов в октябрьских событиях революции — и Зимнего дворца, в котором заседало Временное правительство Керенского, и Смольного института, превращенного в штаб восстания, — тесно переплетается и в современном фольклоре.

— *Если бы в 1917 году в Эрмитаже сидели современные зрительницы, то большевикам никогда не удалось бы взять Зимний.*

Идея вернуть Смольный Институту благородных девиц реализована быть не может из-за отсутствия... этих девиц.

На экскурсии по Ленинграду.

— *Можно задать вопрос?*

— *Конечно.*

— *Что сейчас в Смольном — Зимний?*

Но еще более важная роль в пропаганде революционных идей большевизма принадлежит крейсеру «Аврора». Фетишизация крейсера началась не сразу. Сначала о нем просто забыли. Даже вооружение с крейсера было снято, а сам он находился в резерве военно-морского флота. В 1940 г. «Аврора» ошвартовалась в Ораниенбауме, где и простояла в течение всей Отечественной войны. И только после того, как в идеологических недрах ЦК КПСС была найдена счастливая формула «Выстрел «Авроры» возвестил о начале новой эры в истории человечества», крейсер стал стремительно превращаться в главный символ революции.

17 ноября 1948 г. «Аврора» была поставлена на вечную стоянку у причальной стенки Большой Невки, напротив здания Нахимовского училища. С этого времени корабль революции приобретает статус памятника Октябрьской революции. На крейсере был развернут музей революционной славы, посещение которого было предписано для всей системы советского всеобуча. Посещение «Авроры» включалось в программы всех иностранных делегаций. Побывать на «Авроре» не забывали и наезжавшие в Ленинград руководители партии и правительства. И только в городском фольклоре отношение к этому символу было весьма ироничным. Вот только один анекдот, рассказанный Сергеем Довлатовым в «Записных книжках».

В 1963 году легендарный крейсер посетил тогдашний председатель Верховного совета СССР Н. В. Подгорный. Долго его осматривал. Беседовал с экипажем. Как и положено, оставил запись в книге почетных посетителей: «Посетил боевой корабль. Произвел неизгладимое впечатление».

По количеству фольклора, посвященного «Авроре», с ней могут сравниться разве что все многочисленные памятники Ленину, вместе взятые. Каких только прозвищ, имен и названий не придумали петербуржцы за все годы советской власти — от вполне невинных «Крейсер революции», «Дредноут Ленина» и «Гейзер революции» до внушающих неподдельный ужас «Утюг коммунизма» и «Фрегат-на-крови». Остается актуальным и осознанный фольклором перманентный характер влияния пресловутого залпа «Авроры» на судьбы людей, несмотря на

количество лет, отделяющих каждое новое поколение от того злосчастного выстрела.

— Какой самый мощный в мире корабль?

— «Аврора».

— Почему?

— Восемьдесят лет назад произвел всего один холостой выстрел, а до сих пор все рушится.

В то же время послужной список «Авроры» внушает уважение. Она была спущена на воду со стапелей Адмиралтейского завода в апреле 1900 г. В 1904–1905 гг. в составе Тихоокеанского флота участвовала в Цусимском сражении. Во время морского боя чудом избежала гибели от неприятельских снарядов, прорвалась на Филиппинские острова и в 1906 г. вернулась в Кронштадт. Перед революцией крейсер находился в Петрограде. В октябре 1917 г. Временное правительство, побаиваясь матросских волнений, приняло решение вывести крейсер из революционного города. Однако судьба распорядилась иначе. К тому времени на «Авроре» был избран судовой комитет, во главе которого оказались большевики. На мачте крейсера был поднят красный флаг. Судовой комитет отказался вывести корабль из Петрограда. Остальное известно из истории. 25 октября 1917 г. в 21 час 40 минут холостой выстрел носового орудия «Авроры» дал сигнал к штурму Зимнего дворца. В фольклоре этот исторический залп оценен по достоинству:

1917 год. Октябрь. Смольный.

— Товарищ Троцкий, — берет под козырек матрос, — каким снарядом «Авроре» по Зимнему стрелять?

— Холостым, братец, холостым. А шрапнельку еще и для Гражданской сэкономим.

На заседании в Смольном. Ленин:

— Товарищи! Революция отменяется. Феликс Эдмундович уехал на рыбалку.

— Так что же мы, без Феликса Эдмундовича не справимся?

— Без Феликса Эдмундовича справимся, без «Авроры» не получится.

Стремительно меняющееся время внесло серьезные коррективы в характер фольклора от «Авроры». Оценка значения участия крейсера в отечественной истории со временем привела к известной осторожности в отношении к этой революционной реликвии:

Зимний — «Авроре»: «Узнав, что на «Авроре» одни холостые, женский батальон сдается без боя».

Туристы осматривают крейсер «Аврора».

— А почему у этой пушки стоит часовой?

— Чтобы кому-нибудь снова не пришло в голову выстрелить.

Газеты, изощряясь друг перед другом, публиковали «письма», якобы полученные от читателей:

Слышал, что крейсер «Аврора» будет участвовать в параде старых кораблей в Стокгольме. Предлагаю перед отправкой корабля в Швецию демонтировать его баковое орудие, чтобы не случилось беды с образцовой страной народного капитализма.

Согласно одному анекдоту, забеспокоились и наши бывшие соотечественники на другой стороне мира.

— *Что будет, если крейсер «Аврора» начнет совершать чартерные рейсы в Израиль?*

— *Ничего особенного, потому что нас, евреев, на холостой выстрел не возьмешь.*

Чем дальше во времени мы удаляемся от драматических событий октября 1917 г., тем более расплывчатым становится подлинный, конкретный образ корабля революции и его роль в истории. Постепенно «Аврора» превращается в символ, знак, формулу, удобную и понятную благодаря своей универсальности. По тонкому определению фольклора, «Аврора» уже превратилась в «Корабль многоразового пользования».

— *В 1964 году, на первые ноябрьские праздники после снятия со всех руководящих партийных и государственных постов Н. С. Хрущева, «Аврору» собирались перевести по каналу из Ленинграда в Москву.*

— *Зачем?*

— *Чтобы дать залп по временному правительству.*

Прошло несколько десятилетий, и тема этого анекдота снова становится актуальной.

Шла вторая неделя заседаний Первого съезда народных депутатов. Проснувшись однажды утром, М. С. Горбачев с ужасом увидел в окне, что Москвы-реки нет, вся она засыпана и заасфальтирована.

— *Рая, что это такое?! — воскликнул он. — Где Москва-река?*

— *Не волнуйся, — успокоила его Раиса Максимовна. — Это я распорядилась, а то ленинградская депутация грозилась «Аврору» пригнать.*

Еще через несколько лет:

Вдоль Москвы-реки по пояс в воде ходит огромный мужик с шестом. Замеряет глубины, приговаривая:

— *Здесь пройдет... Здесь не пройдет... Надо углубить... Здесь пройдет...*

На берегу собралась толпа.

— *Кто пройдет?*

— *Как кто? «Аврора!» — отвечает мужик, продолжая приговаривать: — Здесь пройдет... Здесь углубить надо...*

В знак солидарности речников с защитниками Белого дома к набережной подошел кораблик. На баррикадах раздались приветственные возгласы:

— Наша «Аврора».

В антологию юмора внесли свой вклад и студенты. В начале перестройки необыкновенную популярность приобрел, запущенный в повседневный оборот М. С. Горбачевым, свежий политический термин «новое мышление», с обязательным ударением на первом слоге. В 1991 г. журнал «Студенческий меридиан», следуя моде и иронизируя над неизлечимой большевистской болезнью гигантомании и космизма, опубликовал тест на новое мышление, в котором в один ряд с космическими кораблями многоразового использования поставлен и корабль революции:

— Как называется корабль многоразового пользования, ознаменовавший собой новую эру?

Варианты ответов: «Буран» — 5 баллов, «Шаттл» — 4 балла, «Аврора» — 25 баллов.

Сегодня «Аврора» уже не является общегосударственным символом. Его отдали на откуп коммунистам. Но и им, главным претендентам на его монополизацию, не повезло. Их вполне искренний лозунг: «Ты наша слава в дни позора, Семь футов под килем, «Аврора!» по иронии судьбы вызывает грустную улыбку. Если верить фольклору, под килем корабля революции вообще никакой воды нет. Большевики, уверовав в бессмертие своих идей, установили «Аврору» на твердом основании — некоем подобии фундамента, который, по их планам, должен был простоять вечно. Что ж, история, как известно, повторяется дважды: один раз в виде трагедии и второй раз в виде фарса. Вот и мы дожили до фарса. И выстрел не боевой, и стоянка не вечная. Не случайно в собрании питерских праздничных застольных здравниц появился новый тост, который, если верить городскому фольклору, любят произносить во время совместных пиршеств современные офицеры легендарного крейсера:

— Так выпьем за холостой выстрел!

По версии «Истории КПСС», которую с завидной последовательностью внедряли в сознание трудящихся масс на всех этапах всеобуча, признанным вождем Октябрьской революции является Ленин. Все остальные деятели революционного движения, как бы велики ни были их заслуги в октябрьских событиях, служили выгодным фоном, на котором еще более ярко сияла звезда пламенного трибуна революции и вождя всех трудящихся человечества.

Однако именно образ Ленина, искаженный и доведенный стараниями партийных функционеров до глянцевого плакатной безликости, может быть, как никакой другой нуждается в особом, дополнительном взгляде, ракурсе, многие десятилетия бывшем не просто предосудительным, но зачастую и небезопасным. Попробуем взглянуть на вождя революции сквозь призму петербургского городского фольклора, который, несмотря на невероятно тяжелые годы гонений на всякое инакомыслие, не только сохранился, но и умножился.

Как мы уже упоминали, после июльской демонстрации 1917 г., организованной большевиками и приведшей к многочисленным человеческим жертвам, Ленин был объявлен государственным преступником. Временное правительство выдало ордер на его арест. Пришлось уйти в подполье. Для нелегального пребывания Ленина в связи с угрозой его ареста большевиками был выбран ничем не примечательный крошечный дачный поселок недалеко от Петрограда — Разлив. Вот что об этом сказано в одном из школьных сочинений:

Рабочие оберегали жизнь Ленина, и, чтобы ее обезопасить, они решили послать его подальше.

С тех пор официальная советская историография придала Разливу столь недостижимо высокий статус, что, если верить фольклору, даже такое близкое по звучанию к этому названию слово

«розлив» — с обязательной ударной буквой «о» — будто бы было специально придумано в идеологическом отделе ЦК КПСС, чтобы на фоне вульгарного «розлива» более ярко и убедительно звучало священное ленинское «Разлив». Такой пропагандистский натиск не мог не вызвать ответную реакцию. В фольклоре появляются попытки спародировать ситуацию:

В винный магазин заходит невысокий мужчина в кепочке и, слегка картавя, обращается к продавщице:

— Мне портвейн, пожалуйста, триста грамм.

— Мы в розлив не продаем.

— А мне не в розлив, а в Шушенское.

Речевой оборот «В Разлив, к Ленину» с тех пор превратился в заветный адрес многих винно-водочных магазинов всей страны, в том числе в Ленинграде, особенно в пресловутый период тотальной борьбы с пьянством и алкоголизмом, когда достать бутылку вина можно было далеко не всегда и не везде.

Пройдет совсем немного времени, и наступит отрезвление. Фольклор отметит этот перелом в массовом сознании поговоркой: «С милым рай в шалаше и без... Ленина». А на самом шалаше предложит укрепить мемориальную доску:

«Здесь Владимир Ильич скрывался от Н. К. Крупской».

Статус тайного убежища сохранился за ленинским шалашом и поныне. Если верить фольклору, необходимость в нем со временем никуда не исчезла. Как утверждает фольклор, в современной России однажды уже возникала ситуация, когда этим ленинским убежищем можно было еще раз воспользоваться.

Однажды музейные работники приступили к срочному восстановлению шалаша. По времени это совпало со слухами о приглашении М. С. Горбачева в Конституционный суд по делу о КПСС. В ответ на удивленные вопросы обывателей музейщики пожимали плечами и вспоминали историю:

— Когда в 1917 году Временное правительство решило вызвать Ленина в суд по делу о июльской демонстрации, так он сразу тайно покинул Петроград и скрылся в Разливе.

Партийные товарищи заблаговременно приготовили ему надежное укрытие. Как знать... Лучше содержать шалаш в готовности... На всякий случай...

Анекдот анекдотом, но современный народный сонник к этому относится вполне серьезно:

Если вам снится шалаш, а возле него пень, на котором что-то пишет лысый человек, быть беде.

Как и положено настоящему революционеру, Владимир Ильич Ульянов, а это была его настоящая фамилия, позаботился о псевдониме. В его дореволюционной жизни их было несколько. Все они известны историкам. Но сам Ильич, если верить фольклору, особенно гордился своей последней находкой.

— В партии только три настоящих коммуниста: Ульянов, Ленин и я, — не раз говорил Ильич в частных беседах.

О характере Ленина сказано много. Если верить одному анекдоту, к своей матери он относился хорошо.

В разговоре с английским фантастом Гербертом Уэллсом Ленин искренне сокрушался, что мать всего один год не дождала до революции.

— Уж лучше бы я не дождал, — слезливо говорил он. Уэллс с ним соглашался.

Обыгрывание фольклором тех или иных бытовых черт ленинского характера стало традиционным.

Сидит Ленин со стаканом чая и откусывает кусок сахара.

Входит Дзержинский.

— А почему вы пьете вприкуску, Владимир Ильич?

— Так ведь не растворяется больше.

Невинная любовь Ильича к сладкому чаю сравнима, пожалуй, с его безграничной любовью к детям, о чем никогда не забывала напомнить советскому народу большевистская пропаганда. Но именно это, с точки зрения фольклора, выглядело особенно оскорбительным на фоне всеобщего недоедания, а то и голода всего трудящегося населения страны и беспризорщины среди детской его части после революции.

Дзержинский докладывает:

— Товарищ Ленин, ходоки самогон принесли.

— Все в детские дома. Вы же знаете, я не пью.

Пришли из Костромы ходоки к Ленину и говорят:

— Голодаем. Едим овес. Скоро ржать начнем.

— Мы с Наденькой вчера полбанки меда съели и ведь не жужжим.

- Здравствуйте, товарищ. Вы бедняк?

— Вроде бы не совсем: при лошади.

— Средняк?

— Да кто его знает: дети сыты и обуты. Да признаться — две лошади у меня.

— Стало быть, кулак. Феликс Эдмундович, расстреляйте, пожалуйста.

— Владимир Ильич, время обеденное. После обеда расстреляем.

— Нет. Непременно до. А его обед отдайте детям бедняков.

Непримиримое отношение Ленина к врагам революции становилось примером для подражания.

- Владимир Ильич, отдохнуть бы! Поедем на Волгу, порыбачим, девочек возьмем!
- Вот именно, Алексей Максимович, девочек, а не эту политическую проститутку Троцкого!

Дзержинский докладывает:

- Владимир Ильич, задержали вагон с презервативами.
- Прекрасно, батенька, отдайте меньшевикам, чтобы не размножались.

Впрочем, к Дзержинскому, одному из самых верных и преданных своих друзей, Ленин относился тоже с некоторой долей иронии.

На лестнице грохот. Надежда Константиновна:

- Володя, что там случилось?
- Ничего, Наденька, железный Феликс упал.
- Товарищи, — заявил Владимир Ильич Ленин на митинге в Петрограде, — революция отменяется!
- ?!?!
- Мы с Феликсом Эдмундовичем броневичок пропили.
- А где Феликс Эдмундович?
- В броневичке остался.

На балконе Зимнего дворца Ленин и Дзержинский.

- Феликс Эдмундович, а вы могли бы спрыгнуть вниз?
- Ну что вы, Владимир Ильич, высоко.
- Ну а во имя революции, Феликс Эдмундович?
- Во имя революции, конечно.

И спрыгнул. Ленин посмотрел на то, что осталось от Дзержинского.

- Вот все говорят: железный Феликс, железный Феликс. А ведь размазня.

Фетишизации подвергалась не только сама личность Ленина, его образ, но и, как это было принято в языческом мире, все, что имело хоть малейшее отношение к обожествляемому идолу. Ленинская кепка, ленинское пальто, ленинская жилетка, ленинский галстук. И это все без исключения подвергалось остракизму со стороны фольклора. Многие отражены и в анекдотах.

Однажды на Путиловском заводе у Ленина кто-то спер кепочку. С тех пор у вождя

появилась привычка держать ее в руке. Этим не преминули воспользоваться скульпторы. Не обходилось и без курьезов. Иногда у скульптуры оказывалось две кепочки: одна в руке, а другая — в кармане.

В Музее Ленина в Москве и в Музее Ленина в Ленинграде висели пальто, простреленные эсеркой Каплан.

Чего только не бывает в жизни, особенно такой, как у Ленина.

— Владимир Ильич, вы ведь сами говорили: «Учиться, учиться и учиться».

— Да ничего я не говорил. Я ручку расписывал.

Страну захлестывали потоки воспоминаний о встречах с вождем. опережая друг друга, выходили мемуары старых большевиков, в которых их личные встречи с Ильичем возводились в наивысшую степень и ставились в один ряд с событиями мирового значения.

Рабочий Путиловского завода пришел в баню. В одной шайке моется, в другой — ноги парит. Тут подходит к нему «гнилой» интеллигент:

— Товарищ, уступите шаечку!

— Пошел ты на ...

Тот отошел, побродил, шайки не нашел, снова подходит:

— Товарищ, это не по-коммунистически — у вас две шайки, а у меня ни одной.

— Пошел ты на..., а то ё... шайкой по лысине! — И спрашивает банщика: — Кто это тут у тебя рабочему человеку мыться мешают?

— Да Ленин это...

Через пятьдесят лет. Председатель собрания:

— А сейчас перед вами выступит с воспоминаниями старый рабочий, который два раза беседовал с Лениным.

Эпидемия воспоминаний дошла до полного абсурда. Расталкивая коллег по мемуарному цеху локтями и перекрикивая друг друга от избыточного усердия, делились впечатлениями от встреч с вождем и те, кто мылся с ним в бане, и те, кто впервые увидел его в Мавзолее.

— Я Ленина живым видел.

— А я — в гробу.

Даже личные взаимоотношения Ленина и Крупской по прошествии лет выглядели в городском фольклоре некой комедией, разыгранной не очень трезвыми провинциальными актерами.

Выступает Ленин перед рабочими:

— Как я женился? Была сходка. Вдруг кто-то кричит: «Бомба!»

Все бросились на пол, я упал на Наденьку и как порядочный человек должен был жениться.

Может, и так. Не случайно в народе жили анекдоты о левых загулах вождя революции. Мало ли кто из революционных барышень попадал в поле зрения внимательных глаз с ленинским прищуром и о ком или не догадывалась, или догадывалась и молчала безответная Надежда Константиновна.

Мемориальная доска:

«В этом доме Владимир Ильич с Инессой Федоровной Арманд скрывался от преследований со стороны Надежды Константиновны Крупской».

Инесса Арманд. Александра Коллонтай. Надежда Крупская... Имена, которые навечно вписаны в историю русских заблуждений. Но были и другие — десятки, сотни и тысячи безвестных и безымянных девственниц, которые готовы были безоглядно отдать себя в сильные, мужские объятия революции:

По своей красоте,
В этом я уверена,
Троцкий замуж не возьмет,
Выйду я за Ленина.

Путаница происходила не только в сердцах бедных неразборчивых пролетарок, но и в их податливых умах.

— Ленин? Отъявленный капиталист!

— То есть как?

— Да очень просто: он только на «Капитал» и ссылается.

Это из них, беззаветных и преданных, потом возникали огромные трудовые пролетарские коллективы, с гордостью носящие имя любимого вождя всего прогрессивного человечества. Борьба за право носить имя Ленина была сродни борьбе за выживание. Но советская власть была щедра, и потому имя Ленина носили все, кто этого хотел. Ленина хватало на всех.

— Выступает хор беременных женщин «Ленин в тебе и во мне».

Этот феномен до сих пор поражает своей уникальностью. Совсем недавно в Интернете было проведено своеобразное полупуточное социологическое исследование на тему одного из самых известных коммунистических лозунгов: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить».

Если вы считаете, что:

«Ленин жил» — то вы объективный историк;

«Ленин жив» — вы ортодоксальный коммунист;

«Ленин будет жить» — вы перспективный генный инженер.

В советских школах такие тесты предлагали детям чуть ли не ежедневно. На что проверяли малолетних большевиков — на верность советской власти или на сообразительность, неизвестно. Но результаты оказались удручающими. Ребята приходили домой с жалобами:

— Мама, я Ленина боюсь.

— Почему же?

— А нам в школе все время говорят, что Ленин умер, но он живой и очень любит маленьких детей.

Правда, есть надежда, что это наваждение скоро пройдет, и все уляжется в неокрепших умах подростков. Такую надежду вселяет время. Оно щадит малолетних детей, позволяя пользоваться им, этим временем, по собственному усмотрению. Уже сегодня для многих из них Ленин не божественная икона, а обыкновенный человек. Да еще и смертный.

Отец Ленина был очень скромным человеком. Из скромности он даже носил другую фамилию — Ульянов.

Ленин был немецким шпионом, но сам об этом не догадывался.

Ленин отбывал ссылку на Саяно-Шушенской ГЭС.

- Где дольше всего жил Ленин?

— В Шушенском?

— Нет.

— В Смольном?

— Нет.

— В Кремле?

— Нет.

— Где же?

— В Мавзолее.

Идет мимо Мавзолея кавказский горец с сыном.

— Кто здесь лежит? — спрашивает сын.

— Здесь лежит абрек. Царь казнил его брата. Так от так отомстил, так отомстил...

Прошли многие десятилетия после смерти Ленина. Но посмертный фольклор о нем продолжает появляться и сегодня. И посмертный ли он, если тело Ленина так и не предано земле, и потому дух его, как уверяют в народе, до сих пор бродит по несчастной стране. Правда, вместе с саркастическим: «Ленин и теперь лживее всех лживых», «Ленин умер, но тело его живет» и «Желаю вам крепкого здоровья и ленинской сохранности», в фольклоре появился анекдот.

С трибуны:

— Ленин умер, но дело его живет.

Из толпы:

— *Лучше было бы наоборот.*

Ленин умер в холодном январе 1924 г., повергнув всю страну в ледяной траур. Похороны вождя всемирного пролетариата превратились в языческий праздник поклонения божеству. Для этого тело Ленина было выставлено для прощания в специально построенном сооружении — Мавзолее. Как это делалось в Древнем, языческом Египте. Однако и смерть вождя не обошлась без домыслов, догадок и предположений. По Москве распространялись анекдоты.

Сегодня утром тела Ильича не оказалось в Мавзолее. Обнаружили только записку: «Нахожусь в Финском заливе. Надо все начинать сначала».

О планах на будущее Ильич сказал так:

— *Хочу поднакопить немного денег и попробовать еще раз взять Зимний! В аренду. Лет на семьдесят.*

Сказать, что чужой опыт чему-нибудь учит, трудно, зато можно утверждать, что время лечит.

Экзамен на истфаке Ленинградского университета. Экзаменатор — студентке:

— *Ну, голубушка, четверка тебе обеспечена. Ответь-ка на один вопрос и получишь пятерку. Итак, какие документы приходилось подписывать Владимиру Ильичу во время работы правительства в Смольном?*

— *Директивы... указы... приказы...*

— *Еще? Ну же.*

— *Не помню.*

— *Мандаты, голубушка, мандаты.*

— *Сам ты старый мудак, — плачет студентка.*

Тем временем, жизнь шла своим чередом. Занятая похоронами страна не заметила, как воры и грабители воспользовались ситуацией. В траурные дни по большим и малым городам прокатились волны погромов и ограблений. Газеты об этом молчали. Было не до того. И только фольклор не оставил эти акты бандитизма без внимания. В народе хорошо помнили ленинские экспроприации церковных ценностей и национализацию частной собственности.

Вчера дочиста ограбили ювелирный магазин. Воры оставили записку: «Ленин умер, но дело его живет».

Да, дело Ленина действительно было живучим. В апреле 1970 г. исполнилось 100 лет со дня рождения вождя Октябрьской революции и основателя Советского государства. К юбилею начали готовиться задолго. Празднование должно было превратиться во всемирное торжество ленинских идей и стать доказательством незыблемости коммунистической идеологии. Производственные подарки, творческие достижения, личные успехи — все должно было быть положено на алтарь всеобщего торжества.

Однако уже на этапе предварительной подготовки к празднику в народе нарастало внутреннее

сопротивление, которое по мере приближения к юбилею стремилось вырваться наружу. Первой реакцией ленинградского городского фольклора стало превратившееся в анекдот восклицание:

То пятидесятилетие Октября, то столетие со дня рождения Ленина. Остоюбилеело.

Затем как из рога изобилия посыпались многочисленные анекдоты о «юбилейных подарках».

Парфюмерная фабрика «Северное сияние» в розницу и комплектами начала выпуск подарочных изделий: одеколоны «Дух Ильича» и «Запах Ильича», духи «Ленин в Разливе», мыло «По ленинским местам», пудра «Прах Ильича».

Ленинградский ликеро-водочный завод выпустил юбилейные сорта водки: «Ленин в Разливе», «Запах Ильича» и «Ленин в бальзаме».

Местные птицефермы выставили на продажу новый сорт своей продукции «Яйца Ильича».

Кондитерская фабрика им. Крупской выпустила конфеты «Ильич в шоколаде».

Мебельная фабрика освоила производство трехспальной кровати для молодоженов под названием «Ленин с нами».

Фабрика «Гознак» наладила производство туалетной бумаги «По ленинским местам».

Петродворцовый часовой завод заполнил прилавки магазинов новыми ходиками с дополнительным механическим заводом. Каждый час из циферблата выезжает Ленин на броневичке и произносит: «Товагици! Габочая и ггестьянская геволуция, о необходимости котогой все вгемя говогили большевики... ку-ку!»

Фабрика резино-технических изделий «Красный треугольник» подарила покупателям юбилейные презервативы. Один из них, в память о Ленине, представлял из себя надувной бюстик Ильича и назывался «Ленин в тебе и во мне». Вторым назывался «Наденька!» и был посвящен Надежде Константиновне Крупской — верной и незабвенной подружке Ленина.

Ленсовет специальным постановлением переименовал фонтан «Самсон» в Петродворце в фонтан «Струя Ильича».

Туристическое бюро «Спутник» объявило конкурс: «Кто лучше знает биографию Ленина». Главный приз — путевка по Сибири с заездом на три года в Шушенское.

События, происходившие в 1917 и последующих годах в России, не могли не сказаться на состоянии остального мира, особенно европейского. Среди прочих экономических, политических, социальных и иных причин, в результате которых в Европе зародилось такое уродливое явление, как немецкий фашизм, есть одна, которую девственно непорочные советские историки стыдливо обходили молчанием. Эта причина состояла в том, что фашизм был еще и обыкновенной защитной реакцией, порожденной животным страхом перед угрозой всемирной революции, провозглашенной большевиками в качестве конечной цели своей революционной теории и практики. Законы выживания требовали адекватного ответа. Ответ был заложен в создании фашистского государства, в свою очередь, вслед за коммунистами провозгласившего борьбу за жизненное пространство. На самом деле это была обратная сторона той же медали: всемирной революции. Началось противостояние двух жесточайших режимов в истории человечества. Призрак войны плечом к плечу с призраком коммунизма

бродил по несчастной Европе. Фактически Советский Союз вступил в нее сразу, оккупировав Литву, Латвию, Эстонию, Западные Украину и Белоруссию, а затем объявив войну Финляндии. Мечта Сталина о восстановлении великой империи в дореволюционных границах была близка к осуществлению. Но Сталин просчитался. Гитлер не собирался потворствовать Сталину в его экспансии на Запад. Он готовился к походу на Восток. Стремительно приближался июнь 1941 г.

Было бы высшей несправедливостью утверждать, что в Советском Союзе к войне не готовились. Непрерывно на суше и на море проходили учения армии и флота. Учениями руководили высшие военачальники. Как это ни удивительно, но среди военных моряков сохранился анекдот об одном из них. Видимо, появление анекдота связано с более чем ироническим отношением военных моряков к сухопутному кавалеристу, маршалу Климу Ворошилову, который руководил учениями, будучи в то время наркомом по военным и морским делам.

По окончании одного из учений Балтийского флота на крейсере «Комсомолец» был поднят флаг «хер», означающий на языке флажковой азбуки «конец учения». После этого крейсер лег на курс закончившего учения чуть раньше крейсера «Аврора». Командир учений прибыл на доклад к главнокомандующему Ворошилову и отрапортовал:

— Товарищ маршал, «Комсомолец» поднял «хер» и лег на «Аврору».

Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 г. А уже 8 сентября того же года вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо блокады. Говорить языком анекдотов об этом, одном из самых трагических периодов Отечественной войны, может показаться кощунственным. Однако не будем забывать, что, во-первых, это язык самих блокадников, а во-вторых, юмор — это категория не только социологическая, но в значительной степени и физиологическая. Скольких людей юмор спас от смертельного уныния и разрушительного чувства безнадежности, никто не подсчитывал. Даже спустя десятилетия для многих, переживших блокаду, анекдоты тех лет не кажутся богохульством. Но предоставим слово самим блокадникам.

На Петроградской стороне горбится на кухне одинокая старушка. Вдруг раздается звонок, и в квартиру вваливается здоровый амбал, под потолок ростом.

— Марья Ивановна Сидорова?

— Марья Ивановна Сидорова, — испуганно лепечет старушка.

— В блокаду здесь жила?

— Здесь, милый человек, здесь.

— С Петром Федоровичем в связи была?

— Была, была... что же делать... есть было нечего.

— Забеременела, небось?

— Что же... конечно... дело обычное...

— И куда ж ты его дела?

— Так ведь кормить было нечем...

— И на помойку выкинула?

— Быки...

— Здравствуй, мама.

Система моральных оценок во время блокады качнулась в сторону обратную той, что вырабатывалась в обществе годами мирной и сравнительно сытой жизни. В одном из опубликованных недавно блокадных дневников приводится подслушанный случайно разговор двух юных блокадниц. Узнай об этом кто-то в то время, и ситуация вполне могла стать сюжетом анекдота:

— Ты что вспухла?

— Туфли починила.

Мучительная тема выживания любой ценой звучала не только в анекдотах. Она была, что называется, у всех на устах, и насквозь пронизывала всю жизнь того поколения. Вспомним хотя бы одну частушку:

Это было в блокаду

Это было в войну...

Я ему отдалася

За буханку одну.

Нам ли судить?! Блокада превратилась в «Блок ада» в «Городе смерти», как стали называть в те годы еще совсем недавно цветущий город. И при этом блокадники еще умудрялись шутить, величая себя «Дистрофия Шротовна Щей-Безвырезовская». Напомним, что шрот, или жмых — это измельченные и обезжиренные семена масличных растений, идущих на корм животным. Плитки спрессованного жмыха считались в то время чуть ли не деликатесом.

В блокадном Ленинграде появились далеко не единичные случаи каннибализма. Долгое время об этом говорить было не принято. Щадили память об умерших. Однако это было. До сих пор один из участков вблизи Михайловского замка в Петербурге в народе называют «Людоедским кладбищем». На нем зарывали расстрелянных без суда и следствия замеченных в этом страшном преступлении ленинградцев. По некоторым сведениям, их количество к концу блокады достигло страшной цифры, чуть ли не в 4 тысячи человек.

В холодной блокадной ленинградской квартире сидят, прижавшись друг к другу, двое влюбленных. Молодой человек, поглаживая колено подруги:

— Хороша ты, душенька... Но к мясу.

Но и в этом аду нет-нет да и вспыхивала яркая выразительная шутка — убедительное свидетельство внутренней стойкости ленинградцев. Это о них впоследствии скажет пословица: «Город каменный, а люди в нем железные». Понятно, что это не более чем метафора. Люди были самые обыкновенные. И проблемы у них были самые обыкновенные, человеческие.

— Как поживаешь? — спрашивает при встрече один блокадник другого.

— Как трамвай четвертого маршрута: ПоГолодаю, ПоГолодаю — и на Волково.

Один из немногих трамвайных маршрутов блокадного времени — № 4 — начинался на острове Голодай, проходил по Васильевскому острову, пересекал Неву по Дворцовому мосту, продолжался по Невскому проспекту, поворачивал на Лиговскую улицу и заканчивался вблизи старинного Волкова кладбища. Это был один из самых протяженных маршрутов. Его хорошо знали и им пользовались практически все ленинградцы. Другим столь же продолжительным путем следовал трамвай маршрута № 6. Он также начинался на острове Голодай, но поворачивал на юго-запад и заканчивался у ворот Красненького кладбища. В фольклорной летописи блокады сохранился и этот маршрут: «ПоГолодаю, ПоГолодаю — и на Красненькое». Одним из самых коротких маршрутов того времени был одиннадцатый. Трамвай этого маршрута делал кольцо недалеко от Смоленского кладбища. Поэтому вариант анекдота о маршруте № 11 был исключительно характерным для того времени. В блокадном сознании ленинградцев все дороги заканчивались кладбищем.

— Как живешь? — спрашивает один блокадник другого.

— Как трамвай № 11. ПоГолодаю, поГолодаю и пешком на кладбище.

Попытки прорвать кольцо блокады предпринимались не раз. До сих пор до конца не ясно, почему же немцы, так близко подступившие к Ленинграду, так и не смогли его взять. Наивные попытки объяснить это исключительно мужеством голодных и обессиленных ленинградцев или стойкостью изможденных от того же голода советских солдат, окопавшихся в болотах приневской низменности, не выдерживают критики, хотя, конечно, и то и другое сыграло немалую роль. И в нашу задачу не входит разгадать эту одну из самых хитроумных загадок Отечественной войны. Ясно только одно, и это одно видно даже из армейского блокадного фольклора: и немцы, и наши одинаково завязли в ленинградских болотах.

— Гитлер-то... слышал? Шлет сюда эшелон за эшелонам, без передышки. И знаешь что?

— ?

— Венские стулья.

— ?

— Очень уж долго войско фашистское стоит на одном месте. Утомились...

Задачу прорвать блокаду Сталин ставил многим полководцам Отечественной войны, в том числе и маршалу Жукову. Но даже ему не удалось выполнить этот категоричный приказ Верховного главнокомандующего. Сохранился анекдот, как Сталин, никогда и ничего не забывавший, уже после войны напомнил об этом маршалу.

Сталин вызывает Жукова.

— Слушайте меня внимательно, товарищ Жуков. Если немцы возьмут Ленинград — расстреляю; если немцы возьмут Москву — расстреляю; если возьмут Сталинград — тоже расстреляю...

На банкете в честь победы Сталин сказал:

— Я поднимаю тост за маршала Жукова. Маршал Жуков обладает двумя большими достоинствами. Во-первых, товарищ Жуков — хороший полководец, а во-вторых, товарищ Жуков понимает шутки...

Получил такой же приказ и командующий резервной Сибирской армией генерал Кулик. Но и эта попытка не увенчалась успехом. Блокадники горько шутили: «Этот Кулик оказался уткой» — и сочиняли анекдоты:

Кулик немцев жмет, немцы нас жмут. В конце концов Кулик так на немцев нажмет, что они в панике ворвутся в Ленинград.

Со времени блокады прошло более шестидесяти лет. Но раны, нанесенные городу не зарубцовываются до сих пор. В старых ленинградских квартирах до сих пор еще можно встретить буквальные следы блокады — темные пятна на полу от «буржук». Среди блокадников существует суеверная примета: если эти пятна уничтожить, все может повториться снова. Блокада в городском фольклоре и сегодня остается лакмусовой бумажкой, выявляющей уровень стойкости и героизма, мужества и терпения человека. И, как утверждает ленинградский фольклор, и сегодня «Каждому поколению — своя блокада».

Две старушки в хвосте огромной очереди в продовольственный магазин:

— Выстояли в блокаду, выстоим и за хлебом.

- Лектор сказал, что скоро наступит изобилие. — Ничего, пережили блокаду, Бог даст, переживем и изобилие.

Глава 8. Большой террор

Дурная репутация Сталина в фольклоре возникла давно. Она тесно связана с мистическими слухами, ходившими в народе после падения летом 1908 г. знаменитого Тунгусского метеорита, тайна которого до сих пор будоражит и не дает покоя. Тогда заговорили о том, что это был знак скорого пришествия в Россию антихриста. В поисках подтверждения этих слухов припомнили, что еще при первых арестах Иосифа Джугашвили царская полиция записала...

Россию в первой половине XX столетия. Однако в этом трагическом списке нет еще одной войны, без упоминания о которой панорама века оказалась бы не только не полной, но и искаженной. А это было бы актом высшей несправедливости по отношению как к людям, героически павшим на ее «полях», так и к тем, кому повезло остаться в живых в те страшные годы. В официальной историографии эта война войной не названа. И это понятно. В ней нет никаких признаков, по которым можно было бы идентифицировать ее как войну — отечественную, захватническую, гражданскую или какую-либо иную, известную человечеству. Это была война особого рода. В многотысячелетней практике народов мира у нее не было аналога. Вот почему специалистами ей подобрано множество других названий. Одно из них — Большой террор — вынесено нами в заголовок этой главы. Но как бы ее ни называли, это была самая настоящая война — необъявленная война, развязанная Сталиным против собственного народа.

Для того чтобы представить «стратегический» размах и масштабы этой войны, обратимся к статистике. Согласно приказу наркома внутренних дел Ежова от 5 августа 1937 г. за № 00447, изданному сразу вслед за решением ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г., в Советском Союзе началась «операция по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников». Далее в приказе строго определялись методы предстоящей работы. «Наиболее враждебные элементы» подлежали немедленному аресту и расстрелу после рассмотрения их дел «особыми тройками» в составе начальника местного управления НКВД, прокурора области и второго секретаря обкома ВКП(б). «Менее активные, но все же враждебные» подлежали заключению в тюрьмы и лагеря на срок от 8 до 10 лет. Члены семей репрессированных должны были быть выселены из города или заключены в специальные лагеря. Для каждой области был установлен строгий план, невыполнение которого, в свою очередь, грозило репрессиями для исполнителей. Для Ленинградской области этот план на первые четыре месяца работы был определен в 4000 человек, подлежащих расстрелу, и 10 000 — осужденных на тюремное заключение. Понятно, что план был перевыполнен. Так, в 1937 г. в Ленинграде и области было расстреляно 19350 человек, в 1938-м — 20 769, и так далее. Всего с августа 1937 г. по 1954 г. приведено в исполнение 40 485 расстрельных приговоров по политическим обвинениям.

Принято считать, что террор разразился в 1937 г., хотя есть свидетельства тому, что тщательно продуманная подготовка к нему, уже сама по себе похожая на войну, велась едва ли не с октября 1917 г. Эта подготовка носила далеко не теоретический характер. Достаточно вспомнить, что пресловутая Чрезвычайная комиссия, более известная во всем мире по страшноватой аббревиатуре ЧК, родилась в Петербурге, называвшемся в то время Петроградом, сразу после революции. Одно это позволяет признать, что родиной Большого террора является наш город. Именно здесь большевики подхватили знамя террора, выпавшее из рук их предшественников — народовольцев и эсеров. Причем если до революции ленинцы вообще отрицали террор как метод борьбы и осуждали террористов, то, захватив власть и почувствовав силу, они, что называется, вошли во вкус и только заменили малоэффективные индивидуальные убийства, известные истории, неслыханным ранее в России массовым террором. Теория стала практикой. Чем отличается одно от другого, фольклор понял сразу.

— *Чем отличается ЦК от ЧК?*

— *ЦК цыкает, а ЧК чикает.*

В 1920-х гг. питерские интеллигенты, не покинувшие страну, не сгинувшие в подвалах ЧК и сумевшие сохранить дореволюционное чувство юмора, превратили старую рыцарскую формулу приветствия «Честь имею кланяться!» в аббревиатуру и при встречах обменивались друг с другом тремя зловещими звуками: «ЧИК», вкладывая в них совершенно особый и хорошо понятный смысл.

Вот почему многие считают, что Большой террор начался задолго до трагического 37-го года. Тем более для Ленинграда. В совокупной памяти ленинградцев 37-му году предшествовал и 1917 г. с последовавшим за ним пресловутым красным террором, объявленным большевиками против врагов революции, и 1934 г. — год убийства Кирова и связанного с этим трагическим событием чудовищного шквала репрессий, обрушившего на город.

Но и 1917 г. в этом смысле имеет свою предысторию. В контексте нашего повествования было бы неплохо заглянуть в эпоху императора Александра II, которая характерна еще и тем, что ознаменовала собой начало применения в России такого уродливого средства достижения политических целей, как индивидуальный террор. Вспомним еще раз самое первое из восьми покушений на императора. Оно произошло 4 апреля 1866 г. в Петербурге, в Летнем саду. Стрелял в царя дворянин по происхождению Дмитрий Каракозов. Покушение не удалось. По иронии судьбы спас царя крестьянин Костромской губернии Осип Иванович Комиссаров.

Сразу же после этого судьба нечаянно оказавшегося в нужном месте и в нужное время крестьянина резко изменилась. Уже 13 апреля вышел указ императора о присвоении Комиссарову потомственного дворянского титула. По этому поводу в Петербурге распространился анекдот, родившийся, как это следует из некоторых стилистических признаков, за рубежами нашего Отечества.

— *Вы слышали, что в Петербурге в русского царя стреляли?*

— *Да, слышал. А не знаете ли, кто стрелял?*

— *Дворянин.*

— *А кто его спас?*

— *Крестьянин.*

— *Чем же его наградили за это?*

— *Сделали дворянином.*

Но вернемся в Ленинград 1934 г. Как известно, 1 декабря этого года в коридоре Смольного был убит первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), как в то время называлась большевистская партия, Сергей Миронович Киров.

Настоящая фамилия этого видного деятеля большевистской партии Костриков. Он родился в маленьком городке Вятской губернии Уржуме. После октября 1917 г. возглавил борьбу за советскую власть на Кавказе, а с февраля 1926 г. был направлен в Ленинград. Киров считался любимцем партии и народа. Согласно официальным советским источникам, которые, кстати, не противоречат многочисленным свидетельствам самих ленинградцев, время, когда Киров руководил городом, было одним из самых ярких периодов в жизни социалистического Ленинграда. Киров заботился о горожанах, любил город, много сделал для его восстановления после хозяйственной разрухи 1920-х гг. «Наш Мироныч», — с уважением называли его ленинградцы.

Являясь членом Политбюро ЦК ВКП(б), Киров в партийной иерархии считался одним из главных претендентов на руководство партии и государства. Злодейское убийство Кирова, которое произошло 1 декабря 1934 г. в коридоре Смольного, фольклор связывает в первую очередь именно с этим обстоятельством. Как известно, Сталин конкурентов не жаловал.

То, что убийство Кирова было санкционировано и организовано Москвой, ленинградский фольклор сомнению не подвергал. С мрачным юмором в ленинградских коммуналках рассказывали анекдот:

На следующий день после убийства, на заседании президиума ЦК ВКП(б) Сталин невнятно и с сильным грузинским акцентом проговорил:

— Товарищи, вчера в Ленинграде убили Кирова.

Вздрыгнув от неожиданности и ничего не расслышав, Буденный спросил:

— Кого убили?

— Кирова, — так же невнятно повторил Сталин.

— Кого, кого, Иосиф Виссарионович?

— Кого, кого, — раздраженно передразнил Сталин, — кого надо, того и убили.

Говоря лексическим штампом эпохи развитого социализма, именно Сталин был вдохновителем и организатором массового террора. Сталин Ленинград откровенно недолюбливал, а ленинградцев так и просто побаивался. От города «трех революций» можно было ожидать чего угодно. Он называл Ленинград «заговорщицким городом» и, говорят, в 1944 г. был всерьез обеспокоен слухами, которые бродили в народе, будто бы Ленинград вскоре будет объявлен столицей РСФСР.

Ленинградцы отвечали ему тем же. В городском фольклоре еще со времен послереволюционного Петрограда сохранилось предание, всплывшее, правда, на поверхность уже после смерти величайшего инквизитора всех времен и народов. Будто бы в первые недели революции Сталин появлялся на заседаниях и приемах в Смольном как-то неожиданно, из боковых и задних дверей. «Зачем вы это делаете?» — спросил Сталина один из большевиков. «Больше бояться будут», — будто бы ответил начинающий великий вождь и учитель всего человечества.

Дурная репутация Сталина в фольклоре возникла давно. Она тесно связана с мистическими слухами, ходившими в народе после падения летом 1908 г. знаменитого Тунгусского метеорита, тайна которого до сих пор не дает покоя. Тогда заговорили о том, что это был знак скорого пришествия в Россию антихриста. В поисках подтверждения этих слухов припомнили, что еще при первых арестах Иосифа Джугашвили царская полиция записала его особую примету: «на ноге не хватает одного пальца». А это с библейских времен считается приметой того, ветхозаветного антихриста. Тогда-то клеймо этого врага человечества и закрепилась за Сталиным.

Известным авторитетом пользовался Сталин, пожалуй, только в уголовной среде. Там его почтительно называли «Ус», «Усатый» или «Пахан». Памятуя о прошлом известного в дореволюционном мире экспроприатора Кобы, в этом не было ничего удивительного. Уголовники гордились своим предшественником, добившимся высочайшей партийной и государственной карьеры. Они любили выкалывать на груди его профиль, и если попадали в руки к милиции, то тут же начинали рвать на груди рубахи. Знали: бить по Сталину не будут.

Для всех остальных он был «Гиениальным вождем каннибалиссимусом Сталиным», как выразился о нем один остроумный интеллигент. Так что, кроме печати антихриста, за Сталиным закрепилось еще и клеймо гиены и каннибала. Еще в 1930-х гг. член ЦК партии

большевиков язвительный Карл Радек любил напевать в компании близких друзей:

Добрый вечер, дядя Сталин, ай-ай-ай,
Очень груб ты, нелоялен, ай-ай-ай,
Ленинское завещанье, ай-ай-ай,
Спрятал глубоко в кармане, ай-ай-ай.

У нас нет документальных свидетельств открытого вооруженного противостояния «вождю всех времен и народов». Сохранился, пожалуй, один анекдот, да и тот, скорее всего, более позднего происхождения. Однако и он может дать вполне предсказуемое представление об уровне взаимоотношений между «отцом всех народов» и его «детьми».

Неудавшееся покушение на Сталина. Покушавшийся арестован. При обыске у него обнаружили удостоверение ворошиловского стрелка.

— Ну вот, ворошиловский стрелок, а промахнулся.

— Да, попади тут, когда со всех сторон толкаются: «Дай стрельну, дай стрельну».

Спор о том, кто был родоначальником террора, а в конечном счете, кто более антихрист — Ленин или Сталин, продолжается до сих пор. Нет уверенности в окончательном решении этого вопроса и у фольклора.

Ленин и Сталин стоят в аду по горло в говне. Ленин кричит:

— *Есть такая партия!*

Сталин отвечает:

— *Не гони волну.*

Но в представлении народа даже Ленин в конце концов отшатнулся от своего верного последователя:

Когда Сталина внесли в мавзолей, Ленин сказал:

— *Никогда не думал, что ЦК подложит мне такую свинью.*

Справедливости ради надо сказать, что фольклор никогда не снимал вины за происходившее и с самого народа, против которого был развернут террор.

— *Папа, а кто такой Сталин?*

— *Наш вождь.*

— *А я думал, что вожди бывают только у дикарей.*

Так или иначе, сразу после убийства Кирова в Ленинграде начались массовые аресты. В значительной степени это коснулось старых большевиков-политкаторжан. К этой категории партийной элиты после 1917 г. относились с пиететом. Освобожденные революцией из тюрем и возвращенные из сибирских ссылок, они стали символом и знаменем борьбы за счастливое будущее человечества. Им отдавали должное. Их окружали заботой и вниманием. В ответ на это они передавали свой богатейший опыт революционной борьбы. По понятным причинам в Ленинграде старых борцов за всемирное счастье и справедливость было особенно много. Здесь

зарождалось революционное движение. Именно поэтому здесь, в Ленинграде, было создано Общество бывших политкаторжан.

В 1929 г. на Петровской набережной вблизи площади Революции начинается строительство специального жилого дома для политкаторжан. В 144 квартирах этого дома должны были жить бывшие политические каторжане и ссыльнопоселенцы — члены самых различных партий, от большевиков и меньшевиков до эсеров и бундовцев. Согласно одному из преданий, место для строительства выбирал сам Миронич. Будто бы именно он предложил возвести этот дом в непосредственной близости к площади Революции. Выстроенное в конструктивистском стиле здание почти сразу же приобрело статус памятника ранней советской архитектуры. Однако в то время оно все же вызывало странное ощущение своим серым казарменным цветом и узкими, чуть ли не тюремными оконными проемами. В Ленинграде мрачно пошучивали: «Они привыкли при царе по тюрьмам сидеть, вот им и дом выстроили соответствующий».

Почти сразу после убийства Кирова Общество бывших политкаторжан было ликвидировано. Им припомнили участие в партийных дискуссиях, и то, что раньше считалось внутривнутрипартийной борьбой, ныне стали квалифицировать как участие в антипартийных заговорах. 132 семьи из 144-х были выселены из Дома политкаторжан и подвергнуты репрессиям. Многие из них вновь оказались в тюрьмах и ссылках. Оставшиеся на свободе горько пошучивали:

НКВД извлек из нас квадратный корень.

И действительно, из 144 квартир не опечатанными остались 12. Но на самом деле и оставшимся было не до шуток. Сохранился анекдот:

Однажды в опустевшем доме политкаторжан затрещали звонки и послышались громовые удары в двери. Чудом уцелевшие остатки политкаторжан в оцепенении прильнули к дверям: на кого-то падет очередной жребий? И вдруг из-за дверей раздается радостный голос управдома:

— Граждане каторжане, никакой паники! Все в порядке! Это пожарные! Горит первый этаж!

На страну опускался сумрак беспросветной сталинской ночи. В душах и сердцах людей поселился обыкновенный человеческий страх, причем не только за себя, но и за других — родственников, детей, друзей или просто знакомых. Судя по семейному анекдоту, записанному Сергеем Довлатовым, в Ленинграде даже выработался своеобразный ритуал спасения близких людей.

Шла как-то моя тетка по улице. Встретила Зоценко. Для писателя уже наступили тяжелые времена. Зоценко, отвернувшись, прошел мимо. Тетка догнала его и спрашивает:

— Отчего вы со мной не здороваетесь?

Зоценко ответил:

— Извините. Я помогаю друзьям не здороваться со мной...

Да и сам Довлатов, хоть это и происходило через несколько десятилетий после описываемого нами времени, видимо, боялся делать лишние записи, которые могли бы кого-нибудь скомпрометировать. Лучше надеяться на собственную память.

— Мой телефон 32-08. Запомнить очень легко: 32 зуба и 8 пальцев.

А у Михаила Зощенко обострилась ипохондрия. И без того скупой на улыбку он стал еще более мрачным и нелюдимым. О нем, тогдашнем, ходили по городу невеселые анекдоты.

Пришел однажды человек к врачу.

— Замучила ипохондрия, доктор, ничего не помогает.

— А вы попробуйте каждый день читать по одному рассказу Зощенко.

— Боюсь, что не поможет, доктор.

— Почему?

— А я и есть Зощенко.

Никто не знал, чья очередь будет следующей. Не спасали ни положение, ни должность. В преддверии арестов искали оправданий. У каждого были свои.

Встречаются как-то Буденный и Ворошилов.

— Семен, как ты думаешь, почему всех берут, а нас не берут?

— Это, Клим, нас не касается. Берут только умных.

Взять могли кого угодно и за что угодно. Поводом для ареста мог стать безобидный анекдот, рассказанный на кухне при постороннем человеке, случайно вырвавшееся неосторожное слово, неправильно понятый жест. Особенно страдали от этого деятели культуры, профессиональные публичные выступления которых совершенно неожиданно могли предоставить чекистам такой повод.

Во время гастролей в Ленинграде известный цирковой клоун Карандаш вышел на манеж с мешком картошки. Тяжело сбросил его с плеч и сел на него посреди арены. Оркестр оборвал музыку, зрители насторожились, а Карандаш молчал. Сидел на мешке и молчал.

— Ну, что ты уселся на картошке? — крикнул Карандашу напарник.

— А весь Ленинград на картошке сидит, и я сел, — проговорил в гробовой тишине клоун.

Говорят, на этой опасной реплике ленинградские гастролеры любимого клоуна детей и взрослых М. Н. Румянцева, более известного по цирковому псевдониму Карандаш, закончились. Продолжилась ли эта история в злобещих кабинетах ведомства Берии, нам не известно. Но мы хорошо знаем, что многие страдали и за гораздо меньшие проступки, тем более совершенные случайно и бессознательно. К ним относятся невольные опечатки — довольно обычное явление, частенько случавшееся в издательской практике. Вот только несколько примеров, сохранившихся в народной памяти.

В журнале «Юный пролетарий» № 14 за 1936 год была обнаружена грубейшая опечатка: в кроссворде вместо «Пустота в дереве» напечатано «Пустота в деревне».

Некая районная типография отпечатала тираж официальных повесток о вызове допризывника в военкомат, и вместо слов «указанные лица» набрано «укаканные лица».

В ленинградской газете «Спартак» в отчете о соревнованиях в предложении «Мелкий тоскливый дождь сеял над зеркальным прудом стадиона» вместо слова «дождь» было

напечатано «вождь».

В плане семинара по работам Ленина, по недосмотру редактора, при сокращении была допущена грубейшая ошибка. Вместо «Ленин. Материализм и эмпириокритицизм» было напечатано: «Ленин. Мат и эмп».

В новогоднем номере журнала «Звезда» была опубликована передовая статья по поводу прорыва блокады. Там была такая фраза: «Удар, нанесенный немцам и под Ленинградом, является радостным событием». При наборе литера «и» близко подскочила к слову «немцам», отчего фраза приобрела обратный смысл: «Удар, нанесенный немцами», стал «радостным событием».

В одной газете вместо «Ленин охотился в Брянском лесу» было напечатано: «Ленин окотился в Брянском лесу».

Понятно, что все это, как утверждали неусыпные представители органов НКВД, делалось намеренно и «с определенным смыслом — грубо извратить смысл в контрреволюционном духе». Надо ли говорить, как сложилась дальнейшая судьба «виновников» подобных опечаток?

И не только их. Страх совершить случайную ошибку владел и теми кто писал, и теми кто контролировал.

Разговор в Гослите.

— В вашей статье приведена цитата из Мережковского. Как вы ее подпишете? Мережковский запрещен.

— «Муж Зинаиды Гиппиус».

— Но и Гиппиус тоже запрещена.

— Тогда: «Муж Антона Крайнева».

Напомним, что Гослит в советские времена официально занимался цензурой в литературе, а Антон Крайнев — один из псевдонимов Зинаиды Гиппиус.

Несмотря на ужасы репрессий, в стране именно в это время расцветает жанр политического анекдота. Причем анонимность анекдота, которая издавна считалась одним из характернейших признаков жанра, народом не признавалась. Народ любил анекдот, и ему хотелось видеть в анекдоте конкретных авторов. Как правило, ими становились известные и любимые писатели.

Однажды Назым Хикмет, путешествуя по Советскому Союзу, спросил колхозников, знают ли они, кто в стране сочиняет анекдоты? Они очень серьезно отвечали:

— Политические — Илья Эренбург, а про пшено — это все Зоценко.

Расширяется набор художественных приемов, которым пользуется фольклор для создания политического анекдота. В набор входят и такие проверенные временем средства, как затейливая игра слов, прозрачный каламбур, ассоциация или простой намек. В Ленинграде для создания анекдотов воспользовались даже фамилией известнейшего петербургского архитектора Растрелли, творения которого украшают наш город. Да и как не воспользоваться, если звучала она так трагически привычно для обостренного слуха ленинградцев того

времени.

Ленинградец водит по городу своего гостя из провинции:

— *Зимний дворец. Архитектор расстрелян.*

Мемориальная доска: «Архитектор Растреллян».

На экскурсии по городу:

— *Перед вами дворец, построенный Растрелли... А это особняк, возведенный Растрелли... Это площадь, названная именем Растрелли...*

Один из экскурсантов не выдерживает:

— *Так много сделал и расстрелян. За что же?*

В другом варианте того же анекдота его окончание выглядит несколько иначе. Дело в том, что анекдот появился во второй половине 1960-х гг., и без этого уточнения трудно понять, какие огромные надежды возлагало общество на новую жизнь после смерти «друга всех строителей и архитекторов» Сталина.

Экскурсовод:

— *Перед вами дворец, построенный Растрелли... А это особняк, возведенный Растрелли... Это площадь, названная именем Растрелли...*

Один из экскурсантов не выдерживает:

— *Да мы уже поняли, что строителей и архитекторов расстреливали, но, может быть, теперь уже можно назвать их фамилии?*

Берия на экскурсии по Ленинграду. Экскурсовод:

— *Лаврентий Павлович, кто из петербургских зодчих вам ближе всего по душе? Монферран? Кваренги?*

— *Растрелли.*

1934 г. в Ленинграде стал генеральной репетицией грандиозного политического спектакля, который будет поставлен Сталиным в 1937 г. Но Сталин не был бы Сталиным, если бы в своей политике укрепления личной власти последовательно не использовал все без исключения теоретическое наследие печально знаменитого флорентийца Никколо Макиавелли. По стечению исторических обстоятельств, в январе 1937 г. исполнялось сто лет со дня убийства Пушкина. И изощренный в коварстве Сталин понял, что эта печальная для страны дата при умелом превращении ее в празднество может стать фоном, на котором смерть врагов народа, кем бы они ни были при жизни, превратится в торжество высшей справедливости. Тем более что опыт превращения любой даты в инструмент идеологической борьбы большевиками давно уже был принят на вооружение. Даты смерти знаменитых людей в Советском Союзе сопровождались всенародными праздниками с тщательно разработанными в партийных кабинетах мельчайшими деталями — торжественными заседаниями, награждениями победителей соцсоревнования, трудовыми подарками и прочими атрибутами радостного советского веселья.

К юбилею, посвященному 100-летию со дня гибели Александра Сергеевича Пушкина, начали готовиться заранее. И праздник, похоже, удался на славу. Правда, интеллектуальная, думающая часть общества на это мероприятие откликнулась грустным анекдотом:

— В 1937 году Ленинград широко и торжественно отметил столетие со дня гибели Пушкина. Ах, какой это был праздник!

— Что ж, какая жизнь, такие и праздники.

Но кто же будет считаться с интеллигенцией, тем более что и она была вовлечена в эту пляску на костях. В Ленинграде был объявлен всесоюзный конкурс на памятник поэту. Как известно, в конкурсе победил проект молодого в то время ленинградского скульптора Михаила Аникушина. Проект был реализован, правда, уже после войны, в 1957 г. С тех пор памятник поэту украшает площадь Искусств. Но тогда, в 37-м, перипетии, связанные с проведением конкурса, породили анекдоты, достойные украсить любую коллекцию городского фольклора.

На конкурсе рассматривается проект «Пушкин с книгой в руке».

— Это хорошо, но надо бы немного осовременить, — сказал председатель жюри.

Через некоторое время проект был переработан. Он представлял собой Пушкина, читающего книгу «Вопросы ленинизма».

— Это уже лучше. Но надо бы поубедительнее.

После очередной доработки в проекте оказался Сталин, читающий томик Пушкина.

— Очень хорошо! — воскликнул председатель. — Но все-таки несколько натянуто.

Победил окончательный вариант проекта памятника, на котором Сталин читает «Вопросы ленинизма».

Еще более острым оказался анекдот, в котором были просто объявлены результаты этого замечательного конкурса:

Третья премия присуждена проекту, где Пушкин читает свои стихи, вторая — Сталин читает стихи Пушкина, первая — Сталин читает Сталина.

У искушенной ленинградской интеллигенции никаких иллюзий по поводу спектакля, устроенного Сталиным, не было.

Приходит Пушкин на прием к Сталину.

— На что жалуетесь, товарищ Пушкин?

— Жить негде, товарищ Сталин.

Сталин снимает трубку:

— Моссовет! Бобровникова мне! Товарищ Бобровников? У меня тут товарищ Пушкин. Чтобы завтра у него была квартира. Какие еще проблемы, товарищ Пушкин?

— Не печатают меня, товарищ Сталин.

Сталин снова снимает трубку:

— Союз писателей! Фадеева! Товарищ Фадеев? Тут у меня товарищ Пушкин. Чтоб завтра напечатать его самым большим тиражом.

Пушкин поблагодарил вождя и ушел.

Сталин снова снимает трубку:

— Товарищ Дантес! Пушкин уже вышел.

Как известно, вождь всего прогрессивного человечества любил пошутить. Как правило, от этих шуток у многих его соратников сводило от страха животы и пропадал аппетит. После его зловещего юмора, как говорится, было не до шуток. А сами шутки давно уже стали достоянием фольклора. И теперь трудно сказать, кто был автором той или иной из них: сам Сталин или народ, который вложенными в его уста словами его же и заклеил на долгие годы вперед.

Шутка товарища Сталина:

— Если бы Пушкин жил не в XIX, а в XX веке, он все равно умер бы в тридцать седьмом.

Народу и в самом деле было не до шуток. Многие анекдоты, ходившие по стране в то время, были немногословны, окрашивались в траурные тона и отличались грустным кладбищенским юмором.

Пушкин был первым, кто не пережил 37-го года.

Через много лет после «юбилейного» пушкинского года Сергей Довлатов записывает впечатление от совместной с поэтом Анатолием Найманом поездки в один из новых районов Ленинграда. Как это часто бывает у Довлатова, запись смахивает на анекдот, тем более ценный, что его персонажами стали реальные люди. Не исключено и другое. Искрометный и умный Довлатов и сам вполне мог быть анонимным автором многих ленинградских анекдотов. В этом случае нам предоставляется счастливая возможность присутствовать при рождении одного из них.

Оказались мы в районе новостроек. Стекло, бетон, однообразные дома. Я говорю Найману:

— Уверен, что Пушкин не согласился бы жить в этом районе.

Найман отвечает:

— Пушкин не согласился бы жить... в этом году.

Мрачным памятником Большому террору в Ленинграде стало огромное административное здание на Литейном проспекте, по иронии судьбы названное в народе Большим домом.

История этого дома началась в феврале 1917 г., когда восставшим народом был подожжен и затем разрушен один из символов свергнутой монархии Окружной суд, построенный еще в XVIII в. архитектором В. И. Баженовым на углу Шпалерной улицы и Литейного проспекта. Развалины суда долгое время так и стояли, напоминая о разрушительном красном пламени революции. Рядом с Окружным судом на Литейном проспекте стояла Сергиевская Всей Артиллерии церковь, возведенная в конце XVIII в. в память о национальном герое Древней Руси Сергии Радонежском. В начале 1930-х гг. она была взорвана. В 1931-1932 гг. на месте этих

двух зданий, вдоль Литейного проспекта в квартале между Шпалерной и Сергиевской улицами, были выстроены два административных здания: № 4 — по проекту архитекторов А. И. Гегелло, Н. А. Троцкого и А. А. Оля и № 6, спроектированного И. Ф. Безпаловым.

Выбор места для строительства Большого дома был не случайным. Оба вновь возведенные здания, объединенные общими переходами и коридорами, были также соединены еще с одним зданием — старинной царской тюрьмой, расположенной на участке № 25 по Шпалерной улице. Еще до революции это был знаменитый Дом предварительного заключения (ДПЗ), широко известный в свое время по фольклорному имени «Шпалерка». Здесь сидел сам Владимир Ильич, и именно здесь, если верить местным преданиям, он неоднократно «ел чернильницу, изготовленную из хлеба, и запивал чернилами из молока». В мрачном фольклоре советского периода истории тюрьмы ее аббревиатура — ДПЗ — хорошо известна расшифровкой («Домой Пути Забудь») и пресловутыми «Шпалерными тройками» — внесудебными органами из трех человек, назначенными от КГБ и ВКП(б). Через эти пресловутые «тройки» прошли десятки тысяч расстрелянных и замученных в советских тюрьмах и лагерях людей. О «Шпалерке» пели песни, слова которых до сих пор с содроганием вспоминают пережившие ужасы заключения питерцы:

Шпалерка, Шпалерка,
Железная дверка...

Мало чем отличалось от песенного и поэтическое творчество, посвященное этой городской тюрьме. Те же болезненные и тягостные темы безнадежного одиночества в каменных казематах:

На улице Шпалерной
Стоит высокий дом.
Войдешь туда ребенком,
А выйдешь стариком.
* * *

Литейный, четыре,
Четвертый подъезд.
Здесь много хороших
Посадочных мест.

С 1932 г. в помещениях всех трех зданий расположилось управление НКВД — зловещая организация, получившая в народе соответствующие прозвища: «Жандармерия» или «Черная сотня». Деятельность этого мрачного института советской власти оставила неизгладимый след в судьбах сотен тысяч ленинградцев. Столь же характерными были фольклорные наименования самого комплекса этих сооружений. Кроме известного уже нам микротопонима Большой дом, у него были и другие народные названия: «Собор Пляса-на-крови» и даже «Малая Лубянка» — по аналогии с печально знаменитой московской Лубянской.

Большой дом стал страшным символом беззакония и террора, знаком беды, нависшей над городом. В 1950-х гг., когда деятельность НКВД была предана огласке, начали появляться первые оценки, которые народ формулировал в анекдотах.

Приезжий, выходя из Финляндского вокзала, останавливает прохожего:

— Скажите, пожалуйста, где здесь Госстрах?

Прохожий указывает на противоположный берег Невы:

— Где Госстрах не знаю, а госужас — напротив.

«Армянское радио» спросили:

— Что такое комочек перьев, а под ним ужас?

— Это воробей сидит на крыше Большого дома.

Согласно одной из легенд, Большой дом под землей имеет столько же этажей, сколько над ней. В фольклоре это легендарное обстоятельство превратилось в расхожий символ:

— Какой самый высокий дом в Ленинграде?

— Административное здание на Литейном проспекте. Из его подвалов видна Сибирь.

- Что выше: Большой дом или Исаакиевский собор?

— Конечно, Большой дом. С Исаакиевского собора виден Кронштадт, а с Большого дома — Соловки и Сибирь.

Напомним, что упомянутая в анекдоте аббревиатура «Госстрах» в советское время обозначала единственную в стране организацию по страхованию жизни и имущества советских граждан. Но никто в Ленинграде не был застрахован от стукачей и доносчиков. Каждый мог оказаться арестантом в подвалах Большого дома. И при всем при этом ленинградцев не покидало спасительное чувство юмора.

В трамвае стоит гражданин, читает газету и говорит вполголоса:

— Доведет он нас до ручки.

Его тут же забирают. В Большом доме допрос:

— Так что вы сказали? Кто доведет нас до ручки?

— Как кто? Конечно, Трумен!

— А-а, так! Ну ладно, идите в таком случае.

Он выскочил. Потом вернулся, просунул голову в дверь:

— Скажите, а вы кого имели в виду?

Объявление на дверях Большого дома: «Прием граждан круглосуточно».

Еще одно объявление: «Звонок не работает. Стучать по телефону».

- Вы знаете Рабиновича, который жил напротив Большого дома? Так вот, теперь он живет напротив.

Петербургский фольклор до сих пор обращается к зловещей деятельности одного из самых страшных учреждений советской власти, которая сумела вовлечь в безумную пляску смерти как откровенных противников режима, так и ее верноподданных, и просто законопослушных граждан. Не нам с вами, с высоты наших знаний и информированности, судить или осуждать

их. Фольклор этим не занимается. Он просто констатирует. И каждый, даже самый ничтожный штрих той жизни, сохраненный для нас в анекдотах, важен как бесценное свидетельство очевидцев и участников событий нашей истории.

Надпись на дверях Большого дома: «Посторонним вход воспрещен».

Двое останавливаются. Читают.

— А если бы было разрешено, ты бы сам вошел?

Страх перед Большим домом еще очень долго буквально физически ощущался ленинградцами многих поколений. Даже через два, а то и через три десятилетия после смерти Сталина можно было услышать интонации этого страха в городских анекдотах.

Автомобиль свернул на улицу Войнова, которая ведет от Смольного мимо Большого дома.

— Правительственная трасса! — тихо говорит шофер лейтенанту.

— Правительственная трасса! — шепчет лейтенант полковнику.

— А почему шепотом? — спрашивает шепотом полковник лейтенанта.

— А почему шепотом? — спрашивает шепотом лейтенант шофера.

— А я вчера пива холодного выпил, — отвечает шофер.

Полностью этот животный страх начнет покидать души ленинградцев только в самом конце 1980-х гг., с началом перестройки.

Глава 9. Перестройка

Возникновение и становление анекдота как жанра в Европе, в России совпавшее с эпохой Петра Великого, дерзнувшего развернуть неуклюжий корабль русской истории на Запад, нельзя рассматривать как случайность. Это, если можно так выразиться, чисто литературное обстоятельство легко вписывалось в логику титанической работы, одним из эпизодов которой стало основание в устье Невы, под самым боком матушки Европы, столицы русского государства — Санкт-Петербурга.

События, обрушившиеся на страну в середине 1980-х гг., на самом деле готовились исподволь и давно. И немалую роль в подготовке общественного мнения к переменам сыграл политический анекдот. Знаменитые кухонные разговоры шестидесятников, которые, как правило, сводились к обсуждению накатывавшихся, как снежный ком, неразрешимых проблем государства, формировали иную, по сравнению с общепринятой, точку зрения на эти проблемы. Но и они оставались все-таки в рамках интимных семейных или товарищеских бесед и широкого распространения вне домашних стен не имели. А вот анекдоты, которые рождались в этих разговорах, уже на следующий день становились достоянием всего города и сразу же приобретали огромное влияние на общественное мнение.

В то время появлялось такое количество анекдотов, что, помнится, без нового анекдота рабочий день и не начинался. Свежий анекдот становился паролем при встрече друг с другом. Все говорили, опережая друг друга, боясь позабыть то, что так старательно удерживали в памяти, приберегая для нового дня. Скорость распространения анекдотов была такой невероятно высокой, что говорили, будто какой-то, чуть ли даже не государственный институт, провел эксперимент, в результате которого выяснилось, что анекдот, рассказанный в Москве, через два часа становился широко известным в Ленинграде. И наоборот. И все это при единственном в то время техническом средстве передачи информации — телефоне. Это было столь невероятно, что хотелось проверить. Помню, мы и сами увлекались такими экспериментами: рассказывали кому-то одному какой-нибудь свежий анекдот, засекали время и ожидали, когда кто-нибудь тебе же его и расскажет.

Героями политических анекдотов в первую очередь становились советские и партийные деятели, которые в анекдотах становились олицетворением партийно-бюрократического ханжества и чванства. Эти самодовольно излучающие благополучие и преуспевание чиновники эпохи загнивающего социализма становились настоящими антигероями жанра социально-политического анекдота времени его невиданного расцвета.

Однажды к председателю Ленгорисполкома Н. И. Смирнову пришла делегация работников Публичной библиотеки.

— Положение с хранением книг критическое, — заявила делегация, — новых помещений нет, а старые перегружены. Без помощи исполкома не обойтись.

— Не думаю, — ответил Николай Иванович, — скоро все ленинградцы получат отдельные квартиры, создадут свои личные библиотеки, и надобность в Публичной отпадет.

Председатель Ленгорисполкома Смирнов пригласил высокопоставленную американскую делегацию в Эрмитаж.

Проходя мимо статуи Вольтера, небрежно бросил:

— А это наш знаменитый генералиссимус.

В Эрмитаже высокая партийная делегация во главе с председателем Ленгорисполкома Смирновым. У модели памятника Людовику XIV.

Экскурсовод:

— Вы, конечно, знаете, кто сказал: «Государство — это я»?

Смирнов:

— Конечно. Ленин.

Неожиданно Эрмитаж в петербургском фольклоре стал своеобразной лакмусовой бумажкой не только для высоких гостей, но и для обыкновенных посетителей. Фольклор не щадил никого. Правда, иногда трудно было определить, что представляет собой герой очередного анекдота: собирательный образ партийного чиновника или из него выпала какая-нибудь конкретная фамилия конкретного партийного деятеля. Как, например, из вариантов анекдотов, услышанных и записанных нами:

После посещения Эрмитажа генерал расписывается в книге отзывов: «Замечаний нет».

В Эрмитаже у скульптуры Фальконе «Грозящий Амур» турист спрашивает: — Это маленький Ленин? А почему у него крылышки сзади?

Престарелая пара в Эрмитаже. Муж надолго застыл перед скульптурой обнаженной девушки, прикрытой лишь фиговым листочком. Жена — ехидно:

— Ты чего ждешь? Осени?

Но мы отвлеклись от конкретных партийных и государственных деятелей — любимых героев советских политических анекдотов предперестроечной поры. А они, поверьте, заслуживают нашего внимания.

Сразу по приезде в Ленинград после XXII съезда КПСС первый секретарь Ленинградского обкома Фрол Романович Козлов приехал на Кировский завод. Вошел в партком, увидел портрет Сталина на стене и отрезал:

— Снять!

Сел, оглянулся по сторонам и более миролюбиво добавил:

— Постепенно.

После того как Михаил Барышников не вернулся с гастролей и остался на Западе, в Кировском театре в антрактах стали продавать конфеты «Мишка на Западе».

Перед очередной зарубежной поездкой Кировского театра первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов вызвал к себе директора театра.

— Почему после каждой заграничной поездки вы недосчитываетесь несколько человек? — спросил он. — Почему от вас уходят актеры?

— Это не от нас, а от вас уходят, — ответил директор театра.

Но особенно доставалось первым лицам государства, в которых фольклор не без оснований видел главных виновников того, что происходило в стране. По отношению к ним анекдоты были особенно безжалостны и нелицеприятны:

Леонид Ильич Брежнев осматривает архитектурные достопримечательности Ленинграда. Машина останавливается перед Смольным. Сопровождающий рассказывает:

— Это здание мы хотим отдать под ваш музей, дорогой Леонид Ильич.

— Добро.

— Это старинное здание первой половины XIX века...

— Погодите, погодите... Вы говорите, первая половина... А где же вторая?

Леонид Ильич Брежнев, как-то попав в Русский музей города Ленинграда, прохаживался по залам и знакомился с экспозицией. В фойе он наткнулся на большое настенное зеркало в старинной оправе и долго смотрел на него.

— А что это такое? — спросил он после пятиминутного созерцания.

— Это зеркало, Леонид Ильич, — подобострастно шепнули из толпы сопровождающих.

— Зеркало... А почему Тарковского ругают? Такая хорошая картина! — оценил Леонид Ильич.

Через два дня коллегия Госкино сняла с «полки» и разрешила к прокату фильм Андрея Тарковского «Зеркало».

Приезжий, услышав полуденный выстрел, спрашивает:

— Почему у вас пушка стреляет?

— Как, вы не знаете? Леонид Ильич Брежнев приехал.

— Так ведь и вчера стреляли.

— Значит, не попали.

Леонид Ильич Брежнев в сопровождении Григория Васильевича Романова посетил Америку. Во время одной из поездок по стране они попали в плен к индейцам. Радостные воины привели пленников к своему вождю.

— Лазутчиков поймали, — воскликнули воины.

— Какие лазутчики?! — охладил их пыл опытный вождь. — Это наши друзья: Малая Земля и Черная Суббота.

Напомним, что в то время Брежнев написал воспоминания о своем участии в Отечественной войне под названием «Малая земля», а Романов прославился тем, что Ленинград по его прихоти стал единственным городом в стране, где, вопреки постановлению об обязательных двух выходных днях в неделю, одна суббота в месяц была рабочей. В народе ее прозвали «Черной субботой».

Свои «первые» и «генеральные» сидели не только в кабинетах Кремля или Смольного. Они были везде. Эта была в буквальном смысле слова хорошо отлаженная вертикаль власти, которая сверху донизу пронизывала и контролировала все сферы деятельности общества и государства. Особенно пристальное внимание в этой системе уделялось организациям культуры — театрам, профессиональным союзам деятелей искусства, объединениям литераторов, композиторов, художников и так далее. Руководителями таких союзов выбирались по настоятельным рекомендациям сверху самые бдительные, самые верные и преданные коммунисты. За это их осыпали наградами, благодарностями и привилегиями.

Дважды — в 1945–1948 и 1955–1965 гг. — первым секретарем ленинградского отделения Союза писателей избирался Александр Прокофьев. Сам по себе неплохой поэт, в начальственном кресле первого секретаря он превратился в мелкого и мстительного партийного чиновника, который мог свести счеты с любым автором даже самой безобидной эпиграммы, направленной против его персоны. Достаточно сказать, что он был одним из главных вдохновителей позорного суда над Иосифом Бродским в 1964 г. О роли Прокофьева, или «Прокопа», как называли его среди писателей, в культурной жизни Ленинграда можно судить по анекдоту:

В книжном магазине:

— Скажите, у вас есть стихи Глеба Горбовского?

— Нет, но есть Александра Прокофьева.

— Простите, а Вадима Шефнера?

— Нет. Возьмите Александра Прокофьева.

— А Майи Борисовой?

— Нет. Но есть Александра Прокофьева.

— А когда они будут?

— Спросите у Прокофьева.

Другим известным ленинградским поэтом был Виссарион Саянов. Он родился в Киренском уезде Иркутской губернии. В Петрограде впервые появился в 1917 г. И здесь же в 1924 г. выступил с первыми стихами. Его стихи и поэмы, упоминавшиеся в советских энциклопедиях,

имели названия, говорившие о многом: «Страна родная», «Смольный в начале 1918 года», «Комната Ленина в Смольном» и тому подобными. Трудно сказать, был ли он вполне искренен в своем творчестве, но то, что он был постоянно пьян, знал весь послевоенный Ленинград.

Сидит Саянов в ресторане, пьет рюмку за рюмкой и не закусывает. Официантка не выдерживает и приносит ему корочку хлеба. Через несколько минут видит, что Саянов лежит под столом. Она сочувственно подходит к нему, наклоняется, пытаясь помочь, но слышит в ответ невнятное бормотание:

— *Вот видишь, сволочь, что твоя корочка наделала?*

Вполне возможно, что это помогло поэту скрывать свое истинное внутреннее состояние, и, кто знает, не было ли это пьянство широко распространенной в то время формой протеста против окружающей действительности. Фольклору это не известно. Зато сохранилась эпиграмма на Саянова.

— *Встретил я Саянова.*

— *Саянова не пьяного?*

— *Саянова не пьяного.*

— *Значит, не Саянова.*

Ленинградским театром драмы имени Пушкина с 1975 по 1991 г. руководил народный артист Советского Союза Игорь Олегович Горбачев. Свою театральную карьеру Горбачев начинал с блестяще сыгранной роли Хлестакова в гоголевском «Ревизоре». Но случилось так, что именно при нем прославленный в прошлом театр превратился в один из символов общественного и художественного застоя. На ярком фоне театральной жизни Ленинграда тех лет, представителями которой были театральные коллективы Н. П. Акимова, И. П. Владимирова, Г. А. Товстоногова, театр Горбачева являл собой образец скучного консерватизма и выразительной безликости. В народе театр прозвали «Корыто Горбачева».

Вместе с тем Горбачев был одним из любимых актеров советских партийных бонз. Награды сыпались на него, как золотой дождь.

По случаю очередного награждения Игоря Олеговича Горбачева правительственной наградой Фаина Григорьевна Раневская сказала:

— *За создание в искусстве образа довольного человека.*

С едва скрываемым вздохом облегчения встретила ленинградская общественность уход Горбачева из театра.

— *Какую последнюю постановку осуществил Игорь Горбачев на сцене Пушкинского театра?*

— *Пьесу Островского «Не все коту масленица».*

Может быть, и этот анекдот принадлежит Фаине Григорьевне Раневской. Во всяком случае, молва вполне может ей это приписать. Известно, что она отличалась редким остроумием. И петербургский городской фольклор может только гордиться тем обстоятельством, что ей, москвичке, принадлежат, пусть немногие, но очень уж питерские анекдоты.

Однажды Фаина Григорьевна Раневская приехала на отдых в Репино. Наутро ее подруга Татьяна Ованесова, разбуженная шумом проходившей рядом пригородной электрички, постучалась к Раневской:

— Как отдыхали, Фаина Григорьевна?

— Танечка, как называется этот дом отдыха?

— Имени Яблочкиной.

— Почему не имени Анны Карениной? Я всю ночь спала под поездом.

С 1957 г. Союз композиторов Советского Союза возглавлял композитор Д. Д. Шостакович. Серьезных сомнений в его гениальности не было ни у кого. И не только у преподавателей и друзей молодого композитора, но и у него самого. Помните, как он будто бы сказал в 1924 г., сразу после переименования Петрограда в Ленинград: «Значит, когда я умру город могут назвать Шостаковичградом?» Понятно, что это выглядело не более чем юношеской реакцией на очередную потерю Санкт-Петербургом своего исторического имени, но все-таки... Шостакович не мог не догадываться ни о своей гениальности, ни о своей роли в музыкальной культуре страны. Вот как это интерпретируется в анекдоте:

Композитор Шостакович стоял в очереди в гастрономе «Елисеев». К нему подошел алкоголик и спросил:

— Третьим будешь?

— Только первым, — ответил композитор.

— Тоже неплохо! — сказал алкоголик.

Более полутора десятилетий обязанности председателя правления Ленинградского отделения Союза композиторов исполнял верный и преданный сын своего времени Василий Павлович Соловьев-Седой. Не зря его инициалы, так похожие по звучанию на известную партийную аббревиатуру, заменили композитору его собственное имя. Среди близких друзей его называли коротко и вполне определенно: «ВПСС».

Надо сказать, что и сам Василий Павлович был не прочь поиграть словами. Особенно если они услаждали его профессиональный слух музыкальными ассоциациями. В свое время в композиторской среде был популярен анекдот о встрече Соловьева-Седого с композитором Ваню Мурадели.

— Ваню, — приветствовал его Василий Павлович, — ведь ты не композитор.

— Почему? — удивился тот.

— У тебя все не так. Даже в фамилии. Смотри сам. Вместо «Ми» у тебя «Му», вместо «Ре» — «Ра», вместо «До» — «Де», вместо «Ля».

— «Ли».

В отношениях с друзьями Соловьева-Седого отличала исключительная порядочность. Во всяком случае, компрометирующих анекдотов о нем мы не слышали. Да он и сам в жизни старался демонстративно подчеркивать свою исключительно музыкальную, то есть

профессиональную деятельность. Даже личная подпись Василия Павловича Соловьева-Седого, говорят, представляла собой графическое изображение музыкальной гаммы: ФаСиЛяСиДо, то есть ВаСиЛий СеДой.

Как мы видим, разлагающее влияние городского фольклора на коммунистическую идеологию было очевидным. Столь очевидным, что распад советской системы некоторым аналитикам уже только поэтому казался совершенно неизбежным. Однако перестройка все-таки пришла совершенно неожиданно.

С легкой руки Горбачева, под таким названием во все энциклопедические и понятийные словари вошел период середины 1980-х — начала 1990-х гг., когда Коммунистическая партия предприняла попытку изменить формы общественной и государственной организации Советского Союза, давно уже доказавшие свою полную несостоятельность. В рамках этого социально-политического проекта началась демократизация и либерализация всех сторон жизни общества, в том числе расширение гласности и открытости в политике и экономике. Одна за другой появлялись программы реформ, каждая из которых обещала немедленное изобилие и достойную жизнь. Однако от социализма отказываться не хотелось, а тщетные попытки придать ему, как тогда любили говорить партийные идеологи, человеческое лицо закончились развалом Советского Союза.

Питерская мифология того времени была полна нескрываемой иронии по отношению к так называемым перестройщикам. Издевательским лозунгам типа «Ленинградцам — шведский стол!» и «Каждой ленинградской семье — отдельную квартиру!», которые выдвигались некоторыми кандидатами на выборах в Ленсовет, противопоставлялись лозунги неформалов при пикетировании домов рядовой застройки, подлежащих сносу: «Каждому ленинградцу по одному снесенному дому!» Обещания скорого и быстрого обогащения пародировались «указами» и «постановлениями» Ленсовета о переименованиях. Мы уже встречались с «указом» о переименовании кондитерского магазина «Мечта» на Невском проспекте в магазин «Утраченные иллюзии». Всплыл в памяти ленинградцев и анекдот, опубликованный в 1926 г. в сатирическом журнале «Пушка»:

Ввиду того что миллионы в СССР давно уже вышли из обращения, Миллионную улицу предложено переименовать в Копеечную.

В то время к гласу народа не прислушались, и старинной Миллионной улице было присвоено имя террориста, покушавшегося на жизнь императора, Степана Халтурина. Во время перестройки этот отрицательный опыт в фольклоре был переосмыслен в форме нового анекдота, более актуального и злободневного. Чтобы по достоинству оценить качество анекдота, надо напомнить о событиях далекого 1981 г. В то время в Польше огромным влиянием среди населения пользовалось всепольское профсоюзное движение «Солидарность», возглавившее борьбу польского народа за построение нового демократического государства. В 1981 г. последний президент социалистической Польши Войцех Ярузельский, напуганный освободительным движением «Солидарности» за выход Польши из коммунистического лагеря, объявил в стране военное положение, распустил все профсоюзы, в том числе и «Солидарность», и тем самым загнал Польшу в окончательный экономический и политический тупик, выход из которого грозил революционным взрывом.

По иронии судьбы, примерно в это же время в Ленинграде одной из транспортных магистралей в новом жилом районе присваивают название проспект Солидарности. Никакого отношения к польским профсоюзам этот топоним не имеет. Проспект, как утверждают все топонимические справочники, был назван в память о солидарности всех трудящихся, осуществивших Октябрьскую революцию. Но желание намекнуть власти о возможных последствиях

антинародной политики своего государства в фольклоре было так велико, что для этого годились все средства, тем более такие эффективные, как полное совпадение названий ленинградского проспекта и польского профсоюза. И появился блестящий анекдот:

Ленсовет постановил переименовать проспект Солидарности в тупик Ярузельского.

Между тем, программа выхода страны из экономического кризиса под названием «500 дней» в Ленинграде была встречена довольно спокойно: «Пережили девятьсот дней, переживем и пятьсот». Не обошлось и без политических анекдотов, которые, благодаря провозглашенной гласности, становились все более откровенными:

Приезжает Михаил Сергеевич Горбачев на Балтийский завод.

— *Как живете, товарищи?*

— *Хорошо, — пошутили балтийцы.*

— *Будете жить еще лучше, — шуткой на шутку ответил генеральный секретарь КПСС.*

Как известно перестройка и в самом деле обернулась галопирующей инфляцией, карточками на основные виды продовольственных товаров и постоянными задержками выплат и без того небольшой зарплаты. Пресловутое «Армянское радио» не успевало отвечать на вопросы своих слушателей:

— *Можно ли доехать из Ленинграда в Москву на корове?*

— *Нельзя, потому что в Новгороде ее съедят.*

— *Можно ли бегать в носках вокруг памятника Екатерине II?*

— *Можно, но только темной ночью, иначе вас могут ограбить.*

Пустые полки в магазинах поражали своей девственной чистотой. Даже приобретение обыкновенных носков в то время выросло в неразрешимую проблему. А народ при этом находил в себе силы еще и шутить. Вот каким анекдотом он отреагировал на бесконечные прямые трансляции по телевидению многочисленных официальных правительственных приемов, сопровождавшихся пиршествами с заставленными диковинными деликатесами столами:

Завтра в 19.00 телерадиокомпания «Петербург — 5 канал» будет показывать... бутерброд с икрой».

Телефонный звонок.

— *Простите, это Летний сад?*

— *Летний сад.*

— *У вас лебеди в пруду плавают?*

— *Плавают.*

— Простите, а до шести часов проплавают?

Угроза голода в то время была настолько реальной, что в нее верили самые испытанные и неисправимые оптимисты. Иногда не помогал даже юмор.

В знак протеста против исключения Ю. Ф. Соловьева из партии коммунист Ходырев объявил голодовку... на территории всей Ленинградской области.

Нет ничего проще превратить Ленинградскую область в регион благополучия. Надо лишь объявить войну Финляндии и, не начиная боевых действий, сдаться в плен.

Свободная и независимая Финляндия, добившаяся невероятных экономических успехов после выхода в 1918 г. из состава Российской империи, в петербургском городском фольклоре стала образцом для подражания. Финнам искренне завидовали, у них хотелось учиться.

— Зачем ездила делегация из Петербурга в Финляндию?

— Перенять у финнов опыт, как отбиться от великого восточного соседа.

Обратился Собчак к Горбачеву с просьбой предоставить Ленинграду полную самостоятельность. Хотя бы на один день. Хотя бы в порядке эксперимента.

— Ну, что ж, — ответил Горбачев, — на один день ничего страшного. Получайте.

Наутро Собчак собрал Ленсовет и провел решение об объявлении войны Финляндии. А к вечеру война закончилась. Ленинград безоговорочно сдался в плен и тем самым навсегда решил продовольственную программу.

Преимущества капиталистического строя перед социалистическим стали так очевидны, что это нашло отражение даже в фольклорных названиях такого всемирно известного паркового шедевра, как фонтан «Самсон, разрывающий пасть льву», центральной скульптурной композиции Большого петергофского каскада. В начале перестройки в память о двух ненавидящих друг друга телевизионных авантюристах Анатолии Кашпировском и Алане Чумаке, одинаково заряжавших якобы целительной энергией на глазах миллионов телезрителей бутылки с водопроводной водой, этот знаменитый фонтан первоначально назвали «Кашпировский, разрывающий пасть Чумаку».

Однако очень скоро фольклор нашел более важное применение мощным художественным метафорам, изначально заложенным в композиции фонтана. Он стал служить еще одним доказательством победы капиталистической экономики над коммунистической идеологией. Фонтан получил новое прозвище. На этот раз его связали с названием процветающей южнокорейской фирмы по производству электронной техники «Самсунг» и именем вождя всех трудящихся погрязшей в социализме Северной Кореи Ким Ир Сена «Самсунг, разрывающий пасть Ким Ир Сену».

В начале 1990-х гг. экономическое положение в России дошло до того, что судьба Ленинграда была поставлена в зависимость от гуманитарной помощи, организованной странами Запада Советскому Союзу в канун Рождества 1991 г. В арсенале городского фольклора осталась поговорка того смутного времени: «Стоит Питер у ворот, широко разинув рот». Правда, как бы в оправдание, появилась и довольно неуклюжая попытка все свести к обыкновенной шутке:

Идет по Невскому проспекту старушка с кружкой. Навстречу ей — американец. Порылся в кармане, достал доллар и бросил в кружку.

— Какой же ты противный, иностранец, — проворчала старушка, — всю сметану испортил.

А может быть, это никакая не шутка. Просто сработал иммунитет, выработанный еще во время блокады. Не случайно, выстаивая в бесконечных продовольственных очередях, стойкие ленинградцы обменивались лозунгами нового времени: «Блокаду пережили, изобилие переживем»; «Выстояли в блокаду, выстоим и за хлебом»; «Пережившие реформы приравниваются к блокадникам».

Но как бы тяжело ни было в то время обыкновенному простому человеку, едва появлялась угроза прекращения реформ и возврата в недалекое советское прошлое, как народ настораживался и тут же решительно переходил на сторону демократов. Опасность подстерегала всюду. 13 марта 1988 г. в газете «Советская Россия» появилось открытое письмо никому до того не известного преподавателя химии Ленинградского технологического института Нины Андреевой с красноречивым заголовком: «Не могу поступиться принципами». В статье, насквозь пронизанной животным страхом перед наступившими переменами, содержались откровенные призывы сохранить основные идеологические и политические принципы, выработанные за годы советской власти, остановить или круто изменить ход начавшихся реформ, прекратить либеральные демократические преобразования.

О самой Нине Андреевой можно было бы вообще не вспоминать, тем более что она уже давно выпала из исторического контекста, если бы не фольклор, возникший на волне ее короткой популярности и сохранивший аромат того, навсегда ушедшего в прошлое времени.

Тогда, в самом конце бурных 1980-х, ее называли — с нескрываемой иронией — «Железной леди Ленинграда» или с ядовитым сарказмом именовали: «Генсек Нин Андреев». А «знамя» всех антиперестроечных сил, поднятое ею и подхваченное коммунистами-ленинцами, окрестили «НинаАндреевским флагом».

На Загородном проспекте, напротив Технологического института, где некогда преподавала Нина Андреева, до сих пор существует малозаметное кафе. Здесь под негромкие разговоры за чашечкой горячего кофе любят проводить свободное время студенты и преподаватели института. В разговорной речи кафе называется: «У Нины Андреевой».

Письмо Нины Андреевой вызвало нешуточную дискуссию, итоги которой, как это обычно бывает, подвел фольклор. На одном из плакатов ленинградцев на антикоммунистических митингах того времени было: «Боря + Нина = любовь». Напомним, что «Боря», то есть Борис Вениаминович Гидаспов, был последним первым секретарем Ленинградского обкома КПСС. Тогда же появился анекдот, не оставляющий абсолютно никаких сомнений в том, на чьей стороне народ. Он несколько грубоват по форме, но зато точен по смыслу.

Нина Андреевна на митинге кричит:

— Демократы хотят меня расПять!

— Да ты никому и на один раз не нужна! — выкрикивают в толпе.

Правда, в народе жили опасения и иного рода. Люди привыкли жить при социализме, который худо-бедно, но обеспечивал видимость всеобщего равенства, пусть это и было равенство в нищете. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они всерьез боялись возвращения в

дореволюционные времена, тем более в их монархическом варианте. Вот один из анекдотов того времени.

— *Чем закончится советская власть?*

— *ПРЕСТОЛОМ.*

По иронии судьбы, творительный падеж этого слова, если рассматривать его как аббревиатуру и читать справа налево, прочитывается: «молот» и «серп». А изображения этих родных и понятных рабоче-крестьянских символов многие десятилетия присутствовали в гербе РСФСР — республики, ставшей теперь Россией, или Российской Федерацией. Разгадка этого мистического шифра якобы давно была известна посвященным. И только простой народ не был обучен правильному прочтению советской символики. Но пришло время, и тайное стало явным.

В Ленинграде перестройка ознаменовалась событием, ставшим одновременно и историческим, и знаковым на многие годы вперед. Городу наконец было возвращено его родовое имя — Санкт-Петербург. Появилась надежда на возрождение. Ведь известно, что переименования к добру не приводят. Переименованные люди плохо спят по ночам, переименованные корабли тонут, переименованные города приходят в запустение.

История возникновения официального названия города, основанного Петром I в устье реки Невы, довольно запутана и, вероятно, уже поэтому до сих пор питает одно из самых прекрасных заблуждений петербуржцев о том, что их город назван по имени своего основателя — Петра I. Но это не так. Петр родился 30 мая 1672 г. Однако в силу ряда обстоятельств, в том числе семейного свойства, крещен был только через месяц, 29 июня, в день поминания святого апостола Петра. Вот почему уже с юности Петром Алексеевичем владела идея назвать какую-нибудь русскую крепость именем своего небесного покровителя. По замыслу Петра, крепость должна была стать ключевой, то есть открывающей России выход к морю. Это полностью соответствовало значению апостола Петра в христианской мифологии, где он слыл ключарем, хранителем ключей от рая. За шесть лет до основания Петербурга, в 1697 г., в случае успеха Азовского похода такую крепость Петр собирался воздвигнуть в устье Дона.

Однако результаты Азовского похода не позволили Петру выйти в Европу через Черное море. Впрочем, неудача не сломила неумолимого царя. Через несколько лет он объявляет войну Швеции. Основной целью войны, вошедшей в историю под названием Северной, стало возвращение России ее исконных прибалтийских земель и выход континентальной до того страны к морю. Война продлится долго, до мира со Швецией пройдет более двадцати лет, но уже благодаря первым успехам в этой войне 16 мая 1703 г. на Заячьем острове в устье Невы основывается крепость, названная в честь святого апостола Петра — Санкт-Петербург. Крепость. Еще никакого города не было. А еще через полтора месяца, опять же в день святого Петра, 29 июня 1703 г., в центре крепости закладывается собор во имя Святых апостолов Христовых Петра и Павла. Вот тогда-то собственно крепость стали называть Петропавловской, а старое ее название — Санкт-Петербург — переносится на город, к тому времени уже возникший под стенами крепости и под ее защитой.

Очень скоро к Петербургу пришла известность, а затем и слава. Новая столица российской империи с каждым годом приобретала все больший авторитет в Европе и в мире. С ней считались. О ней восторженно писали иностранные дипломаты и путешественники. Уже в XVIII в. появились первые лестные эпитеты, многие из которых вошли в городской фольклор, образуя мощный синонимический ряд неофициальных, бытовых названий города. Петербург сравнивали с древними прославленными городами мира и называли: «Новый Рим», «Северный

Рим», «Четвертый Рим», «Северная Венеция», «Северная Пальмира», «Парадиз», «Новый Вавилон», «Снежный Вавилон», «Второй Париж», «Русские Афины», «Царица Балтики». На греческий лад его величали «Петрополисом» и «Петрополем».

Первое переименование постигло Санкт-Петербург в 1914 г. Начало Первой мировой войны вызвало такую бурю ура-патриотизма, что в столице это сопровождалось разгромом немецких магазинов и воинственными массовыми демонстрациями у германского посольства на Исаакиевской площади. Подогреваемая погромными лозунгами толпа сбросила с карниза посольства огромные каменные скульптуры коней. В этих условиях переименование Санкт-Петербурга в Петроград было встречено с завидным пониманием.

Волна шовинизма захлестнула и средства массовой информации. Старейшая городская газета «Санкт-Петербургские ведомости», которая поторопилась в эти же дни переименоваться в «Петроградские ведомости», захлебываясь от нахлынувших чувств, писала: «Петроград — это наименование будет, несомненно, любимее русскому народу, чем Петербург» — и подобострастно советовала правительству переименовать Кронштадт в Котлин, Ораниенбаум в Рамбов, а Петергоф в Петров Двор.

Петроградом город назывался чуть меньше десяти лет. В январе 1924 г., якобы по просьбе трудящихся, Петроград был переименован в Ленинград. На фоне всеобщего ликования по поводу этого события явным диссонансом выглядит реакция городского фольклора. Шалапин в своих воспоминаниях «Маска и душа» пересказывает популярный в то время анекдот:

Когда Петроград переименовали в Ленинград, то есть когда именем Ленина окрестили творение Петра Великого, Демьян Бедный потребовал переименовать произведения великого русского поэта Пушкина в произведения Демьяна Бедного.

Анекдот имел такой успех в обществе, что за короткое время вызвал настоящую бурю подражаний. Появилась мода на «переименования». Каждый анонимный автор старался быть и более изощренным, и более умным.

В связи с волной переименований всего и вся, последовавшей за смертью Ленина, возник еще один проект: следующим после декрета о переименовании Петрограда в Ленинград будет выпущен декрет, по которому полное собрание сочинений Пушкина будет переименовано в полное собрание сочинений Ленина.

Абсурд происходящего был настолько очевиден, что в фольклоре появились попытки довести его до предела.

Вскоре после смерти Ленина в Госиздате был выпущен популярный очерк по астрономии. Просмотрев книгу, Крупская, заведовавшая в Главполитпросвете цензурой по общественно-политическим вопросам, написала письмо в Госиздат: «Товарищи, ставлю вам на вид недопустимое политическое головотяпство. Предлагаю немедленно изъять эту книгу и выпустить ее в исправленном виде. И в соответствии с решением Совнаркома поменять название «Юпитер» на «Ю-Ленин»».

Инерция, заданная фольклором, оказалась непреодолимой. Процесс, пользуясь современным расхожим штампом, пошел. Записные остряки использовали всякий подходящий случай, чтобы обогатить фольклор очередным именем очередного претендента на славу и бессмертие. При Брежневе Ленинград называли «Ленинград», при Гидаспове — «Гидасповбург», при Собчаке — «Собчакстан» и «Собчакбург». При Андропове, который всерьез напугал общественность своими чекистскими методами управления страной, появился пугающий анекдот:

Андропов издает указ по переименованиям, состоящий из пяти пунктов. Впредь именовать:

1. ЦК КПСС — ЧК КПСС.
2. Кремль — Андрополь.
3. Москву — ЧеКаго.
4. Ленинград — Питекандроповск.
5. СССР — Коммунистическое Государство Будущего (КГБ).

Надо, правда, сказать, что в этой блестящей пародии на советскую власть все понятно, кроме четвертого пункта, в котором ленинградцам отводится сомнительная роль древнейших ископаемых людей, то ли человекообезьян, то ли обезьяночеловеков, которых ученые называют питекантропами. Ведь были и другие возможные варианты. Достаточно вспомнить анекдот знаменитого «Армянского радио»:

— На какие группы разделилось советское общество после прихода к власти Андропова?

— На питекандропов, андропоидов и мизандропов.

Остается только предположить, что авторами анекдота были москвичи, которые за что-то постоянно мстят ленинградцам.

Началась эксплуатация имени Президента Российской Федерации, петербуржца по происхождению В. В. Путина. Петербург становится «Путинбургом». Рождаются новые анекдоты.

Президента Соединенных Штатов Америки Джорджа Буша спрашивают о впечатлениях от встречи с Владимиром Путиным.

— Мне очень понравилось в России, — отвечает Буш, — особенно когда Путин свозил меня к себе на ранчо. Очень хорошее ранчо: разводные мосты, каналы, белые ночи. Правда, от Москвы далековато.

Но при всех правителях, в Москве ли, в Ленинграде, в ленинградский период петербургской истории питерцы остро чувствовали и четко различали разницу между названиями, обозначающими тот или иной исторический период.

«Армянское радио» спросили:

— Что останется от Ленинграда, если на него сбросить атомную бомбу?

— Останется Петербург.

Несмотря на официальную советскую идеологию, при которой история Ленинграда всегда и во всем превалировала над историей Петербурга, фольклор никогда на этот счет не заблуждался.

— Какие три лучшие города в мире?

— Петербург, Петроград и Ленинград.

Между тем, опыт эксплуатации темы переименований в фольклоре связан не только с

названием самого города. Шквал переименований, постигший городскую топонимику сразу после революции, не мог оставить эту тему без внимания общества. В середине 1920-х гг., после переименования Садовой улицы в улицу 3-го Июля, в журнале «Бегемот» был опубликован анекдот:

— *Где он поморозился-то?*

— *И не говорите. На улице Третьего Июля, и в самой горячей сутолоке — на углу Сенной!*

Тогда же и знаменитый Невский проспект потерял свое историческое имя. Он стал проспектом 25-го Октября. Такой акт вандализма не мог остаться незамеченным. Владимир Набоков, который детство и юность провел в доме своего отца на Большой Морской улице, в повести «Другие берега» вспоминал и бывший Невский проспект и Большую Морскую, переименованную в улицу Герцена: «Проспект какого-то октября, куда вливается удивленный Герцен». Абсурд переименований отмечен и в городском фольклоре:

Старушка спрашивает у милиционера, как пройти в Пассаж.

— *Пойдете с 3-го Июля до 25-го Октября... — начал объяснять милиционер.*

— *Милый, — перебивает его старушка, — это мне три месяца топать?*

За всю историю Петербурга линии Васильевского острова, за исключением Кадетской, которую в 1918 г. переименовали в Съездовскую, ни разу не меняли своих исторических названий, оставаясь своеобразными топонимическими памятниками первым годам существования Петербурга. Но оказалось, что в качестве инструмента для осмеяния неизлечимой в советские времена страсти к переименованиям линии Васильевского острова подходили как нельзя кстати. Приводим два варианта одного замечательного анекдота:

Ленгорисполком принял решение о переименовании линий Васильевского острова. Впредь они должны называться: 1-я — Ленинской, 2-я — Сталинской, 3-я — Маленковской, 4-я — Булганинской, 5-я — Хрущевской, 6-я — Брежневской... Косая — Генеральной.

Согласно постановлению Ленгорисполкома, все линии Васильевского острова переименовываются в честь съездов партии: Первая линия — в честь I съезда, Вторая — в честь II съезда, Третья — в честь III съезда и т. д. Косая линия впредь будет называться линией имени Генеральной линии КПСС.

Согласно одной из легенд, название самого Васильевского острова связано с именем сподвижника Петра I Василия Дмитриевича Корчмина, в первые дни основания Петербурга командовавшего здесь, на восточной стрелке острова, артиллерийской батареей. Будто бы ему Петр I отправлял приказы по адресу: «Василию на остров». Долгое время в силу оторванности от города остров оставался безлюдным. Напуганные изолированностью от остальных частей города, петербуржцы неохотно селились среди диких заболоченных и постоянно заливаемых наводнениями лесов острова. Надеясь хоть как-то активизировать жизнь Васильевского острова, на котором предполагалось создать административный центр всего города, Петр I дарит его Меншикову. Короткое время остров даже назывался Меншиковским, или Княжеским. Название не прижилось. Над всякими, даже достаточно гипотетическими попытками переименовать остров василеостровцы с неизменным чувством юмора посмеивались.

В начале 1990-х гг. с разрешения тогдашних ленинградских властей в Румянцевском сквере, что находится рядом с Академией художеств, постоянно проходили митинги и собрания

печально известной в свое время националистической организации «Память», членов которой в Ленинграде иронически называли «памятниками». Тогда в городе был моден анекдот:

— *Вы слышали, Васильевский остров переименовали? Он теперь называется Васильевским, в честь Васильева, вождя общества «Память».*

— *Как?! Что вы?! Он же всегда был Васильевским!*

— *Раньше был в честь, а теперь в память. Или, вернее, наоборот. Раньше это называли бы в честь, а теперь не в честь.*

— *Смотря, что считать честью.*

В 1991 г. волею большинства ленинградцев, выраженной в ходе проведения общегородского референдума, городу было возвращено его историческое имя святого апостола Петра. Этому предшествовала нешуточная борьба. По одну сторону баррикад стояли коммунисты-ленинцы, которые создали комитет с тем, чтобы «оградить от любых попыток переименовать» Ленинград.

Объявление: «Заседания комитета по защите названия города Ленинграда состоится в Музее... обороны Ленинграда».

В Ленинграде один за другим проходили многоярусные митинги, участники которых, с одной стороны, несли решительные и непримиримые лозунги: «Меняю город дьявола на город святого», с другой — предлагали самые невероятные примиренческие варианты названия.

Центрист на митинге по поводу возвращения городу исторического названия:

— *Правы и ваши, и наши, и ихние! Все три названия исторические! Поэтому предлагаю именовать наш город: Ленинград Петроградович Петербург.*

Кстати, по воспоминаниям очевидцев, еще в 1978 г. на памятнике Ленину у Финляндского вокзала появилась надпись: «Петр построил Петроград, а не ты, плешивый гад». Вспоминается и детская загадка:

— *Что будет, если из слова «Ленинград» убрать букву «р»?*

В конце концов победили здравый смысл и опыт тысячелетий, записанный на скрижалях мирового фольклора. Любая, даже самая многотрудная Одиссея заканчивается Итакой. Блудный сын возвращается в родительский дом.

Правда, вопросы все-таки остаются. До сих пор название области, раскинувшейся вокруг Санкт-Петербурга, остается прежним — Ленинградская. Время от времени петербургский городской фольклор напоминает об этом.

Цитата из учебника географии: Санкт-Петербург и окружающая его Ленинградская область.

На приеме у врача.

— *У вас в какой области болит?*

— *В Ленинградской.*

В эти годы буквально на глазах менялись мировоззрение, взгляды и даже образ мыслей советских людей. Особенно остро это ощущалось в студенческой среде, наиболее чуткой ко всяческим переменам части социума. Попробуем проследить эволюцию студенческого юмора. Вот как шутили студенты Академии художеств в недавнем прошлом:

— Где Моисеенко?

— На рыбалке.

Конечно, нельзя утверждать, что и раньше весь их юмор сводился к двусмысленным каламбурам вокруг фамилий президента Академии художника Моисеенко и его жены скульптора Рыбалко, но именно такие анекдоты считались наиболее характерными. Перестройка раскрепостила студентов. Юмор становился все более острым, откровенным и актуальным.

— Алло! Это прачечная?

— Срачечная!!! Институт культуры.

В кабинете ректора Университета.

— Как вы полагаете, сколько будет стоить переоборудование Университета в публичный дом?

— Отремонтировать помещения... закупить мебель... перекрасить фасады... За десять тысяч управимся.

В кабинете ректора Института имени Герцена. По тому же вопросу.

— Закупить кровати... вывесить фонарь... сменить вывеску... В пять тысяч уложимся.

В кабинете ректора Института культуры имени Крупской. Ректор даже не приглашает сесть.

— По две копейки на каждого студента.

— ?

— Оповестим всех по телефону, что переходим на легальное положение, и начнем работать.

И наконец, вот во что превратили студенты двух известнейших ленинградских вузов — Университета и Горного института — аббревиатуры своих Alma mater, территориально находящихся на противоположных концах невской набережной Васильевского острова:

— ЛГИ! — командует с одного конца набережной Горный институт.

— ЛГУ, — покорно отвечает с другого конца набережной Университет.

Спорт в массовом сознании всегда ассоциировался со студенческой молодежью, а символом спорта в Ленинграде всегда был «Зенит». Даже если «Зенит» приносил своим поклонником немалые огорчения, он все равно оставался любимой футбольной командой, на которую ленинградцы всегда возлагали огромные надежды. Конечно, в советские времена многое

зависело от личных спортивных пристрастий партийных хозяев города. Например, говорят, первый секретарь Ленинградского обкома Толстикова футбол не жаловал и к «Зениту» относился прохладно. Правда, если верить фольклору, до определенного момента.

Вызывает Толстикова Леонид Ильич Брежнев.

— *То, что у тебя плавбазу «Восток» не сдали к 50-летию Октября, знаем только мы с тобой. А вот то, что «Зенит» не победил в чемпионате, знает весь мир.*

Нам не известно, какие практические выводы сделал Толстикова из беседы с Генеральным секретарем партии, но сохранился анекдот о том, что престиж «Зенита» именно с тех самых пор постепенно стал вырастать. В «Зенит» потянулись игроки из других команд.

Одному туркменскому футболисту предложили перейти в «Зенит». Он долго думал, что ему попросить у руководства Ленинграда. Спросил у товарища по команде. Тот, не долго думая, дал совет:

— *Проси квартиру в Смольном и броневик Ленина.*

Шутки шутками, но за победу «Зенита» ленинградцы и в самом деле могли отдать что угодно.

Поймал мужик в Финском заливе золотую рыбку.

— *Отпусти меня, мужик, — взмолилась золотая рыбка, — я выполню любое твое желание.*

— *Хорошо, — сказал мужик, — сделай так, чтоб «Зенит» стал чемпионом.*

— *Ты что, мужик, это очень трудное желание. Попроси что-нибудь другое.*

— *Ладно, — сказал мужик, — тогда построй кольцевую дорогу вокруг Петербурга.*

Задумалась золотая рыбка.

— *Нет, мужик, — наконец промолвила она, — давай лучше вернемся к первому желанию.*

Болельщик «Зенита» приходит в библиотеку и просит книгу «Зенит — чемпион».

— *Молодой человек, — отвечает ему библиотекарь, — фантастика у нас на втором этаже.*

Сегодня этот анекдот уже потерял свою актуальность. В 2007 г. «Зенит» во второй раз, после 1984 г., стал чемпионом страны по футболу. Но дело не в этом. Надежда на новые успехи всегда рождает новые, пусть даже самые фантастические мечты. Это только укрепляет любовь петербуржцев к своей футбольной команде.

Поздний вечер. У телевизора муж смотрит футбол. Играют «Динамо» — «Спартак». Жена из спальни:

— *Иди спать.*

Муж:

— *Подожди.*

Так повторяется несколько раз. Наконец жена не выдерживает:

— Я вижу, ты «Спартак» любишь больше, чем меня.

— Неправда. Я и «Зенит» люблю больше, чем тебя.

Если молодежная субкультура эпохи перестройки прямого воздействия на все общество в целом все-таки не имела и носила, скорее всего, локальный характер, который мог осуждаться или не приниматься взрослым сообществом, то роль телевидения была совершенно иной. Это был всеобщий раздражитель, не имевший равных себе по степени воздействия на сердца и души ленинградцев.

В советские времена репутация ленинградского телевидения была не особенно высокой. В народе голубой экран телевизора называли «Телезвон», «Помойка», «Мутный глаз». Информационные программы телевидения чаще всего население игнорировало, ограничивая себя редкими развлекательными передачами да просмотром кинофильмов. Но с началом перестройки спрос на информацию возрос настолько, что любая новостная программа вызывала неподдельный интерес. А спрос, как это хорошо известно, рождает предложение.

И появились передачи Независимой телекомпании «НТК-600» под эффектным названием «600 секунд». Руководил программой небезызвестный телерепортер Александр Невзоров. Он же в прямом эфире комментировал сюжеты. Программа носила исключительно агрессивный характер, а злой и недоброжелательный стиль комментария очень скоро породил крайне негативное отношение ко всей передаче. О стиле самой передачи можно судить по анекдоту:

Вчера «600 секунд» передали, что в городе произошла катастрофа, но, к сожалению, жертв не было.

Очень скоро в народе самого Невзорова заклеили метким прозвищем «Телеистребитель», а название его телекомпании в городском фольклоре выглядели анекдотами:

«Шестьсот полей для дикарей».

«Сексот секунд».

«Шестерка и два нуля».

«Шестерка Особого Отдела».

«Независимая телеКомпартия «600» с Сашкой наголо».

Невзоров вместе с уже известными нам персонажами — первым секретарем Ленинградского обкома КПСС Гидасповым и телевизионным авантюристом Кашпировским — вошел в тройку самых одиозных фигур ленинградской истории эпохи перестройки. Их фамилии, превращенные фольклором в зловещие символы дневных страхов, ночных кошмаров и повседневной неустроенности, тенью мистических крыл нависли над городом.

Три злых демона Ленинграда: Гестапов, Неврозов и Кошмаровский.

Над Александром Невзоровым не издевался, кажется, только ленивый. Когда ура-патриоты единогласно избрали его членом некой академии, родился еще один анекдот:

— Какое у вас образование? — спросили Невзорова журналисты в одном из интервью.

— Достаточное, чтобы стать членом Российской академии, — ответил только что избранный академик.

Сохранилась легенда, что, когда в начале 1991 г. в стране возникла угроза возврата тоталитаризма, Невзоров прибежал к тогдашнему первому секретарю обкома КПСС Гидаспову и спросил, что он может сделать для коммунистов. «Поезжайте в Литву и попытайтесь прославить наших», — будто бы посоветовал Борис Вениаминович. Так появилась пресловутая телевизионная передача «Наши», воспевавшая большевистские методы борьбы с инакомыслием, предпринятые Москвой против литовского народа. Комментарии Невзорова к репортажам из Литвы пахивали откровенным шовинизмом. Это были последние штрихи к подлинному портрету Александра Невзорова, написанные им самим. Слава его стремительно начала меркнуть. Вскоре с экранов телевизора исчезли и пресловутые передачи.

Порождением перестройки стало появление нового социального слоя активных предприимчивых, или, как говорится, крутых молодых людей, которых тут же окрестили «новыми русскими». Кроме нагловатой уверенности в голосе, твердости в походке и гладко выбритых затылков они отличались малиновыми широкоплечими пиджаками и внешней схожестью с «братками» из бандитских группировок. Даже стиль поведения и тех и других был до удивления похожим — широкие ресторанные застолья да криминальные разборки на местах тайных сходов, которые на их жаргоне назывались «стрелками». Понятно, что эти «стрелки» не имеют ничего общего со знаменитой стрелкой Васильевского острова, но не воспользоваться этими абсолютно совпадающими по звучанию и написанию омонимами фольклор, конечно, не мог.

Два друга.

— Ты куда?

— На Стрелку.

Друг озабоченно:

— А тебе помощь не нужна?

Своеобразной лакмусовой бумажкой, помогающий отличить образ «Нового русского» от подлинного образа истинного петербуржца, каким он сложился в представлении всего мира, снова стал Эрмитаж. Фольклор чутко уловил разницу между тем и другим и сохранил целую серию анекдотов на эту тему.

В Эрмитаже. Новый русский с радиотелефоном в руках садится в музейное кресло.

— Молодой человек, — бросается к нему музейный работник, — вы что, с ума сошли?! Это же кресло Екатерины Великой!

— Ну и что! Когда она войдет, я встану.

Новый русский в Эрмитаже:

— Бедненько... бедненько... Но чисто.

Новый русский в Эрмитаже. Зал голландской живописи. Внимательно всматривается в каждую картину. В одну, другую, третью... Звонит радиотелефон. — Да... Скоро... Успею...

Подарок в машине... Выбираю открытку.

Новый русский, выходя из Эрмитажа:

— Никакого, блин, удовольствия, кроме эстетического.

Известно, что фронтоны и карнизы Зимнего дворца, помещения которого занимает Эрмитаж, украшены многочисленными женскими скульптурами. В условиях перестроечной неразберихи, когда в плавильных печах заводов, как простой металлолом, исчезали монументальные скульптуры, в Ленинграде родился еще один анекдот о новых русских, способных ради немедленной прибыли даже на акт невиданного вандализма.

— Интересно, кто крыша у Эрмитажа?

— А что?

— Нельзя ли бабок с нее снять?

Мы уже говорили, что игра слов, каламбур давно уже стали излюбленными инструментами, которые охотно использует фольклор для достижения наиболее выразительного художественного эффекта. Вот и здесь «крыша» — это не только верхняя часть здания, но и «защита» на воровском жаргоне, а «бабки» — это одновременно и женщины, или, в нашем случае, женские скульптуры, и деньги — в переводе на блатной сленг. Но это все-таки опосредованный способ воздействия на сознание. Фольклор же чаще всего использует прямой метод убеждения. Тем более, возможностей для этого в городской жизни вполне достаточно.

В Кунсткамере.

— Где у вас люстра из костей Петра Великого?

В Кунсткамере.

— А где хранится член Петра Первого?

В Антропологическом музее идет экскурсия. Молодой экскурсовод говорит:

— Посмотрите сюда. Перед вами череп Петра Первого в пятнадцатилетнем возрасте. Идемте дальше. Это череп Петра Первого в тридцатилетнем возрасте. А это посмертный череп Петра.

Один из экскурсантов:

— А как это, три черепа у одного человека?

— А вы из какой группы?

— Из взрослой.

— Проходите, товарищ. Это экскурсия для школьников.

Согласно логике исторического развития, руководителями Петербурга в эпоху перестройки были — сначала первый, всенародно избранный мэр Анатолий Александрович Собчак, чья активная политическая и жизненная позиция полностью соответствовала духу времени, и затем — губернатор Владимир Анатольевич Яковлев, деятельность которого в основном

сводилась к решению сиюминутных хозяйственных проблем. Оба хозяина Смольного олицетворяли собой соответствующий этап перестройки: Собчак — время надежд на скорейшее преодоление болезней роста, Яковлев — время разочарований и обманутых обещаний. В городском фольклоре хозяйственник Яковлев был прозван уничижительной кличкой «сантехник Яковлев», а фамилия Собчака стала чуть ли не нарицательной. И проживи он дольше, чем судьба ему позволила, так бы оно и случилось. Нам же остается поверить анекдоту, дошедшему до нас с тех бурных времен.

Идет Съезд народных депутатов. В ответ на реплику М. С. Горбачева к микрофону подбегает член ленинградской делегации:

— Михаил Сергеевич, мы не понимаем.

— А вы, собчата, молчали бы.

Но Собчаку более одного срока руководить Петербургом не дали. Москве он был неудобен, а может быть, даже и опасен. Да и сам Петербург надо было поставить на место. Город со всенародным статусом второй столицы в то время Москве был не нужен. Послушный и безответный Яковлев оказался самым подходящим кандидатом на место Собчака. И действительно, первым административным актом Яковлева стало изменение статуса руководителя города. Вместо европейской должности мэра в Петербурге появился евроазиатский административный пост губернатора.

В петербургском городском фольклоре выборы 1996 г., в результате которых Яковлев пришел к власти, запомнились как «потешные» и «кошмарные». Предвыборной кампанией Яковлева руководили люди с так называемыми говорящими фамилиями — А. Кошмаров и А. Потехин.

Накануне 2000 г., в рамках подготовки к чемпионату мира по хоккею, на петербургских улицах были развешаны огромные постеры с изображением нового Ледового дворца и символом чемпионата — лося с клюшкой. Изображение рогатого лесного животного сопровождалось довольно красноречивым текстом: «Под контролем губернатора». В ответ на это Яковлеву тут же присвоили новые прозвища: «Лось» и «Сохатый». Родился беззлобный, но очень выразительный анекдот:

По шоссе мчится машина. Вдруг ни с того ни с сего врезается в березу. Подходит гаишник:

— Что же ты... На прямой пустынной дороге... Выпил, что ли?..

— Да что ты! Просто увидел морду лося на щите. Рассмеялся... Вот руль и не удержал.

В памяти петербуржцев Яковлев так и остался весьма посредственным хозяйственником и вовсе никаким политиком. Но даже эта не особенно яркая звезда Владимира Яковлева начала на глазах меркнуть с приходом на должность полномочного представителя Президента РФ по Северо-Западу Валентины Матвиенко. Всем стало ясно, что должность губернатора Петербурга Яковлев оставит. И произойдет это задолго до официального окончания его губернаторского срока. Так и случилось. Едва отгремели последние залпы праздничного салюта по случаю 300-летия Петербурга, как было объявлено, что Яковлев подал заявление об отставке. В тот же день, как по хорошо написанному сценарию, отставка была принята. Видимо, в благодарность за стоворчивость Яковлеву была предложена должность вице-премьера правительства РФ по жилищно-коммунальному хозяйству (ЖКХ). Поскольку должность эта в народе считалась заведомо провальной, то заговорили о том, что Яковлева просто «послали в Ж... КХ». Очень скоро о Яковлеве в Петербурге стали забывать.

По иронии судьбы, завершение бесславного губернаторства Владимира Яковлева в Петербурге совпало с окончанием мучительного периода нового смутного времени в России, продолжавшегося долгие полтора десятилетия и названного историками перестройкой.

Глава 10. В начале нового тысячелетия

Первая попытка Москвы посадить на петербургский трон человека, близкого к Президенту, состоялась в преддверии выборов губернатора в 1999 г. Однако авторитет действующего тогда губернатора Владимира Яковлева среди определенной, постоянно голосующей на выборах части населения Петербурга на тот момент оказался настолько великим, что очень скоро кремлевским политтехнологам стало понятно: попытка может обернуться позорным поражением.

Историческая судьба сложилась так, что Петербург в течение всего своего 300-летнего существования четырежды встречал начало нового столетия. И каждый раз это придавало ему новый импульс к развитию. В начале XVIII в. сам факт появления на географической карте Европы новой столицы Российского государства явился мощным стимулом роста и становления. Начало XIX в., ознаменованное блистательной победой в Отечественной войне 1812 г., породило такое явление в архитектуре, как ампи́р. Город обогатился великолепными ансамблями Карла Росси, придавшими ему имперский размах и классицистическую строгость. Революционный подъем, охвативший творческую интеллигенцию в начале XX столетия, в архитектуре вылился в яркие образцы конструктивизма. И наконец, начало XXI в. совпало с выборами нового Президента России. Впервые, почти за целое столетие после Николая II, им стал уроженец Петербурга Владимир Владимирович Путин. Это был шанс, обещавший городу серьезные перспективы. Вероятно, Путин это интуитивно почувствовал. И действительно, сразу после своего избрания, как утверждают кремлевские легенды, он собрал на неофициальную встречу всех «московских петербуржцев», к тому времени составлявших значительную часть его команды. «Мы с вами, — будто бы сказал Президент, — волею судьбы оказались на вершине власти. Долго ли это продлится, сказать трудно. Давайте в отпущенные нам сроки попробуем сделать для нашего города что-нибудь исключительно важное».

Но прежде всего надо было поставить на руководство городом своего надежного человека.

Предыдущую главу мы закончили на том, что в 2003 г. губернатор Яковлев подал заявление об отставке. После этого были назначены новые выборы. Забегая несколько вперед, скажем, что в результате их должность губернатора Петербурга заняла Валентина Ивановна Матвиенко.

Но на самом деле предощущение нового этапа в жизни города началось гораздо раньше, с 2000 г., сразу после выборов Президента страны. Уже тогда стало ясно, что он сделает все возможное для возрождения славы своего родного города. Просто Яковлев не сумел этим обстоятельством воспользоваться, а Путину не сразу удалось заменить его, хотя острая необходимость в этом как для Москвы, так и для самого Петербурга чувствовалась в обеих столицах.

Первая попытка Москвы посадить на петербургский трон человека, близкого к Президенту, состоялась в преддверие выборов губернатора Петербурга в 1999 г. Однако авторитет действующего тогда губернатора Владимира Яковлева среди определенной, постоянно голосующей на выборах части населения Петербурга на тот момент оказался настолько высоким, что очень скоро кремлевским политтехнологам стало понятно: попытка может обернуться позорным поражением. И Москва отступила. Матвиенко была срочно отозвана из Петербурга еще на стадии предвыборной борьбы.

Вторая попытка, предпринятая к очередным выборам губернатора в 2003 г., оказалась более успешной. Этому предшествовал спектакль, умело срежиссированный и хорошо поставленный опытными политтехнологами. В феврале 2003 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин назначил Матвиенко своим полномочным представителем в Северо-Западном федеральном округе, штаб-квартира которого находится в Санкт-Петербурге. Валентина Ивановна Матвиенко приехала в Северную столицу. В это время весь христианский мир отмечал праздник святого Валентина, обмениваясь друг с другом дружескими и любовными записками — «валентинками». В Москве родился анекдот, который с быстротой молнии распространился в обеих столицах:

Вова московский полюбил Вову петербургского и прислал ему валентинку.

Мы не знаем, увидел ли в таком прозрачном намеке Владимир Яковлев крушение своей дальнейшей политической карьеры, но фольклор окончательно понял, что победа Матвиенко на этот раз будет обеспечена. Впрочем, к этому времени, если судить по предвыборному городскому фольклору, петербуржцы были готовы отдать за нее свои голоса. Матвиенко иначе как «Москвиенко» не называли. Это потом уже, по прошествии времени, ее, по аналогии с одной из русских императриц петербургского периода отечественной истории, в народе станут величать «Валентиной Иоанновной».

Судя по городскому фольклору, Матвиенко начала завоевывать сердца петербуржцев еще при Яковлеве. Фольклор отмечает преимущества, понятные петербуржцам, одного перед другим:

Губернатор Яковлев и Валентина Матвиенко после хорошего фуршета сопровождают иностранную делегацию по Питеру. Пересекая по мостику очередной канал, Яковлев с гордостью вещает:

— Это наша Северная Пальмира.

Тут из-под моста выплывает корявая лайба с одним веслом, в которой пьяный синяк с прилипшим к нижней губе окурком горланит матерную песню. Губернатор, качнувшись в сторону, разъясняет:

— *А вот и гольдон... гондон...*

Матвиенко торопливо подхватывает:

— *.. северовенецианский лодочник.*

По не вполне корректным и не очень понятным подсчетам любителей статистики, Матвиенко стала 61 губернатором Петербурга. И первой женщиной в России на этой должности. И хоть выборы губернатора проходили не в начале осени — периоде, известном немногими теплыми днями под названием «бабье лето», а в самый разгар осеннего холодного ненастья, 5 октября, городской фольклор решил подкорректировать природный календарь.

Не мог же он отказать себе в удовольствии связать в один узел политическое событие с природным явлением, которое по традиции всегда с нетерпением ожидают петербуржцы, и изящно позлословить на тему долгожданных перемен в политическом и экономическом климате города.

— *Когда в Петербурге начинается бабье лето?*

— *5 октября.*

В том, что Матвиенко — человек Путина, никто не сомневался. Да и она сама этого никогда не скрывала. Пройдет несколько лет, и фольклор найдет новое подтверждение этому обстоятельству. В конце второго, последнего, согласно Конституции, президентского срока Путина политики всех рангов будут захлебываться от прилива верноподданнических чувств, предлагая бесчисленные варианты продления этого срока, в обход Конституции, но не нарушая ее. Древние софисты могли бы позавидовать рафинированной изощренности предложений московских политиков. Внес свою лепту и питерский фольклор.

— *Что нужно сделать Путину, чтобы остаться на третий срок?*

— *Назначить своим преемником Матвиенко, а затем отправить ее... в декрет.*

Но это будет потом. А пока Путин создает в Москве команду, которую в фольклоре назовут «московскими петербуржцами». Один за другим на влиятельных руководящих постах в правительстве, администрации Президента и в министерствах оказывались выходцы из Петербурга. Причем речь шла не о тех москвичах, которые были ленинградцами по происхождению, а о тех, которые для работы в Москве были вынуждены специально приехать из Петербурга. Анатолий Чубайс, Илья Клебанов, Илья Южанов, Герман Греф, Алексей Кудрин, Сергей Степашин, Геннадий Селезнев, Сергей Миронов, Дмитрий Медведев и многие другие составили в Москве влиятельную группу людей, которую в Москве, в зависимости от оценочного знака, называли или «питерской командой», или «северным альянсом». Спектр московских оценок при этом колеблется от «новых питерских», «младопитерцев» и «питерских юристов» до «питерских чекистов» и даже «ленинградских чекистов». Не без тайной надежды на изменение сложившейся ситуации, московские острословы называют Дом правительства «Ленинградским вокзалом». Мол, все эти транзитные перемещения долго продолжаться не могут. Все образуется и встанет на свои привычные места.

А в это время, согласно фольклору, на подлинном Ленинградском вокзале в Москве и в отделах кадров многочисленных правительственных учреждений происходят одни и те же сценки:

Подходит поезд из Петербурга. К прибывшим бросаются москвичи:

— Вы из Петербурга?

— Да.

— Читать, писать умеете?

— Да.

— Не хотите ли поработать в правительстве?

Сотрудники отдела кадров перебирают заявления о приеме на работу. Один — другому:

— Он, кстати, тоже из Питера.

— Почему кстати?

— А это теперь всегда кстати.

По другому анекдоту, кадровая мобилизация на работу в Москве начинается еще в Петербурге.

— Почему петербургские улицы по вечерам пустеют?

— Петербуржцы в темное время боятся выходить из дома.

— Почему же?

— Их тут же вылавливают, запихивают в машины и увозят в Москву для работы в правительстве.

Да и личная жизнь москвичей, похоже, ничем не отличается от служебной. Еще один анекдот запечатлел семейный сюжет в московской квартире:

Просыпается утром в субботу муж и задумчиво говорит жене:

— Я сгоняю утром в воскресенье в Питер на базар, куплю хомячка.

— Ты что, не можешь его купить здесь, в Москве?

— Нет, люди сказали: в семье должен быть кто-то питерский.

Но время идет, и у москвичей, судя по новым анекдотам, появляются некоторые надежды. Судите сами.

Москва. Садовое кольцо. Идет машина с питерскими номерами. Ее останавливает гаишник и вежливо обращается к водителю:

— Предъявите, пожалуйста, документы.

Из машины выглядывает удивленное лицо.

— А что? Путин уже не президент?

Как видим, прохладные и настороженные отношения москвичей и петербуржцев друг к другу за триста лет совместного существования двух столиц ничуть не изменились.

— Почему петербуржцы не болеют СПИДом?

— Потому что в Москве их никто не любит.

Эти отношения уходят в глубину истории. Напомним, что уже сам факт неожиданного появления Петербурга на исторической карте русского государства явился непростительным вызовом патриархальной стареющей Москве. Нежданное дитя взбалмошного государя заявило о себе так громко, что моментально вывело первопрестольную из полудремотного состояния азиатской невозмутимости. Ожила и засуетилась многодумная боярская оппозиция молодому и непостижимому царю. Уже тогда вольные или невольные эмиссары Москвы закладывали прочный фундамент трехвекового противостояния двух столиц. Страшное проклятие «Петербургу быть пусту!» именно тогда приобрело законченную пословичную форму и стало первым вызовом Москвы юному Петербургу. С тех пор арсенал московской и петербургской фразеологии пополнился множеством пословиц и поговорок — почетными следами боевой брани на полях непримиримых словесных дуэлей. Вот далеко не полный арсенал ядовитых стрел, которыми любезно обменялись Петербург и Москва за триста лет своего соседства: «Питер — голова, Москва — сердце»; «Петербург — это мозг, Москва — это чрево»; «Питер — кормило, Москва — корм»; «Новгород — отец, Киев — мать, Москва — сердце, Петербург — голова»; «Москва — сердце России, Питер — ум, а Нижний Новгород — тугой карман»; «Москва от сердца, Петербург от головы»; «Отольются Москве невольские слезки»; «При упоминании о Северной столице у членов правительства меняются лица»; «По ком промахнется Москва, по тому попадет Питер»; «В Москве сруб срубят, в Питер стружки летят»; «Славна Москва калачами, Петербург — усачами»; «Москва невестится, Петербург женихается»; «Москва — девичья, Петербург — прихожая»; «Москва — матушка, Петербург — отец»; «Москва матушка, а Петербург — батюшка»; «В Москве место красит человека, в Петербурге человек — место»; «Москва женского рода, Петербург — мужского».

Не отставал от фразеологии и другой боевой жанр городского фольклора — анекдот.

В трамвай входит дама. Молодой человек уступает ей место.

— Вы ленинградец? — спрашивает дама.

— Да. Но как вы узнали?

— Москвич бы не уступил.

— А вы москвичка?

— Да. Но как вы узнали?

— А вы не сказали спасибо.

Судя по тексту, сюжет разворачивается в вагоне ленинградского трамвая. А вот что происходит в это время в Москве:

В московском метро.

— Простите, вы случайно не петербуржец?

— Нет.

— А может, у вас родственники в Петербурге?

— Нет.

— Друзья?

— Нет.

— Сослуживцы?

— Нет.

— Так сойди с моей ноги, козел!

Подлинной находкой для московского фольклора стало присвоение определенными средствами массовой информации Петербургу сомнительного звания «криминальной столицы России». На Петербург посыпалось одно обвинение за другим. В выборе средств не стеснялись. Использовался любой повод, будь то празднование 300-летия города, спортивный чемпионат или проведение в нем саммита «Большой восьмерки».

По Петербургу мчится на бешеной скорости «мерседес». Гаишники пытаются его остановить — безрезультатно. Наконец, расставляют «ежей», зажимают водителя, вытаскивают, распластывают по асфальту. Он изумленно спрашивает:

— Мужики, вы что?

— Ты с какой скоростью ехал?

— Триста.

— Да ты соображаешь?

— А что, у вас же на въезде в город висит знак «Петербург — 300».

— А чего это так много милиции было в Санкт-Петербурге? — Чтобы члены саммита «Большой восьмерки» порядок не нарушали.

Телефонный звонок.

— Алло! Добрый день. Это вас из Петербурга беспокоят.

— Ну зачем же так сразу наезжать?! Может быть, можно договориться?

Настоящим подарком для московских острословов стал скандал с кражей художественных ценностей из Эрмитажа, случившейся летом 2006 г. Казалось, все триста лет Москва только и ждала этого счастливого дня, чтобы наконец расквитаться с заносчивым Питером.

Останавливается поезд. Из него выходит женщина с большим чемоданом. Подходит местный мужчина.

— А вы сами откуда будете?

— Из Петербурга.

Мужчина, подозрительно глядя на чемодан:

— Из Эрмитажа?

Петербуржцы, понятно, в долгу не остались. Тема дружбы двух городов получила свое дальнейшее развитие. Извлекается из небытия старое уничижительное прозвище москвичей — москаль.

Приезжает москаль в Петербург. Долго восхищается архитектурой и белыми ночами. Рассказывает, что очень понравились фонтаны Петергофа. Его спрашивают:

— Скажите, а в Москве есть какие-нибудь дворцово-парковые ансамбли?

— В смысле?

— Вот у нас Петергоф, Стрельна, Ораниенбаум, Царское Село, Павловск, Гатчина... А у вас?

Москаль долго думает и наконец неуверенно произносит:

— Ну, Барвиха...

Петербургский галантерейный магазин неподалеку от Московского вокзала. Москаль, приехавший в Петербург, обращается к продавцу:

— Товарищ, скажите, у вас кассеты для бритвы «жилет-слалом» есть?

— Нет, — отвечает продавец.

Москаль уходит.

— Почему ты сказал, что у нас кассет для «жилета» нет, ведь у нас их навалом? — спросил у продавца его коллега.

— Раз он меня товарищем назвал, — отвечает тот, — пусть серпом бреется.

Сообщение по радио: — Санкт-Петербург. Местные скинхеды продолжают отлавливать иностранцев. Вчера еще три москвича попали в больницу.

- Кто москали петербуржцам? Друзья или братья?

— Конечно, братья! Друзей выбирают.

Вместе с тем социологический опрос, проведенный в Петербурге, выявил совершенно неожиданное обстоятельство. На вопрос «Хотели бы вы или нет, чтобы Петербург стал столицей России?» абсолютное большинство петербуржцев ответило категоричным «нет». Причем в рамках опроса вольно или невольно была предпринята очередная попытка реанимировать давний диалог «обеих столиц». В той же анкете был задан вопрос подросткам. Специфическая лексическая конструкция вопроса провоцировала адекватный ответ. Опрос вполне может претендовать на жанр городского анекдота.

— Считаете ли Вы, что Санкт-Петербург — это самый крутой город России?

— Йес!!! — ответили подрастающие петербуржцы. — Ясно дело! Питер круче. И клёвее. И кайфовее. Москва — ботва!..

Но было бы неверно рассматривать отношения между Петербургом и Москвой с точки зрения, кто лучше или хуже. Оба города достойны и восхищения, и уважения. Они оба хороши. Но, да простится нам невольная тавтология, они другие по отношению друг к другу. И фольклор это чувствует.

Прогноз погоды:

— *Завтра в Москве ожидается один градус. В Петербурге — совершенно другой.*

Впрочем, в последнее время фольклор обнаруживает некоторые точки сближения двух столиц. Вот в Северную столицу переехал Конституционный суд. Он будет заседать в здании старинного Сената, который объединен с соседним зданием Синода величественной аркой. В памяти петербуржцев всплыл старый, еще дореволюционный каламбур о «Сенате и Синоде, которые живут под Арками». Вот-вот в Петербурге начнется строительство нового офиса «Газпрома» на Охте. Надо полагать, местом жительства чиновников «Газпрома» будут оба города. Появился анекдот и по этому случаю:

Москва. Кольцевая дорога. 21 час. Гаишник тормозит 600-й «Мерседес» с газпромскими номерами, несущийся со скоростью 250 километров в час.

— *Ну, куда ты торопишься?*

— *Командир, в Питере мосты через три часа разводят.*

Еще один город, отношения Петербурга с которым нашли отражение в анекдотах и того, и другого, — это Одесса. Надо признать, что более близкого по менталитету города к Петербургу, чем Одесса, в России, пожалуй, не найти. Основанная в 1793 г. как крепость на берегу Черного моря, она всего лишь на 90 лет моложе Петербурга, возведенного в том же качестве на другом, противоположном берегу государства — на Балтийском море. Разница в возрасте меньше чем в 100 лет для городов не имеет никакого принципиального значения.

У Петербурга и Одессы много общего. Открытые всем ветрам морские порты. Вавилонское смешение всех мыслимых и немыслимых народов, позволяющее говорить о петербуржцах и одесситах как о людях некой уникальной национальности, соответственно — петербургской и одесской. Поразительное чувство юмора, замешенное на подлинном интернационализме жителей и того, и другого города. Не случайно в фольклоре и тот, и другой город называют «Венецией», только Петербург — «Северной», а Одессу — «Южной». И петербуржцы, и одесситы одинаково безоглядно влюблены в свои города и гордятся их архитектурными достоинствами. Но сказать, что одесситы любят свой город, это значит не сказать ничего. Одесситы боготворят его. Судите сами.

Одессит, заметив туриста, разглядывающего памятник Дюку, пламенно к нему обращается:

— *Какой вы молодец, что остановились именно у этого памятника. Это сам Дюк Ришелье, он сделал из нашего города Одессу. За это он имеет самый лучший памятник в мире. Это настоящий шедевр в стиле барокко, который создал знаменитый скульптор Мартос. Полюбуйтесь, как он изваял каждую складочку на одежде, каждый пальчик на руках. У вас... Извините, с какого вы города? Из Петербурга?.. Так что же я распинаюсь? У вас там такого барахла у самих навалом.*

Не будем относиться строго к особенностям одесского сленга и простим им их «барахло» и «навалом».

Фольклор и Одессы, и Петербурга не обходится друг без друга. Причем если, например, в московско-петербургском фольклорном диалоге чаще всего две столицы противопоставляются друг другу, то Одесса и Петербург вспоминают друг друга, когда надо что-то сравнить, проанализировать, сопоставить. Например, в смутную пору конца 1980-х гг., когда мучительный переход из Ленинграда в Санкт-Петербург сопровождался невероятными трудностями быта и беспрецедентной неразберихой в политической жизни, прозорливые петербуржцы, вглядываясь в едва заметные изменения, вселявшие некоторые надежды, говаривали: «Уже не Одесса, но еще не Петербург». Жизнь в стране и в самом деле складывалась так, что сравнивать было что. Особенно в эпоху всеобщего дефицита и пустых прилавков продовольственных магазинов, когда в Северной столице, в отличие от многих других городов страны, можно было хоть что-то достать.

Приезжает в Ленинград турист из Украины. Обращается к ленинградцу:

— *Какие у вас в городе вывески! Все чинно, благородно: «Леновоц», «Ленрыба», «Ленмолоко». А у нас в Одессе: «Одемясо», «Одерыба», «Одемолоко»; в Николаеве: «Нимясо», «Нирыба», «Нимолоко»... А в Херсоне и того хуже.*

Заметьте, никакой зависти. Только констатация. Каждому свое, будто бы утверждает фольклор каждого города. Но оказалось, что это не совсем так. Выяснилось, что одесситы хорошо помнят историю. И в том, что происходит в стране, себя не винят.

Одесское радио спросили:

— *Что было бы, если бы в 1917 году крейсер «Аврора» подошел к одесскому берегу?*

— *Ничего. Одесса оказалась бы более бдительной и не клюнула бы на холостой выстрел.*

В силу непредсказуемых исторических обстоятельств сложилось так, что сейчас Одесса оказалась вне границ Российской Федерации, она принадлежит Украине. Но менталитет одесситов остался прежним, они хорошо знают свое место в многовековой общей российско-украинской истории и это самоощущение бережно сохраняют в своем городском фольклоре.

Одессит расставляет приоритеты:

— *Москва... Санкт-Петербург... Одесса... Конечно, Одесса не первый город, но... и не второй.*

Тема приоритетов не нова и для петербургского городского фольклора. Уже к концу первого президентского срока стало ясно, что Петербургу в его самый сложный переходный период от «великого города с областной судьбой» к мегаполису со статусом «второй столицы» с Путиным повезло. О таком внимании со стороны Москвы город мог только мечтать. Поэтому не случайно, что стремительное приближение окончания второго конституционного срока президентства Путина в первую очередь взволновало петербуржцев. Фольклор попытался смягчить ситуацию. Он предположил, что никакого окончания не будет. При этом откровенно напомнил о своей нетленной роли в российской культуре и, походя, лягнул амбиции москвичей, претендующих на эту роль.

Теперь Пушкин — наше все, Церетели — наше везде, Путин — наше всегда.

Понятно, что москвичам это не могло понравиться, и в ответ они придумали другой анекдот, еще раз напомнив петербуржцам о том, что по Конституции президентство Путина заканчивается в марте 2008 г.

Федеральное правительство решило построить новую 10-полосную автостраду Петербург — Москва: 2 полосы — из Петербурга и 8 — из Москвы. Окончание строительства в 2008 году.

На этом поединок не закончился. Петербуржцы бросили москвичам вызов, напомнив о подлинном отношении к Путину всего российского населения, от чиновников высших властных структур до рядовых обывателей.

Захотела дочка Путина в институт поступить. Конкурс был огромный: сорок институтов на место.

На квалификационной комиссии чиновника спрашивают:

— На какую должность вы хотели бы претендовать?

— Хотел бы поработать собакой Конни.

— Почему же?

— Ей позволено лизать руку хозяина столько, сколько она хочет.

Ну а если и этого недостаточно, то в качестве последнего аргумента фольклор предложил не скидывать со счета политическую волю и самого Путина. Прототипом предлагаемого ниже анекдота послужила знаменитая классическая серия анекдотов о всеведущем, вездесущем и всезнающем Вовочке, нарицательное прозвание которого вдруг совпало с конкретным личным именем Президента Российской Федерации.

Захотел Вовочка стать президентом... И стал им.

Правда, не обошлось и без ядовитой фольклорной реплики об одном из первых распоряжений новой президентской администрации:

Впредь все анекдоты о Вовочке считать политическими.

И снова петербургский городской фольклор берет на вооружение старые испытанные методы. И вовсе не в качестве эзопова языка, а просто для большей убедительности. Теперь уже аналогами выступают знаменитые герои советских политических анекдотов — опытный и многоумудрый Василий Иванович Чапаев и его верный и преданный, простодушный Петька.

Петька спрашивает Чапаева:

— Василий Иванович, а кто будет Президентом России после Путина?

— Путин, конечно, Петька. Но звать его будут по-другому.

— А почему, Василий Иванович? Это для конспирации?

— Нет, Петька, для конституции.

Интрига? Да никакой интриги. Президентом стал Дмитрий Анатольевич Медведев, еще один петербуржец, «наш человек» или «парень из нашего Купчина», как его, по месту постоянного проживания еще в Ленинграде, называют в городском фольклоре. А это еще один аргумент в пользу европейского пути развития России. А фамилия?.. Перечитайте предыдущий анекдот. И

послушайте еще один из последних:

На уроке в школе.

— *Как правильно говорить: два медведя или два медведей?*

— *С 2008 года правильно надо говорить: Медведев.*

После инаугурации нового Президента на пост Председателя правительства, по предложению Медведева, был назначен Владимир Владимирович Путин. Петербургский фольклор ответил на это новым анекдотом:

Премьер-министр Путин вместо портрета Президента поставил у себя в рабочем кабинете чучело медведя.

Напомним, что медведь является одновременно словом, от которого произведена фамилия нового президента, и символом крупнейшей в стране политической партии «Единая Россия», лидером которой стал Путин.

Доказательством того, как важна для Петербурга победа преданного планам Путина Дмитрия Медведева на выборах Президента России в 2008 г., служит тот факт, что губернатор города Валентина Матвиенко лично возглавила его избирательный штаб в Петербурге. А это, как говорится, уже не анекдот.

Как долго продлится такая благоприятная для Петербурга ситуация, сказать трудно, но в городском фольклоре уже сегодня появились весьма оптимистические прогнозы:

2032 год. В пивном баре сидят Путин и Медведев и попивают пиво.

— *Послушай, Дима, — спросил Путин, — что-то я запутался, кто у нас сейчас президент, ты или я?*

— *Вы, Владимир Владимирович, — ответил Медведев, — а я — премьер-министр.*

— *Ну, раз так, то сходи принеси еще пару кружечек.*

Что же касается собственно анекдотов, то этот жанр устного народного творчества, по определению, чрезвычайно мобилен. Может быть, как никакой другой. Он способен мгновенно откликаться буквально на все события, происходящие в стране и в городе. Его реакция на окружающий мир чаще всего совпадает с общественным мнением большинства горожан. И уже поэтому мы с вами еще не раз услышим новые прекрасные образцы этого замечательного вида городского фольклора, столь любимого петербуржцами всех поколений.

Именной словарь персонажей

А

Авель /Василий Васильев/ /1757-1841/ — монах, предсказатель будущего. Согласно фольклору, многие его предсказания сбывались.

Аврора Крейсер — здесь каламбур от названия корабля: крейсер «Аврора».

Агин Александр Алексеевич /1817-1875 / — художник. Известен иллюстрациями к «Мертвым

душам» Н. В. Гоголя. По его рисункам изваяны барельефы на сюжеты басен И. А. Крылова на постаменте его памятника в Летнем саду.

Акимов Николай Павлович /1901-1968/ — режиссер и художник. Руководил Ленинградским театром комедии, ныне носящим его имя.

Акопян Гарик — фольклорный персонаж.

Александр I Павлович /1777-1825/ — российский император /1801- 1825/, старший сын императора Павла I.

Александр II Николаевич /1818-1881/ — российский император /1855-1881/, старший сын императора Николая I. Убит террористами из партии «Народная воля».

Александр III Александрович /1845-1894/, российский император /1881-1894/, второй сын императора Александра II.

Александр Невский Ярославович /1220/1221-1263/ — князь новгородский /1236-1251/ и владимирский /с 1252/. Сын князя Ярослава Всеволодовича. Прославился победами над шведами в Невской битве /1240/ и над немцами в Ледовом побоище /1242/. Канонизирован Русской православной церковью. Считается небесным покровителем Петербурга.

Алексей Михайлович /1629-1676/ — русский царь /1645-1676/, отец императора Петра I.

Алексей Петрович /1690-1718/ — сын Петра I. Находился в оппозиции к отцу. Бежал за границу. Посулами и обещаниями свободы и жизни был возвращен в Россию, но сразу же заточен в Петропавловскую крепость и подвергнут допросам с применением пыток. Приговорен к смерти. По официальной версии умер в заточении. По легендам, задушен по приказанию Петра I.

Альгаротти Франческо /1712-1764/ — итальянский публицист и писатель. В 1739 г. посетил Россию, о чем написал книгу «Письма из России».

Андреева Нина Александровна /род. 1937/ — преподаватель химии Ленинградского технологического института, автор открытого письма с красноречивым заголовком: «Не могу поступиться принципами», опубликованного в газете «Советская Россия» 13 марта 1988 г.

Андрей Первозванный /I век н. э./ — апостол, один из первых и ближайших учеников Иисуса Христа. Проповедник христианства на территории современной России. Считается покровителем России. Распят в Греции на косом кресте /Андреевский крест/.

Андропов Юрий Владимирович /1914-1984/ — советский партийный и государственный деятель. С 1982 года Генеральный секретарь ЦК КПСС.

Аникушин Михаил Александрович /1917-1997/ — скульптор, автор многих скульптурных произведений, установленных в Петербурге. Среди них: памятник Пушкину на площади Искусств, скульптурная композиция защитников Ленинграда на площади Победы, памятник Ленину на Московском проспекте и многие другие.

Аничков Михаил Осипович /XVIII в./ — полковник, командир строительного батальона. С ним связано строительство первого моста через Фонтанку, названного его именем.

Анна Иоанновна /1693-1740/ — российская императрица /1730-1740/, дочь царя Иоанна V

Аннет — фольклорный персонаж.

Антихрист — в христианской мифологии противник Христа, враг человечества, который явится перед концом света.

Антокольский Марк Матвеевич /1843-1902/ — скульптор. Автор скульптур «Иван Грозный», «Петр I».

Арайя Франческо /1709 — ок. 1770/ — итальянский композитор. В 1735–1762 гг. возглавлял итальянскую труппу в Петербурге.

Аракчеев Алексей Андреевич /1769-1834/ — генерал от инфантерии, фаворит императоров Павла I и Александра I.

Арина Родионовна Яковлева /1758-1828/ — няня А. С. Пушкина. В истории более всего известна не по фамилии, а по имени-отчеству.

Арманд Инесса /Елизавета/ Федоровна /1874-1920/ — видный деятель революционного движения в России.

Асенкова Варвара Николаевна /1817-1841/ — актриса Александровского театра.

Б

Багратион Петр Иванович /1765-1812/ — генерал от инфантерии, полководец, участник суворовских походов, герой войны 1812 г.

Баженов Василий Иванович /1737/38-1799/ — архитектор, автор проекта Михайловского замка в Петербурге.

Балакирев Иван Александрович /1699-1793/ — камер-лакей, придворный шут.

Балтимор /XVIII в./ — лорд.

Барановский Гавриил Васильевич /1860-1920/ — архитектор. По его проектам построены: Торговый дом Елисеевых на Невском проспекте, здание русского географического общества в Демидовом переулке, Буддийский храм на Приморском проспекте, здание ломбарда на набережной реки Мойки.

Барклай-де-Толли Михаил Богданович /1761-1818/ — князь, генерал-фельдмаршал, герой войны 1812 г.

Барков Иван Семенович /ок. 1732-1768/ — поэт и переводчик. Широкую известность приобрел как автор эротических стихотворений, которые при его жизни напечатаны не были и расходились в списках.

Барышников Михаил Николаевич /род. 1948/ — артист балета Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова. В 1974 г. во время гастролей труппы театра во Франции остался за границей.

Башуцкий Александр /XIX в./ — паж.

Башуцкий Павел Яковлевич /1771-1876/ — генерал-адъютант, комендант Петропавловской крепости.

Бедный Демьян /1883-1945/ — настоящие имя и фамилия Ефим Алексеевич Придворов. Поэт.

Безбородко Александр Андреевич /1747-1799/ — государственный деятель, дипломат, с 1775 г. — секретарь Екатерины II, с 1784-го — возглавлял Коллегию иностранных дел, при императоре Павле I — канцлер.

Безпалов Иннокентий Федорович /1877-1959/ — архитектор, скульптор, строитель научно-исследовательского центра в Колтушах. Автор памятников собакам на территории Института экспериментальной медицины на улице Академика Павлова, 12.

Берия Лаврентий Павлович /1899-1953/ — видный советский партийный и государственный деятель. Министр внутренних дел СССР. Один из организаторов массовых репрессий 1930-1950-х гг. В 1953 г. арестован и предан суду. Приговорен к расстрелу.

Бецкой Иван Иванович /1704-1795/ — внебрачный сын князя И. Ю. Трубецкого, получивший, по традиции того времени, урезанную фамилию своего родителя. Государственный и общественный деятель, один из ближайших сподвижников Екатерины II, автор многочисленных проектов реорганизации системы народного образования и воспитания в России.

Бибиков Таврило /XVIII в./ — отец Д. Г. Бибикова.

Бибиков Дмитрий Гаврилович /1792-1870/ — государственный и военный деятель, генерал от инфантерии.

Бибиков Илья /XIX век/ — один из членов семьи Бибиковых.

Бирон Эрнест Иоганн /1690-1772/ — граф, герцог Курляндский, фаворит императрицы Анны Иоанновны.

Битов Андрей Георгиевич /род. 1937/ — писатель. Самое известное произведение — роман «Пушкинский дом».

Бобровников Николай Иванович /1909-1992/ — председатель Моссовета.

Бойков Илья /XIX в./ — кучер Николая I.

Болес Герман, ван /XVIII в./ — плотницкий мастер, в 1719 г. по его проекту была предпринята первая перестройка Адмиралтейства.

Бондарчук Сергей Федорович /1920-1994/ — актер, кинорежиссер. Наиболее известные фильмы, снятые им по романам Михаила Шолохова и Льва Толстого: «Судьба человека», «Они сражались за родину», «Война и мир».

Борисова Майя Ивановна /1932-1996/ — поэтесса.

Боченков /XIX в./ — актер Александрийского театра.

Бочкарева /XX в./ — командир женского батальона, посланного Временным правительством Керенского на защиту Зимнего дворца от большевиков в октябре 1917 г.

Брежнев Леонид Ильич /1906-1982/ — советский партийный и государственный деятель. С 1964 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС.

Бродский Иосиф Александрович /1940-1996/ — поэт, лауреат Нобелевской премии. В Советском союзе по сфабрикованному делу о тунеядстве был осужден на ссылку, в 1972 г. лишен советского гражданства и выслан за границу.

Брюллов Карл Павлович /1799-1852/ — один из крупнейших русских художников, автор знаменитого полотна «Последний день Помпеи».

Буденный Семен Михайлович /1883-1973/ — герой Гражданской войны, маршал Советского Союза.

Буженинова Авдотья Ивановна /?-1742/ — калмычка, для шутовской свадьбы которой с придворным шутом князем Голицыным был выстроен Ледяной дом.

Булгаков Михаил Афанасьевич /1891-1940/ — писатель. Наиболее известные произведения: романы «Белая гвардия», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита»; повесть «Собачье сердце».

Булганин Николай Александрович /1895-1975/ — советский государственный, партийный и военный деятель. Маршал Советского Союза. В 1953-1955 гг. министр обороны, в 1955-1958 гг. председатель Совета министров СССР.

Булгарин Фаддей Венедиктович /1789-1853/ — писатель, журналист, издатель журнала «Северная пчела», негласный осведомитель Третьего отделения.

Буш Джордж Уокер /младший/ /род. 1946/ — президент Соединенных штатов Америки.

В

Вавельберг Михаил Ипполитович /1880 —?/ — представитель польской банкирской семьи, основатель банкирского дома в Петербурге.

Вакула — литературный герой, см. повесть Н. В. Гоголя «Ночь перед рождеством».

Ванюшка — фольклорный персонаж.

Васильев — в начале 1990-х гг. основал и руководил националистической организацией «Память».

Вася — фольклорный персонаж.

Вебер Ф. К. /XIX в./ — швейцарский подданный, булочник, владелец дома № 13 по Большой Конюшенной улице.

Берне /XIX в./ — французский актер.

Владимиров Игорь Петрович /1919-1999/ — актер, режиссер. С 1960-го года главный режиссер Ленинградского театра имени Ленсовета.

Владиславлев Владимир Андреевич /1807-1856/ — беллетрист, издатель альманаха «Утренняя заря», книгоиздатель.

Вовочка — фольклорный персонаж.

Вольтер /Мари Франсуа Аруэ/ /1694-1778/ — французский писатель и философ-просветитель. В

1746 г. избран почетным членом Петербургской Академии наук. Корреспондент Екатерины II.

Воронцов Михаил Илларионович /1714-1767/ — граф, государственный деятель, дипломат, с 1757 по 1762 г. канцлер.

Ворошилов Климент Ефремович /1881-1969/ — советский государственный и партийный деятель, герой Гражданской войны. В сентябре 1941 г. возглавлял Ленинградский фронт.

Вронченко Федор Павлович /1780-1852/ — товарищ министра финансов, с 1845-го — министр.

Вяземский Петр Андреевич /1792-1878/ — князь, поэт, литературный критик, близкий друг А. С. Пушкина.

Г

Габриели Катарина /1730-1796/ — итальянская оперная певица. Не раз гастролировала в России.

Гегелло Александр Иванович /1891-1965/ — архитектор. Автор проекта Дворца культуры имени Горького.

Гедеонов Александр Михайлович /1790-1867/ — действительный тайный советник, обер-гофмейстер, директор Императорских театров.

Гельфрейх Владимир Георгиевич /1885-1967/ — архитектор. Автор проекта пропилеев у Смольного /совместно с В. А. Шуко/.

Герцен Александр Иванович /1813-1882/ — русский революционный писатель-эмигрант, публицист.

Гидаспов Борис Вениаминович /1933-2007/ — последний первый секретарь Ленинградского обкома КПСС /1990 г./.

Гиппиус Зинаида Николаевна /1869-1945/ — талантливая поэтесса, яркий представитель Серебряного века в русской литературе. В 1920 г. уехала за границу. Умерла в эмиграции.

Гитлер Адольф /1889-1945/ — глава национал-социалистической партии Германии и государства. Непосредственный инициатор Второй мировой войны /1939-1945/. Покончил жизнь самоубийством.

Гладков Александр Константинович /1912-1976/ — поэт, драматург. Автор комедий в стихах «Давным-давно», «Гусарская баллада».

Глазунов Иван Ильич /1826-1889/ — книгопродавец и книгоиздатель. Был избран на должность городского головы Петербурга.

Глеб /?—1015/ — князь Муромский, сын князя Владимира. Вместе с братом Борисом был убит по приказу князя Святополка I. Канонизирован Русской православной церковью.

Глинка Михаил Иванович /1804-1857/ — композитор, основоположник русской национальной оперы. Автор опер «Руслан и Людмила», «Жизнь за царя», более известной как «Иван Сусанин».

Гоги — фольклорный персонаж.

Гоголь Николай Васильевич /1859-1852/ — писатель, автор поэмы «Мертвые души», комедии «Ревизор».

Голенищев-Кутузов-Толстой М. П. /XX в./ — современный потомок М. И. Кутузова-Голенищева.

Голицын Михаил Алексеевич — см. Кульковский.

Гольдбах Христиан /1690-1764/ — академик, первый конференц-секретарь Академии наук.

Гораций Квинт Гораций Флакк /65 г. до н. э. — 8 г. до н. э./ — римский поэт. Автор знаменитого стихотворения «Памятник», которое породило множество подражаний, в том числе «Памятник» А. С. Пушкина.

Горбачев Игорь Олегович /1927 — 2003/ — актер, режиссер и художественный руководитель Театра драмы имени А. С. Пушкина.

Горбачев Михаил Сергеевич /род. 1931/ — политический и общественный деятель. С 1985 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС. С 1990 по 1991 г. первый и единственный президент СССР. Инициатор так называемой перестройки.

Горбачева Раиса Максимовна /1932-1999/ — жена М. С. Горбачева.

Горбовский Глеб Яковлевич /род. 1931/ — поэт.

Горголи Иван Саввич /1773-1862/ — флигель-адъютант Александра I. С 1811 по 1821 г. исполнял должность обер-полицмейстера Петербурга. В 1825 г. был назначен сенатором.

Горький Алексей Максимович /1868-1936/, настоящая фамилия Пешков, литературный псевдоним Максим Горький — пролетарский писатель, автор многочисленных романов из жизни предреволюционной России.

Греф Герман Оскарович /род 1964/ — государственный деятель.

Греч Николай Иванович /1787-1867/ — педагог, журналист, прозаик, издатель. Совместно с Фаддеем Булгариным издавал альманах «Северная пчела».

Григорьев /XIX в./ — актер.

Громов Василий Федулович /1798-1869/ — потомственный купец, владелец лесоторговой фирмы.

Гроссер /XIX в./ — градоначальник.

Густав III /1746-1792/ — король Швеции /1771-1792/

Гудович Иван Васильевич /1741-1820/ — граф, генерал-фельдмаршал.

Гурьев В. П. /XIX в./ — изобретатель, по предложению которого в Петербурге в 1820 г. впервые в мире было начато мощение улиц деревянными торцовыми пашками. К концу века, когда началось массовое применение асфальта, в Петербурге было вымощено торцами 16 улиц.

Гурьев Олег Иванович /1912-1986/ — архитектор, преподаватель в Ленинградском инженерно-строительном институте и Художественно-промышленном училище имени В. И. Мухиной.

Д

Д'Акоста Ян /XVIII в./ — придворный шут Анны Иоанновны. Приехал в Россию при Петре I.

Д. Камерон — здесь каламбур, основанный на звуковом сходстве имени архитектора Павловского дворца Чарлза Камерона и названия знаменитого сборника новелл итальянского писателя Раннего Возрождения Джованни Боккаччо/1313-1375/«Декамерон», написанного в 1350-1353 гг. и впервые опубликованного более чем через сто лет, в 1470 г.

Давыдов — литературный герой. См. роман М. А. Шолохова «Поднятая целина».

Давыдов Денис Васильевич /1784-1839/ — герой войны 1812 г. Поэт. Автор гусарских песен, любовных элегий.

Дантес Жорж Шарль /барон Геккерен/ /1812-1895/ — французский эмигрант. Убийца А. С. Пушкина.

Дашкова Екатерина Романовна /1744-1810/ — княгиня, первый президент Российской Академии.

Девиер Антуан /1682-1745/. Граф, генерал-лейтенант, первый обер-полицмейстер Санкт-Петербурга. Родился в Голландии в семье крещеного португальского еврея.

Державин Гавриил Романович /1743-1816/ — поэт, государственный деятель. С 1791 г. — статс-секретарь Екатерины II, с 1794-го — президент коммерц-коллегии, при Александре I — министр юстиции.

Державин Михаил Михайлович /род. 1936/ — актер московских театров.

Дзержинский Феликс Эдмундович /1877-1926/ — верный друг и соратник Ленина. С октября 1917 г. — член петроградского военно-революционного комитета. Основатель и первый председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии /ВЧК/.

Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич /1758-1803/ — фаворит императрицы Екатерины II.

Довлатов Сергей Донатович /1941-1980/ — писатель. В 1978 г. был лишен советского гражданства и выслан из СССР. Умер в эмиграции.

Долгоруков — князь.

Дора Говизна — фольклорный персонаж, каламбур от слова «дороговизна».

Достоевский Федор Михайлович /1821-1881/ — писатель, автор многочисленных романов, в том числе «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы» и другие.

Дуров Анатолий Леонович /1864-1916/ — один из основателей школы цирковых дрессировщиков животных.

Е

Евсеев Сергей Александрович /1882-1959/ — скульптор, автор памятника В. И. Ленину у Финляндского вокзала.

Ежов Николай Иванович /1895-1940/ — советский государственный и политический деятель, с

1936 по 1939 г. Нарком внутренних дел СССР. Один из главных организаторов и исполнителей массовых репрессий. В 1939 г. был смещен с должности и в 1940 г. расстрелян.

Екатерина I Алексеевна /1684-1727/ — имя и отчество получила при переходе в православие, настоящие имя и фамилия — Марта Скаврнская. Была захвачена в плен во время Северной войны, служила прачкой в обозе у графа Шереметева. Там была замечена Петром I и вскоре стала его второй женой. С 1725 по 1727 г. — российская императрица.

Екатерина II Алексеевна /1729-1796/ — имя и отчество получила при принятии православия. Настоящее имя — София-Фредерика-Августа Ангальт-Цербстская. С 1762 по 1796 г. — российская императрица.

Екатерина Георгиевна — мать Сталина И. В.

Елисеев Григорий Петрович — купец, глава торговой фирмы. Владелец магазинов в Москве на Тверской улице и в Петербурге на Невском проспекте, в Киеве и Париже.

Ермолов Алексей Петрович /1772-1861/ — генерал от инфантерии, видный полководец, участник суворовских походов и войны 1812 г.

Ерофеевич — здесь игра слов: Ерофеич — сорт вина.

Ж

Жан — фольклорный персонаж.

Жуков Георгий Константинович /1896-1974/ — полководец, Маршал Советского Союза.

Жуковский Василий Андреевич /1783-1852/ — поэт, переводчик, близкий друг А. С. Пушкина. Воспитатель будущего императора Александра II.

З

Зайдель К. — книгоиздатель.

Зайков Лев Николаевич /род. 1928/ — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС.

Зас — полковник.

Засулич Вера Ивановна /1849-1919/ — деятель революционного движения, народница, затем — меньшевичка. Покушалась на жизнь петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова.

Зиновьев Григорий Евсеевич /1883-1936/ — видный деятель революционного движения в России. С декабря 1917 г. был председателем Петросовета. Один из организаторов обороны Петрограда от войск Юденича. В 1936 г. был репрессирован и приговорен к расстрелу.

Зоценко Михаил Михайлович /1894-1958/ — писатель-сатирик. Жертва погромных постановлений ЦК ВКП/б/ 1946 и 1948 гг. по вопросам литературы и искусства, в которых Зоценко был назван «пошляком», «подонком», «литературным хулиганом» и «пасквильантом».

Зубов Платон Александрович /1767-1822/ — фаворит Екатерины II, участник заговора против Павла I.

И

Иван IV Грозный /1530-1584/ — с 1533 г. великий князь «всея Руси», с 1547 г. первый русский царь. Сын Василия III.

Иванов Вячеслав Иванович /1866-1949/ — поэт, представитель и теоретик символизма. С 1924 г. жил в Италии. Умер в эмиграции.

Иванушка — придворный шут Павла I.

Иоанн Антонович /Иван VI/ /1740-1764/ — правнук Ивана V, сын принца Антона Ульриха Брауншвейгского. С октября 1740 по ноябрь 1741 г. был русским императором при правлении матери Анны Леопольдовны. Свергнут при восшествии на престол Елизаветы Петровны, арестован и содержался в различных крепостях, затем перевезен в Шлиссельбургскую крепость, где был убит при попытке его освобождения поручиком Мировичем.

Иосиф II /1741-1790/ — австрийский эрцгерцог, император «Священной римской империи».

К

Калигула — прозвище Гая Цезаря Германика /12-41/ — римский император из династии Юлиев — Клавдиев, режим которого отличался деспотическим произволом и тиранией. Был убит участниками заговора трибунов преторианской гвардии. Известен, в частности, тем, что однажды ввел в Сенат лошадь.

Камерон Чарлз /1730-е-1812/ — выдающийся архитектор, приехавший в Россию в 1779 г. по приглашению Екатерины II. Много работал в пригородах Петербурга Царском Селе и Павловске. По его проектам сооружены: Камеронова галерея, Агатовы комнаты, Павловский дворец, Колоннада Аполлона, Храм дружбы, Павильон Трех граций, Молочный домик и многие другие парковые сооружения в Царскосельском и Павловском парках.

Канкрин Егор Францевич /1774-1845/ — русский государственный деятель. С 1823 по 1844 г. министр финансов.

Канонико П. — итальянский скульптор.

Каплан Фани Ефимовна /ок. 1890-1918?/ — настоящее имя и фамилия Ройд Фейга Хаимовна. Член партии эсеров, участник покушения на В. И. Ленина.

Каракозов Дмитрий Владимирович /1840-1866/ — террорист. 4 апреля 1866 г. совершил покушение на императора Александра II. Приговорен к смерти и повешен.

Карамзин Николай Михайлович /1766-1826/ — писатель, историк. Основоположник русского сентиментализма. Автор многотомной «Истории государства российского».

Карамышев /начало XX в./ — неустановленное лицо. Предположительно владелец ресторана или иного заведения общественного питания.

Карандаш — см. Румянцев М. Н.

Каратыгин Василий Андреевич /1802-1853/ — ведущий драматический актер Александрейского театра.

Каренина Анна — литературный персонаж. См. роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

Карп — фольклорный персонаж.

Карпов — фольклорный персонаж.

Карпов Анатолий Евгеньевич /род. 1951/ — шахматист, международный гроссмейстер. С 1975 по 1985 г. чемпион мира по шахматам.

Каспаров Гарри Кимович /род. 1963/ — шахматист, международный гроссмейстер. С 1985 г. чемпион мира по шахматам.

Кашпировский Анатолий /XX в./ — врач-психотерапевт. В конце 1980 — начале 1990 гг. проводил массовые сеансы психотерапии на стадионах и по телевидению.

Кваренги Джакомо /1744-1817/ — архитектор. Приехал в Россию в 1780 г. по приглашению Екатерины II. В Петербурге и его окрестностях построил около 30 зданий, наиболее известны: Академия наук, Мариинская больница, Смольный институт, Эрмитажный театр, Ассигнационный банк.

Кербец /XIX в./ — генерал.

Керенский Александр Федорович /1881-1970/ — депутат 4-й Государственной думы от Саратова. С марта 1917 г. входит в состав Временного правительства. С июля того же года — Председатель Временного правительства. Умер в эмиграции.

Керн Анна Петровна /1800-1879/ — одна из близких приятельниц Пушкина, адресат некоторых его стихов. Родилась в состоятельной дворянской семье Полторацких. В 17-летнем возрасте, по воле родителей, ее обвенчали с 52-летним генералом Е. Ф. Керном, который у Анны Петровны не вызывал никаких иных чувств, кроме отвращения. Через десять лет, формально оставаясь его женой, она покинула мужа и уехала в Петербург.

Ким Ир Сен /1912-1994/ — генеральный секретарь Трудовой партии Кореи.

Киров Сергей Миронович /1886-1934/ — подлинная фамилия Костриков. Партийный и государственный деятель. С 1926 по 1934 г. 1-й секретарь Ленинградского обкома ВКП /б/. Убит 1 декабря 1934 г. в коридоре Смольного.

Клебанов Илья Иосифович /род. 1951/ — государственный деятель, представитель президента РФ по Северо-Западу.

Клейнмихель Петр Андреевич /1793-1869/ — граф, с 1842 по 1855 г. главноуправляющий путей сообщения и публичных зданий.

Клодт Петр Карлович /1805-1867/ — выдающийся скульптор-анималист. Из двадцати девяти скульптурных изображений коней на улицах и площадях Петербурга одиннадцать изваяны Клодтом: кони на Аничковом мосту, на вершине Нарвских триумфальных ворот, памятник Николаю I.

Клуге фон Клугенау — офицер Пажеского корпуса.

Кобеко Дмитрий Фомич /1837-1918/ — историк, директор Петербургской публичной библиотеки.

Кобзон Иосиф Давыдович /род. 1937/ — эстрадный певец.

Козлов Василий Васильевич /1847-1940/ — скульптор, автор многочисленных памятников В. И.

Ленину, в том числе — памятник у Смольного.

Козлов Фрол Романович /1908-1965/ — советский партийный и государственный деятель. С 1953 по 1957 г. 1-й секретарь Ленинградского обкома КПСС.

Коллонтай Александра Михайловна /1872-1952/ — советский партийный деятель, дипломат и публицист. Первая в мире женщина-посол.

Комиссаров Осип Иванович /1841-1867? / — крестьянин Костромской губернии, получил всеобщую известность после покушения Каракозова на императора Александра II 4 апреля 1866 г. в Летнем саду. Согласно общепринятой версии спасения государя, которую, между прочим, начали оспаривать уже современники, Комиссаров, случайно оказавшийся рядом со стрелявшим, отвел руку убийцы. На самом деле, как утверждали очевидцы, террористу Каракозову в момент выстрела никто не мешал. Он просто промахнулся.

Кони Анатолий Федорович /1844-1927/ — известный юрист, государственный и общественный деятель, литератор.

Константин Константинович /1848-1915/ — великий князь, сын великого князя Константина Николаевича и внук императора Николая I, поэт, подписывался псевдонимом «КР» /Константин Романов/.

Константин Павлович /1799-1831/ — великий князь, второй сын императора Павла I. С 1814 г. главнокомандующий польской армией и фактический наместник Царства Польского.

Копьев Алексей Денисович /1767-1846/ — поэт, переводчик, комедиограф.

Коровин Константин Алексеевич /1861-1939/ — живописец, театральный художник. С 1923 г. жил за границей. Умер в эмиграции.

Корчмин Василий Дмитриевич /XVIII в./ — сподвижник Петра I, в начале Северной войны командовал артиллерийской батареей на стрелке Васильевского острова.

Костриков — см. Киров С. М.

Костров Ермил Иванович /нач. 1750-1796/ — поэт, переводчик.

Коцебу Август /1761-1819/ — немецкий драматург и романист. В Петербурге с 1800 г. Написал 98 пьес, которые в театральном Петербурге называли «Коцебятиной». В 1819 г. его заколол кинжалом студент Карл Занд.

Кочубей Виктор Петрович /1768-1834/ — князь, государственный деятель и дипломат. В 1802-1807 гг. министр внутренних дел. С 1827 г. председатель Государственного совета и Комитета министров.

Кочубей Мария Васильевна /1779-1844/ — урожденная Васильчикова, супруга Кочубея В. П.

Кошмаров А. — один из руководителей предвыборного штаба В. Яковлева во время выборов губернатора Петербурга.

Кравчук Леонид Макарович /род. 1934/ — первый президент Украины.

Краевский Андрей Александрович /1810-1889/ — журналист, издатель журнала «Отечественные записки» и газеты «Санкт-Петербургские ведомости».

Крафт Георг Вольфган /1701-1754/ — физик и математик, академик Петербургской Академии наук.

Крузенштерн Иван Федорович /1770-1846/ — мореплаватель. В 1803–1806 гг. возглавлял первую русскую кругосветную экспедицию на кораблях «Нева» и «Надежда».

Крупская Надежда Константиновна /1869-1939/ — партийный и государственный деятель, доктор педагогических наук, жена и ближайший помощник В. И. Ленина.

Крылов Иван Андреевич /1769-1844/ — крупнейший русский баснописец, написавший более 200 басен. С 1810 по 1841 г. служил в Императорской публичной библиотеке.

Крюгер /XIX в./ — немецкий живописец.

Кудрин Алексей Леонидович /род. 1960/ — государственный деятель, министр финансов.

Кузьмин /XVIII в./ — комендант Нишлотской крепости.

Кукольник Нестор Васильевич /1809-1868/ — романтический поэт и писатель, известный своими патриотическими драмами. На некоторые стихи Кукольника писал романсы М. И. Глинка.

Кулик Григорий Иванович /1890-1950/ — маршал Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны командовал армиями.

Кульков Яков Петрович /XIX в./ — майор.

Кульковский /1688-1778/ — придворный шут при императрице Анне Иоанновне, подлинное имя и фамилия Голицын Михаил Алексеевич.

Куприн Александр Иванович /1870-1938/ — писатель. С 1919 по 1937 г. жил в эмиграции, затем вернулся в Советский Союз.

Куракин Александр Борисович /1752-1818/ — князь, личный друг императора Павла I. Дважды был вице-канцлером. Посол в Вене и Париже.

Куракин Алексей Борисович /1759-1829/ — князь. Генерал-прокурор при Павле I. С 1807 по 1811 г. министр внутренних дел.

Кутузов /Голенищев-Кутузов/ Михаил Илларионович /1745-1813/ — светлейший князь, генерал-фельдмаршал, ученик Суворова. В 1812 г. главнокомандующий русской армией.

Кшесинская Матильда Феликсовна /1877-1971/ — выдающаяся балерина Мариинского театра. В 1917 г. уехала за границу. Скончалась во Франции.

Кюхельбекер Вильгельм Карлович /1797-1846/ — поэт, учился в Царскосельском лицее вместе с А. С. Пушкиным. Участник восстания 14 декабря на Сенатской площади. Арестован и приговорен к смертной казни, замененной 15-ю годами каторги.

Л

Лабзин А. Ф. /1766-1825/ — конференц-секретарь Академии художеств.

Лафонтен Жан де /1621-1695/ — французский писатель, баснописец.

Левашов Василий Иванович /1740-1804/ — обер-гофмейстер.

Левитан Исаак Ильич /1860-1900/ — художник.

Лейхтенбергский Максимилиан-Евгений-Иосиф-Август-Наполеон-Богарне /1817-1852/ — герцог, муж великой княгини Марии Николаевны, президент Академии художеств.

Лена — фольклорный персонаж.

Ленин Владимир Ильич /1870-1924/ — подлинная фамилия Ульянов. Государственный и партийный деятель. Вдохновитель и организатор октябрьской революции 1917 г. Основатель и руководитель советского государства.

Ленский — литературный герой. См. роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Лермонтов Михаил Васильевич /1814-1841/ — поэт. Откликнулся на смерть А. С. Пушкина стихотворением «Смерть поэта», за что был сослан на Кавказ, в действующую армию. Погиб на дуэли.

Линдорф — кадет Пажеского корпуса.

Ломоносов Михаил Васильевич /1711-1765/ — первый всемирно признанный русский ученый. Поэт, просветитель.

Луначарский Анатолий Васильевич /1875-1933/ — советский государственный и партийный деятель, писатель, нарком просвещения.

Лунин Михаил Сергеевич /1787/88-1845/ — участник войны 1812 г. Подполковник Гродненского гусарского полка. Член Союза благоденствия и Северного общества декабристов. Один из самых ярких представителей декабристского движения. После восстания на Сенатской площади был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость. Затем был сослан в Сибирь.

Людовик XIV /1638-1715/ — король Франции. Ему принадлежит знаменитая фраза «Государство — это я!»

М

Макиавелли Никколо /1469-1527/ — итальянский историк и писатель, политический мыслитель. Сторонник любых средств для достижения политических и государственных целей /отсюда — макиавеллизм/.

Малевич Казимир Северинович /1878-1935/ — художник, основоположник супрематизма в искусстве.

Маленков Георгий Максимилианович /1902-1988/ — советский партийный и государственный деятель.

Манд — лейб-медик императора Николая I.

Маркс Карл /1818-1883/ — немецкий экономист, основоположник так называемого научного коммунизма. Автор «Капитала» и «Манифеста Коммунистической партии» — теоретических работ, из которых выросла и окрепла практика ленинско-сталинского большевизма.

Мартос Иван Петрович /1754-1835/ — скульптор, представитель классицизма. Много работал в мемориальной скульптуре.

Мартынов П. П. /1772-1838/ — командир лейб-гвардии Измайловского полка. В 1830-е гг. комендант Зимнего дворца.

Матвиенко Валентина Ивановна /род. 1949/ — государственный деятель, дипломат, губернатор Петербурга.

Махаев Михаил Иванович /1718-1770/ — рисовальщик и гравер. Прославился видами Петербурга и Москвы.

Медведев Дмитрий Анатольевич /род. 1965/ — основной кандидат в президенты Российской Федерации на выборах 2008 г.

Менделеев Дмитрий Иванович /1834-1907/ — крупнейший русский ученый-химик, основатель и первый директор Главной палаты мер и весов. Открыл знаменитую Периодическую таблицу химических элементов, названную его именем.

Меншиков Александр Данилович /1673-1729/ — ближайший друг и сподвижник Петра I. Первый генерал-губернатор Петербурга.

Микешин Михаил Осипович /1835-1896/ — скульптор. Автор памятника «Тысячелетие России» в Новгороде и памятника Екатерине II в Петербурге.

Милорадович Михаил Андреевич /1771-1825/ — ученик А. В. Суворова, герой войны 1812 г. С 1818 г. — губернатор Петербурга. Погиб от пули Каховского во время восстания на Сенатской площади.

Минин Кузьма Минич /?—1616/ — организатор национально-освободительной борьбы русского народа против польской интервенции.

Минкина Анастасия /XIX в./ — любовница А. А. Аракчеева.

Миронов Сергей Михайлович /род. 1953/ — государственный деятель, председатель Государственной думы.

Михаил Николаевич /1832-1909/ — великий князь, генерал-фельдмаршал. 4-й сын императора Николая I.

Михаил Павлович /1798-1849/ — великий князь, генерал-фельдцейхмейстер, сын императора Павла I.

Мицкевич Адам /1798-1855/ — польский поэт, деятель освободительного движения, за что в 1824 г. выслан царским правительством из Литвы. С 1829 г. в эмиграции.

Мишка Талисман — фольклорный персонаж. В 1980 г. Медвежонок Мишка был символом Московской олимпиады.

Моисеенко Евсей Евсеевич /1916-1988/ — художник, президент Академии художеств.

Монс Виллим Иванович /1688-1724/ — камергер, брат фаворитки Петра I Анны Монс, личный адъютант Петра I, с 1716 г. камер-юнкер при дворе Екатерины I. В 1724 г. был обвинен во взяточничестве и казнен. Подлинная причина казни была в том, что Петру стало известно о

близких отношениях Виллима Монса с его женой Екатериной Алексеевной.

Монферран Огюст Рикар де /1786-1858/ — российский архитектор, по происхождению француз, автор проектов Исаакиевского собора, дома Лобанова-Ростовского и Александровской колонны на Дворцовой площади.

Морков Аркадий Иванович /1747-1827/ — граф, дипломат, посол в Стокгольме, затем в Париже.

Мурадели Вано Ильич /1908-1970/ — советский композитор.

Н

Набоков Владимир Владимирович /1899-1927/ — русско-американский писатель. Наиболее известные произведения: «Защита Лужина», «Приглашение на казнь», «Лолита».

Назым Хикмет Ран /1902-1962/ — турецкий писатель, поэт, общественный деятель.

Найман Анатолий Генрихович /род. 1936/ — поэт, друг И. А. Бродского.

Наполеон I Бонапарт /1769-1821/ — император Франции с 1804 по 1814 г. и в марте — апреле 1815 г.

Нарышкин Александр Львович /1760-1826/ — обер-гофмаршал, директор Императорских театров.

Нарышкин Кирилл Полиевктович /XVI в./ — предок Нарышкиных.

Нарышкин Лев Александрович /1785-1846/ — генерал-майор, сын А. Л. Нарышкина.

Нарышкина Наталья Кирилловна /1651-1694/ — супруга царя Алексея Михайловича, мать Петра I.

Невзоров Александр Глебович /род. 1958/ — телеведущий.

Николай I Павлович /1796-1855/ — российский император /1825-1855/. Третий сын императора Павла I.

Николай II Александрович /1868-1918/ — российский император /1894-1917/. Старший сын императора Александра III. В 1917 г. подписал отречение от престола. В 1918-м — был расстрелян большевиками вместе со своей семьей.

Николай Николаевич /Старший/ /1831-1891/ — великий князь, генерал-фельдмаршал. Третий сын императора Николая I.

Новосильцева /XIX в./ — графиня.

Норов Авраам Сергеевич /1795-1869/ — государственный деятель, писатель, в 1854-1858 гг. министр народного просвещения.

О

Ованесова Татьяна — подруга Ф. Г. Раневской.

Оль Андрей Андреевич /1883-1958/ — архитектор, автор жилых домов, торговых и

промышленных зданий.

Ольга — литературный герой. См. роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Онегин — литературный герой. См. роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Орлов Алексей Федорович /1786-1861/ — генерал-адъютант, участник войны 1812 г., с 1844 по 1856 г. шеф жандармов, с 1856 г. — председатель Госсовета и Комитета министров.

Орловский Борис Иванович /1796-1837/ — настоящая фамилия Смирнов. Скульптор, представитель классицизма. Самые известные произведения — памятники М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли в Петербурге.

Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич /1790-1881/ — граф, генерал-адъютант, руководил обороной Севастополя против англо-французского флота.

Островский Василий — фольклорный персонаж.

Островский Николай Алексеевич /1904-1936/ — советский писатель, автор романа «Как закалялась сталь».

П

Павел /I в. н. э./ — один из двенадцати апостолов. Считается автором 14 посланий, включенных в Новый завет.

Павел I Петрович /1754-1801/ — российский император /1796-1801/. Сын императрицы Екатерины II.

Павлов Иван Петрович /1849-1936/ — крупнейший русский ученый, физиолог, лауреат Нобелевской премии.

Пален Павел Петрович /1775-1834/ — генерал-адъютант, участник заговора против императора Павла I.

Педрилло Адам /XVIII в./ — итальянец по происхождению, подлинное имя и фамилия — Антонио Пьетро-Мира. Придворный шут.

Перетяткович Марьян Марьянович /1872-1916/ — русский архитектор. Один из наиболее известных проектов — дом Вавельберга на Невском проспекте, 7/9.

Петр /I в. н. э./ — один из двенадцати апостолов.

Петр I Алексеевич /1672-1725/ — российский император /1682-1725/. Сын царя Алексея Михайловича.

Петр II Алексеевич /1715-1730/ — российский император /1727-1730/, сын царевича Алексея Петровича. Был противником многих реформ Петра I. При нем царский двор переехал из Петербурга в Москву. Умер скоропостижно от оспы. Похоронен в Москве.

Петр III Федорович /1728-1762/ — российский император /1761- 1762/. Сын дочери Петра I цесаревны Анны. Во время дворцового переворота 1762 г. по приказу Екатерины II был арестован и заточен в Ропшинском дворце. Там же во дворце был убит охранниками.

Петр Федорович — фольклорный персонаж.

Петька — фольклорный персонаж. По имени пулеметчика в дивизии Чапаева. См. роман Д. А. Фурманова «Чапаев» и одноименный кинофильм.

Пинчук Вениамин Борисович /1908-1987/ — скульптор, известен как автор многочисленных памятников В. И. Ленину.

Платон /Петр Левшин/ /1737-1812/ — митрополит Московский.

Подгорный Николай Викторович /1903-1983/ — советский партийный и государственный деятель. В 1965-1977 гг. председатель президиума Верховного совета СССР.

Пожарский Дмитрий Михайлович /1578-1642/ — князь, руководитель военными действиями русского ополчения против польских интервентов.

Полевой Николай Алексеевич /1796-1846/ — писатель, журналист и историк. Издатель журнала «Московский телеграф», запрещенного цензурой.

Помяловский И. В. — автор рукописи.

Поручик Ржевский — фольклорный персонаж. По имени одного из героев кинофильма Э. А. Рязанова «Гусарская баллада».

Потемкин /Потемкин-Таврический/ Григорий Александрович /1739-1791/ — светлейший князь, генерал-аншеф, государственный и военный деятель, фаворит императрицы Екатерины II.

Потехин А. — один из руководителей предвыборного штаба В. А. Яковлева на выборах губернатора Петербурга.

Преображенский, профессор — литературный герой. См. повесть М. А. Булгакова «Собачье сердце».

Пржевальский Николай Михайлович /1839-1888/ — почетный гражданин Петербурга, путешественник и исследователь Средней Азии.

Прокопий Кесарийский /ок. 500 — после 565/ — византийский писатель-историк.

Прокофьев Александр Андреевич /1900-1971/ — поэт, в 1955-1966 гг. 1-й секретарь Ленинградского отделения союза писателей.

Пуришкевич Владимир Митрофанович /1870-1920/ — один из лидеров крайне правых организаций «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела». Участник заговора и убийства Григория Распутина.

Путин Владимир Владимирович /род. 1952/ — президент Российской Федерации с 2000 по 2008 г.

Пушкин Александр Сергеевич /1799-1837/ — крупнейший поэт России. Родился в Москве. В Петербурге с 1811 г. Убит на дуэли.

Пушкин Сергей Львович /1770-1840/ — отец А. С. Пушкина.

Р

Рабинович — фольклорный персонаж, герой серии так называемых еврейских анекдотов.

Разумовский Кирилл Григорьевич /1728-1803/ — генерал-фельдмаршал, последний гетман Украины /1750-1764/, брат фаворита императрицы Елизаветы Петровны Алексея Разумовского.

Рамазанов Николай Александрович /1815-1868/ — скульптор. Автор барельефов на пьедестале памятника Николаю I.

Раневская Фаина Григорьевна /1896-1984/ — актриса Театра имени Моссовета.

Ранцев-Зас — см. Зас.

Раскольников Родион — литературный герой. См. роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

Растрелли Бартоломео Франческо /1700-1771/ — архитектор, крупнейший представитель стиля барокко. Приехал в Петербург вместе с отцом в 1716 г. По его проектам в Петербурге построены: Смольный собор, Зимний дворец, дворцы Воронцова и Строганова, загородные дворцы в Царском Селе и Петергофе.

Растрелли Бартоломео Карло /1675-1744/ — скульптор, автор конного памятника Петру I у Михайловского замка. Отец архитектора Растрелли.

Репин Илья Ефимович /1844-1930/ — один из крупнейших представителей русской реалистической живописи второй половины XIX — начала XX в.

Рид Джон /1887-1920/ — американский писатель и журналист. Участник и свидетель Октябрьской революции, которую описал в книге «10 дней, которые потрясли мир».

Ришелье Арман Эммануэль дю Плесси /1766-1822/ — герцог, эмигрировал из революционной Франции в Россию. В 1805-1814 гг. губернатор Новороссийского края. Основатель Одессы. В 1814 г. вернулся во Францию, вошел в состав правительства Людовика XVIII.

Роджерсон Джон Самуэль /1741-1823/ — шотландец, лейб-медик императрицы Екатерины II.

Розенбаум Александр Яковлевич /род. 1951/ — эстрадный певец.

Романов Григорий Васильевич /род. 1923/ — советский государственный и партийный деятель. В 1970-1983 гг. — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС.

Романовы — боярский род. С 1613 по 1721 г. царская и с 1721 по 1917 г. императорская династия.

Росси Карл Иванович /1775-1849/ — архитектор, крупнейший представитель классицизма. По его проектам в Петербурге воздвигнуты: здание Главного штаба, здание Сената и Синода, Александрьевский театр, два здания, образующие Театральную улицу, Михайловский дворец и другие.

Ростопчина Евдокия Петровна /1811-1858/ — графиня, урожденная Сушкова, поэтесса, писательница.

Румянцев Михаил Николаевич /1901-1983/ — цирковой клоун, выступал под псевдонимом «Карандаш».

Румянцев Николай Петрович /1754-1826/ — государственный деятель, дипломат, канцлер, сын фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского.

Румянцев-Задунайский Петр Александрович /1725-1796/ — выдающийся русский полководец, генерал-фельдмаршал.

Рыбалко Валентина Лаврентьевна /1918-1981/ — скульптор, жена художника Е. Е. Моисеенко.

Рылеев Кондратий Федорович /1795-1826/ — поэт, издатель альманаха «Полярная звезда», один из руководителей Северного общества декабристов. По делу о восстании на Сенатской площади приговорен к смерти. Казнен на Кронверке Петропавловской крепости.

Рюриковичи /конец IX — начало XVI вв./ — династия русских великих князей /862-1547/ и царей /1547-1613/.

Рязанов Эльдар Александрович /род. 1927/ — известный кинорежиссер. Автор фильмов «Гусарская баллада», «Берегись автомобиля», «Карнавальная ночь», «Жестокий романс». «Ирония судьбы, или С легким паром» и многих других.

С

Салтыков Сергей Васильевич /XVIII в./ — граф, камергер, дипломат, фаворит супруги наследника престола Петра Федоровича — Екатерины Алексеевны, предполагаемый отец Павла I.

Салтыков /Салтыков-Щедрин/ Михаил Евграфович /1826-1889/ — писатель, публицист. Наиболее известные произведения: «Помпадуры и помпадурши», «Пошехонская старина», «Господа Головлевы», «История одного города».

Сампсоний Странноприимец — русский православный святой, покровитель странников. День поминаения — 10 /27/ июля. В этот день в 1709 г. произошла знаменитая Полтавская битва, изменившая ход Северной войны. Памятник этому событию в Петербурге — Сампсониевский собор, построенный в 1715–1718 гг. по проекту архитектора Доменико Трезини на Выборгском тракте /ныне — Сампсониевский проспект/.

Светлов Михаил Аркадьевич /1903-1964/ — советский поэт и драматург. Наиболее известны его стихи: «Гренада», «Песня о Каховке» и другие.

Селезнев Геннадий Николаевич /род. 1947/ — государственный и партийный деятель, председатель Государственной думы.

Семенов /XIX в./ — драматург.

Семенов Василий Николаевич /1801-1863/ — писатель, цензор.

Семижопова — фольклорный персонаж.

Сенькин Иван Ильич /1915-1986/ — многолетний, с 1958 по 1984 г. первый секретарь Карельского обкома КПСС.

Сергий Радонежский /ок. 1321-1391/ — основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря. В 1380 г. благословил великого московского князя Дмитрия Ивановича, названного впоследствии Донским, на его битву с татаро-монголами. Канонизирован Русской православной церковью.

Сергея — фольклорный персонаж.

Сестрженцевич Богуш /1731-1826/ — митрополит.

Сидорова Марья Сергеевна — фольклорный персонаж.

Скавронская Марта — см. Екатерина I.

Смирнов Николай Иванович /1906-1962/ — председатель Ленгорисполкома.

Соболевский С. А. /1830-1870/ — поэт, библиофил, библиограф, друг А. С. Пушкина.

Собчак Анатолий Александрович /1937-2000/ — государственный деятель, ученый-правовед, первый всенародно избранный мэр Санкт-Петербурга.

Соколов — генерал-майор.

Соколов Е. Т. — архитектор.

Соллогуб Владимир Александрович /1813-1882/ — писатель, чиновник по особым поручениям Министерства внутренних дел. Приятель А. С. Пушкина.

Соловьев Юрий Филиппович /род. 1925/ — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС.

Соловьев-Седой Василий Павлович /1907-1979/ — настоящая фамилия Соловьев. Композитор-песенник. Наиболее известные песни: «Соловьи», «Вечер на рейде», «Подмосковные вечера», «Если бы парни всей земли» и многие другие.

Сонька Золотая Ручка /Блюнштейн София /1846-1891?/ — известная петербургско-одесская-варшавская авантюристка и воровка.

София-Фредерика Августа /XVIII век/ — мать императрицы Екатерины II.

София-Фредерика-Августа Ангальт-Цербстская — см. Екатерина II.

Сталин Иосиф Виссарионович /1878-1953/ — руководитель коммунистической партии и советского государства.

Степашин Сергей Вадимович /род. 1952/ — государственный и общественный деятель.

Стессель Анатолий Михайлович /1848-1915/ — во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. руководил Квантунским укрепрайоном. За трусость и бездарность, а также за сдачу противнику Порт-Артура приговорен к смертной казни, но помилован царем.

Страус Иван — см. Штраус Иоганн.

Строганов Александр Сергеевич /1733-1811/ — граф, президент Академии художеств, член Государственного совета.

Струве Василий Яковлевич /1793-1864/ — астроном, академик, директор Пулковской обсерватории.

Суворин Александр Сергеевич /1834-1912/ — журналист, книгоиздатель. Широко известны, выпускаемые его издательством ежегодные подробные адресные книги Петербурга.

Суворов Александр Васильевич /1730-1800/ — граф Рымникский, князь Италийский, выдающийся полководец. Генералиссимус.

Сумароков Александр Петрович /1718-1777/ — драматург, поэт, баснописец.

Сусанин Иван Осипович /?—1613/ — легендарный герой освободительной войны против польских интервентов. Его подвигу посвящена опера М. И. Глинки «Жизнь за царя» /«Иван Сусанин»/.

Т

Тараканова Елизавета /ок. 1745-1775/ — авантюристка, жившая в Европе и выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны. Представляла собой известную угрозу для Екатерины II. По ее приказу была арестована в Италии, доставлена в Петербург и заточена в Петропавловскую крепость. По официальной версии скончалась от туберкулеза в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. По легендам, была затоплена в каземате во время одного из петербургских наводнений.

Тарковский Андрей Арсеньевич /1932-1986/ — кинорежиссер, автор всемирно известных фильмов «Иваново детство», «Андрей Рублев», «Сталкер», «Зеркало» и многих других. С 1982 г. жил за рубежом. Умер в эмиграции.

Татьяна — литературный герой. См. роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Товстоногов Георгий Александрович /1913-1989/ — выдающийся театральный режиссер. С 1956 г. бессменно руководил Большим драматическим театром имени Горького. В настоящее время театр носит его имя.

Толстая /XIX в./ — графиня.

Толстикова Василий Сергеевич /1917 — 2003/ — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС.

Толстой Варфоломей Васильевич — граф.

Томишко Антоний Осипович /1851-1900/ — архитектор, действительный член Академии художеств. Занимал должность архитектора Главного тюремного управления. Автор проекта следственной тюрьмы «Кресты».

Трезини Доменико /ок. 1670-1734/ — первый архитектор Петербурга. Прибыл в Россию по приглашению Петра I в 1703 г. По его проектам построен Петропавловский собор, здание Двенадцати коллегий и многие другие постройки, к сожалению, не сохранившиеся до наших дней.

Трепов Федор Федорович /1812-1889/ — генерал от кавалерии. С 1873 по 1878 г. занимал должность петербургского градоначальника.

Троцкий Лев Давидович /1879-1940/ — настоящая фамилия Бронштейн. Один из крупнейших революционных деятелей, активный участник октябрьской революции. В 1920-х гг. был подвергнут острой критике, и выслан, сначала в Алма-Ату, а затем за границу. Погиб в Аргентине от рук агентов НКВД.

Троцкий Ной Абрамович /1895-1940/ — архитектор, автор проектов зданий Кировского

райсовета, Дворца культуры имени С. М. Кирова, Административного здания на Московском проспекте.

Трощинский Дмитрий Прокофьевич /1754-1829/ — сенатор, член Госсовета, министр уделов, министр юстиции.

Трубецкой Иван Юрьевич /XVIII в./ — отец И. И. Бецкого.

Трубецкой Павел /Паоло/ Петрович /1866-1938/ — скульптор. Родился и вырос в Италии. В Россию приехал в 1897 г. для участия в конкурсе на памятник Александру III. Проект Трубецкого победил.

Трумен Гарри /1884-1972/ — 33-й президент Соединенных Штатов Америки.

Тургенев Александр Иванович /1784-1845/ — общественный деятель, историк, писатель, почетный член Петербургской академии наук, член литературного кружка «Арзамас». Близкий друг А. С. Пушкина.

Тургенев Иван Сергеевич /1818-1883/ — писатель. Наиболее известные произведения: романы «Отцы и дети», «Рудин», «Накануне», «Дворянское гнездо».

Тютчев Федор Иванович /1803-1873/ — поэт.

У

Уваров Сергей Семенович /1786-1855/ — с 1818 г. бессменный президент Академии наук. С 1833 по 1855 г. министр народного просвещения.

Ульянов Илья Николаевич /1831-1886/ — педагог, инспектор народного образования в Симбирской губернии. Отец В. И. Ленина.

Уэлс Герберт Джордж /1866-1946/ — английский писатель, классик научно-фантастической литературы. Наиболее известные романы: «Машина времени», «Война миров», «Человек-невидимка».

Ф

Фаберже Карл Густавович /1846-1920/ — купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин Петербурга. С 1872 г. глава ювелирной фирмы, основанной на Большой Морской улице.

Фадеев Александр Александрович /1901-1956/ — советский писатель. Автор романов «Разгром» и «Молодая гвардия». С 1946 по 1954 г. — генеральный секретарь Союза писателей СССР. После разоблачения культа личности Сталина, чувствуя свою персональную вину за смерти и искалеченные судьбы многих незаконно репрессированных писателей, покончил жизнь самоубийством.

Фальконе Этьен Морис /1716-1791/ — французский скульптор. С 1766 по 1778 г. по приглашению Екатерины II работал в Петербурге над памятником Петру I /Медный всадник/.

Федор Кузьмич /XIX в./ — легендарный сибирский старец, которого многие до сих пор считают императором Александром I, который якобы не умер, а просто ушел от дел и скрылся в Сибири.

Федр /ок. 15 г. до н. э. — ок. 70 г. н. э./ — римский баснописец. Переложил многие басни Эзопа.

Финкельштейн — фольклорный персонаж.

Фофанова Маргарита Васильевна /1883-1976/ — революционный деятель, секретарь В. И. Ленина.

Х

Халтурин Степан Николаевич /1856/1857-1882/ — народоволец, член Исполкома партии «Народной воли». Совершил покушение на императора Александра II. Избежал ареста. Повешен в Одессе за участие в покушении на одесского военного прокурора.

Хвостов Дмитрий Иванович /1757-1835/ — писатель-графоман, член Российской академии, сенатор. Был женат на племяннице А. В. Суворова.

Хитрово Елизавета Михайловна /1783-1839/ — дочь М. И. Кутузова. Близкая знакомая А. С. Пушкина.

Хлестаков — литературный герой. См. комедию Н. В. Гоголя «Ревизор».

Ходырев Юрий Яковлевич / род. 1930/ — председатель Ленгорисполкома.

Хрущев Никита Сергеевич /1894-1971/ — видный партийный и государственный деятель. С 1953 по 1964 г. первый секретарь ЦК КПСС.

Ц

Церетели Зураб Константинович /род. 1934/ — скульптор. Автор многочисленных памятников в Москве и других городах. В Петербурге его созданием является памятник Петру I у гостиницы «Прибалтийская».

Цицианов Дмитрий Евсеевич /1747-1835/ — масон, известный рассказчик и острослов.

Цой Виктор Робертович /1952-1990/ — один из лидеров ленинградской рок-культуры, лидер группы «Кино».

Ч

Чайковский Модест Ильич /1850-1916/ — драматург, либреттист, музыкальный критик. Брат П. И. Чайковского.

Чайковский Петр Ильич /1840-1893/ — выдающийся композитор. К самым известным произведениям относятся: оперы «Евгений Онегин», «Мазепа», «Иоланта», «Пиковая дама»; балеты «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик».

Чапаев Василий Иванович — здесь: фольклорный персонаж. По имени героя Гражданской войны и кинофильма «Чапаев».

Чацкий — литературный герой. См. комедию А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Чернышевский Николай Гаврилович /1828-1889/ — писатель, публицист, критик, философ.

Чубайс Анатолий Борисович /род. 1955/ — государственный, хозяйственный и общественный деятель.

Чумак Алан /XX в./ — врач-психотерапевт. В конце 1980 — начале 1990-х гг. проводил телевизионные сеансы психотерапии, в программу которых входило зарядание некой таинственной энергией бутылок с водопроводной водой у телезрителей.

Чхеидзе Николай Семенович /1864-1926/ — лидер меньшевиков. В 1917 г. был председателем Петросвета. С 1921 г. находился в эмиграции.

Ш

Шаляпин Федор Иванович /1873-1938/ — выдающийся певец (бас). Пел в Мариинском театре в Петербурге и в Большом в Москве, участник Дягилевских Русских сезонов 1908-1910 гг. Крупнейший представитель русского исполнительского искусства, создавший галерею ярких разнохарактерных образов. В 1922 г. вынужден был уехать за границу. Умер в эмиграции.

Шауб Василий Васильевич /1861-1934/ — архитектор, строил дачи, особняки, увеселительные сооружения на Крестовском и Аптекарском островах, на Каменноостровском и Большом проспектах Петроградской стороны.

Шефнер Вадим Сергеевич /1914/1915 — 2002/ — ленинградский поэт и писатель, автор стихов, повестей и мемуаров.

Ширванов Лука /XVIII в./ — армянский купец, основатель армянской общины в Петербурге.

Ширвинд Александр Анатольевич /род. 1934/ — актер московских театров.

Ширинский-Шихматов Платон Александрович /1790-1853/ — князь, поэт, переводчик. С 1850 по 1853 г. министр народного просвещения.

Шмидт Петр Петрович /1867-1906/ — лейтенант Черноморского флота. Руководитель Севастопольского восстания. Расстрелян.

Шостакович Дмитрий Дмитриевич /1906-1975/ — один из величайших композиторов XX в. Автор многочисленных произведений разных форм, в которых современными ему средствами осмысливались происходящие трагические события. Для Петербурга особенно значима его «Ленинградская симфония», впервые исполненная в 1942 г. в осажденном городе.

Шредер Иван Николаевич /1835-1908/ — скульптор, автор памятника Крузенштерну на набережной Лейтенанта Шмидта.

Штирлиц — кино- и литературный герой. По фамилии советского разведчика, работавшего в фашистской Германии. См. роман Ю. Семенова «Семнадцать мгновений весны» и одноименный телевизионный фильм режиссера Т. Лиозновой.

Штраус Иоганн /1804-1849/ — австрийский композитор, скрипач и дирижер, автор более чем 250 вальсов. Неоднократно гастролировал в России, в том числе и в Петербурге.

Шувалов Иван Иванович /1727-1797/ — государственный деятель, фаворит императрицы Елизаветы Петровны.

Щ

Щепкин Михаил Семенович /1788-1863/ — знаменитый актер московского Малого театра.

Щербатова Дарья Федоровна /XVIII в./ — фрейлина Екатерины II, в замужестве Дмитриева-

Мамонова.

Щуко Владимир Александрович /1878-1939/ — архитектор. Совместно с архитектором Гельфрейхом создал пропилеи Смольного.

Э

Эзоп /VI век до н. э./ — древнегреческий баснописец, считающийся создателем басни. Ему приписываются сюжеты почти всех известных в античности басен.

Эйзенштейн Сергей Михайлович /1898-1948/ — крупнейший советский кинорежиссер, автор известных кинофильмов: «Броненосец «Потемкин», «Октябрь», «Александр Невский», «Иван Грозный».

Эйлер Леонард /1707-1783/ — математик, физик и астроном. В 1727 г. приглашен в Петербургскую Академию наук.

Энгельс Фридрих /1820-1895/ — друг и соратник Карла Маркса, один из основоположников так называемого научного социализма.

Эренбург Илья Григорьевич /1891-1967/ — советский писатель и общественный деятель, публицист. Прославился антифашистскими публикациями во время Великой Отечественной войны. Автор художественных мемуаров «Люди, годы, жизнь».

Ю

Южанов Илья Артурович /род. 1958/ — государственный деятель.

Юпитер — в римской мифологии верховный бог, соответствует греческому Зевсу.

Юстиниан /482/483-565/ — император Восточной Римской империи. Провел кодификацию римского права.

Юсупов Николай Борисович /1750-1831/ — дипломат, коллекционер и меценат, директор Императорских театров.

Я

Яблочкина Александра Александровна /1866-1964/ — актриса московского Малого театра.

Ягужинский Павел Иванович /1683-1736/ — генерал-прокурор Сената, кабинет-министр. Сподвижник Петра I.

Якоби Николай /XIX в./ — соученик П. И. Чайковского по Петербургскому училищу правоведения.

Яковлев Владимир Анатольевич /род. 1946/ — губернатор Санкт-Петербурга.

Ярослав Ярославович Тверской /XIII в./ — брат Александра Невского.

Ярузельский Войцех /род. 1923/ — президент Польши с 1989 по 1990 г.

Литературные и устные источники анекдотов

В книге приведено более 700 анекдотов. Большинство извлечено автором из литературных источников, которые перечислены ниже:

Exlibris НГ, 2001, № 32.

Magazine /Израиль/, 2002, № 376.

24 часа, 1997, № 20; 2000, № 15.

Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. — М., 1982.

Амфитеатров А. Горестные заметы. — Берлин, 1992.

Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола. — СПб., 2002.

Анекдоты. — Воронеж, 1991.

Анекдоты от Титова. — Огонек, 1991, № 19.

Анекдоты русского двора. — Берлин, 1904.

Анекдоты, шутки и выходки Балакирева, придворного шута Петра Великого. — М., 1889.

Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. — СПб., 1997.

Анненков Ю. Дневник моих встреч, Т. 2. — М., 1991.

Антология мирового анекдота. К вам мой попугай не заходил? / Социально-политический анекдот/. — Киев, 1994.

Антология студенческого юмора. — М., 1991.

Аргументы и факты, 1992, № 20; 2007, № 45.

Балаган /Израиль/. 1993, № 7.

Батов А. Герой сериала «Безымянные дома». — Комсомольская правда в Санкт-Петербурге, 2002, № 147.

Бахтин В. Есть такой анекдот. — Нева, 1990, № 2.

Бахтин В. Народ и власть. — Нева, 1996, № 1.

Бахтин В. Так что же они там перестраивают? — Нева, 1990, № 5.

Бегемот. 1926. №№ 1, 2, 6, 11, 15, 35; 1927, №№ 8, 25.

Бейзер М. Евреи в Петербурге. — Иерусалим, 1989.

Бейзер М. Евреи Ленинграда. 1917-1939. Национальная жизнь и советизация. — М. — Иерусалим, 1999.

Беседер /Израиль/. 1992, № 44.

Божерянов И. Н. Невский проспект, Т. 2. — СПб., 1900.

- Божерянов И. Н.* Никольский В. А. Петербургская старина. — Легенды старого Петербурга. — М., 1992.
- Болотов А. Т.* Памятник протекших времен. — М., 1875.
- Большой словарь русского жаргона. — СПб., 2000.
- Бондаренко П. П.* Дети Кирпичного переулка. — Невский архив. — М. — СПб., 1993.
- Бореев Ю.* История государства советского в преданиях и анекдотах. — М., 1995.
- Бузинов В. М.* Дворцовая площадь. Неформальный путеводитель. — СПб., 2001.
- Варшавский С.* Билет на всю вечность. — Л., 1981.
- Вести. 1995, № 39.
- Вечерний Ленинград, 1988, № 214.
- Вечерний Петербург, 1993, № 39; 1996, № 175.
- Волков С.* История культуры Санкт-Петербурга от основания до наших дней. — М., 2001.
- Вяземский П. А.* Старая записная книжка. — Л., 1929.
- Вяземский П. А.* Записные книжки. — М., 1992.
- Вяземский С.* Невский проспект. — Блокнот агитатора, 1972, № 29.
- Гаврилова А.* По деньгам можно изучать историю — Мой район, 2005, № 1.
- Галкина Н.* Вилла Рено. — Нева, 2003, № 3.
- Гордин А., Гордин М.* Пушкинский век: Панорама столичной жизни. — СПб., 1995.
- Гордеева К.* Музей анекдотов. — Все музеи, 1999, № 4.
- Горелик Л.* Из записных книжек. — Балаган /Израиль/, 1993, № 8.
- Гребельский П. Мирвис А.* Дом Романовых. — СПб., 1992.
- Десятилетие ресторана «Вена». — СПб., 1913.
- Добринская Л. Б.* Там у Невы наш первый сад... — СПб., 1992.
- Довлатов С.* Записные книжки. — Л., 1992.
- Еврейская газета, 2000, № 5.
- Ермолин В.* Не спеши судить КПСС. — Смена, 1991, № 91.
- Зарин А. Е.* Царские развлечения и забавы за 300 лет. — Л., 1991.
- Знаменитые шутят. Анекдоты, веселые были. — М., 1994.

- Зоценко М. М. Голубая книга. — Избранные произведения в 2-х т. — Т. 2. — М., 1968.
- Иванова Т. «Уготовили бомбы страшные...» — Родина, 1997, № 9.
- Ивин М. Навзрыд о Петербурге. — Нева, 1992, № 2.
- Игнатова Е. Записки о Петербурге: Жизнеописание города со времен его основания до 40-х годов XX века. В 2-х книгах. — СПб., 2003.
- Исторические рассказы и анекдоты из жизни русских государей и замечательных людей XVIII и XIX столетий. — СПб., 1885.
- История СССР в анекдотах — Рига, 1991.
- Калейдоскоп, 1996, № 3; 1997, № 19.
- Канкрин А. В. Мальтийские рыцари. — М., 1993.
- Канн П. Я. Прогулки по Петербургу. — СПб., 1994.
- Караван историй, 2003, февраль.
- Клейейшие пипловские телеги и фени, собранные С. М. Печкиным. 1988-1992. — Машинопись, № 13.
- Клодт Г. «Лепил и отливал Петр Клодт...» — М., 1989.
- Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности времени Петра I.
- Книжное обозрение, 1997, № 48; 1998, № 3.
- Комсомольская правда в Питере, 2007, 30 октября.
- Комсомольская правда, 1992, № 210; 2004, № 162.
- Конецкий В. Никто пути пройденного у нас не отберет. — Нева, 1987, № 6.
- Кони А. Ф. Петербург. — Воспоминания о писателях. — Л., 1965.
- Костиков В. Зачем козе правозащитный баян? — Аргументы и факты, 2007, № 47.
- Кочергин Э. Ангелова кукла. Рассказы рисовального человека. — СПб., 2006.
- Красный ворон, 1923, № 30.
- Кривошлык М. Г. Исторические анекдоты. — СПб., 1897.
- Кричевский В. Водка от А до Я. — СПб., 2006.
- Кунин В. В. Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками. — М., 1987.
- Курапцева Н. «Петербургу быть пусту?» — Смена, 1992, № 69-70.
- Курганов Е. Анекдот как жанр. — СПб., 1997.

- Лихачев Д. С.* Заметки и наблюдения. — Л., 1989.
- Ломан О. В.* Предания о Пушкине. — Литературный критик, 1938, № 3.
- Лукоморье. 1914, №№ 1, 3, 12, 13, 14.
- Лурье В.* Памятник, машинопись.
- Лурье С.* Сказки о буреветнике. — Звезда. 1993, № 9.
- Лэхаим! Из еврейского фольклора. — Минск, 2000.
- Метро. 1998, №№ 61, 66; 2001, № 41.
- Минцлов С. Р.* Петербург в 1903–1910 годах. Рига, 1931.
- Михайловский замок. Страницы биографии памятника в документах и литературе. — М., 2003.
- Михневич Вл.* Картины Петербурга. — Живописная Россия, Т. 1, Ч. 2: Санкт-Петербург. — СПб. — М., 1881.
- Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. — СПб., 1992.
- Наше прошлое. — М., 1915.
- Никитина Т. Г.* Так говорит молодежь: словарь сленга. По материалам 70-х — 90-х годов. — СПб., 1998.
- Николай П. Воспоминания. Дневники. — СПб., 1994.
- Новое время. 2001, № 35.
- Новый Петербург. 1990, № 1.
- Обстоятельное собрание современных анекдотов. — Сыктывкар, 1991.
- Окна /Израиль/, 1993, 6 мая.
- Олейников Д.* Глобальный розыгрыш. — Родина, 1997, № 6.
- Осовцов С.* Были и небылицы. — Нева, 1990, № 1.
- Осовцов С.* С чужого голоса. — Нева, 1994, № 9.
- Осовцов С.* Свобода очепятки. — Книжное обозрение, 1999, № 40.
- Петербургский дневник. 2007, № 45.
- Петербургский телезритель. 2006, № 25.
- Петербургский час пик. 1998, № 46; 1999, № 3; 2000, № 2; 2006, № 30.
- Петр Великий в анекдотах Черты из жизни и деятельности. — СПб., 1901.
- Помяловский И. В.* Забавные изречения, смехотворные анекдоты, или домашние остроумцы. —

- Рукопись, ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, Ф. 608, № 4435.
- Попов И. Энциклопедия весельчака, Т. 1, 2. — СПб., 1872.
- Порошин И. Москва — ботва! — Мир Петербурга, 1996, № 2.
- Пушка. 1926, №№ 12, 24; 1927, №№ 14, 29; 1928, № 17.
- Пушкин А. С. Table talk /Анекдоты/. — Сочинения. — М., 1949.
- Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. — М., 1990.
- Пыляев М. И. Старый Петербург. — СПб., 1889
- Рагимов О. Былые небылицы. — М., 1994
- Райкин С. Цена стерильной чистоты. — Вечерний Ленинград, 1987, № 94
- Раков Ю. Тройка, семерка, дама. Пушкин и карты. — СПб., 1994.
- Раневская Ф. Г. Случаи. Шутки. Афоризмы. — М., 2002.
- Раскин И. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса. Опыт словаря с анекдотами, частушками, песнями, поэзией, плагиатом и некоторым псевдотворчеством самого автора. — М., 1994.
- Родина. 1996. № 4; 1999. № 9.
- Рожков А. Почему курица повесилась. Народные острословы о жизни в «большепевизии». — Родина, 1999, № 10.
- Рудницкая И. Открытие Северной Венеции. — Белые ночи. — Л., 1973.
- Русская старина: Путеводитель по XVIII веку. М. — СПб., 1996.
- Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века. — М., 1990.
- Санкт-Петербургская панорама, 1992, № 3.
- Санкт-Петербургские ведомости, 2002, № 161.
- Сатирикон, 1908. №№ 8, 15, 16; 1909, №№ 15, 19, 20, 23, 24, 25; 1910, № 34; 1911, №№ 10, 24; 1912, Ж№ 7, 14.
- Слобожан И. Яковлев В. «Город пышный, город бедный...» — Белые ночи.—Л., 1980.
- Смена. 1991, № 136; 1993, № 15-16.
- Собчак А. А. Хождение во власть. — М., 1991.
- Советская молодежь /Латвия/. 1990. № 72.
- Советский политический анекдот. — Ass Spektrum.
- Соколов А. Сон Менделеева. — Петербургский дневник, 2007, № 8.

Соллогуб В. Петербургские страницы воспоминаний. — СПб., 1993.

Столица России /Нечто вроде монографии/. — СПб., 1912.

Такой вот анекдот. — Ярославль, 1991.

ТВ — Санкт-Петербург. 1998, № 39.

Тилькин И. Байки военных музыкантов. — Константинов А. Новиков А. Тилькин И. Байки служивых людей. — СПб. — М., 2001.

Титомиров В. И. Кольцо Гитлера. Незабываемое. Пережитое: Документальная повесть. — СПб., 2004.

Толстая П. Шведская курица в русской духовке. — Родина, 1997, № 10.

Три века поэзии русского Эроса — М., 1992.

Тулякова-Хикжет В. Аплодисменты. — Воспоминания о Михаиле Зощенко. — СПб., 1995.

Тучин Я. Читайте свежие заборы. — Северная столица, 1998, № 5, октябрь.

Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста: Анекдот. — Таллин, 1989.

Цацко Б. Ленинградцы улыбаются. — Крокодил, 1957, 17.

Чернов А. Город под псевдонимом. — Московские новости, 1991, № 19.

Шаляпин Ф. И. Маска и душа. — М., 1990.

Шерих Д. Городской месяцеслов. — СПб., 1993.

Щуплов А. Жаргон-энциклопедия современной тусовки. — М., 1998.

Эйдельман П. Я. Грань веков. — СПб., 1992.

Эйдельман П. Я. Твой 18-й век. — М., 1991.

Юность, 1988, № 4.

Яичница всмятку /над чем смеялись в 1917 году/. — М., 1992.

Янгиров Р. Анекдоты с бородой. — Новое литературное обозрение, 1998, № 31.

Яцевич А. Пушкинский Петербург. — Л., 1930.

Кроме литературных источников многие анекдоты автором услышаны в передачах радио и телевидения, извлечены из Интернета, всплыли в памяти из давних разговоров, а также любезно предоставлены друзьями, знакомыми и читателями его книг. С благодарностью перечисляю их фамилии:

Акмен А., Алексеева А., Артеменко Г., Белкин Д., Беркетов Н., Бессараб Л., Блинский А., Быченко С., Васильев Г., Волков В., Глозман Г., Гуревич Л., Дианов Д., Дидерикс Р., Дружинина А., Зинчук К., Иванов Б., Израилевич Г., Ищенко Ю., Каминский Л., Канайкин П., Каценельсон Л., Келлер Е., Китаев А., Клубков П., Константинов А., Коренцвит В., Крылов

В., Кузнецов В., Куликов А., Кундина О., Логинова А., Лозовский Е., Любавин М., Мирвис А., Ноздрин В., Пескова Т., Пайс В., Панфилов Е., Патрова Г., Плаксин Д., Плаксин С, Поздняков В., Портучейс М., Русин С., Северюхин Д., Синдаловский Л., Соловьева Т., Тилькин И., Тимофеев А., Фаддеев В., Хавин З., Храбрый И., Чернов А., Шафрова М., Шмитт-Фогелевич П., Эзрохи Л., Юсим И.

mir-knigi.org